

ISSN 1992-4127

БИЙСКИЙ ВЕСТНИК

№2
2024

ЖУРНАЛ РОДИНЫ В.М. ШУКШИНА

Б И Й С К И Й В Е С Т Н И К

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, НАУЧНЫЙ
И ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

2 (82) 2024

ИЗДАЁТСЯ С 2003 ГОДА
при содействии Союза писателей России

Издатель:

КОЗУБЕНКО С.П.

Главный редактор:

БУЛАНИЧЕВ В.В.

Зам. главного редактора:

Толоконников В.М.

Редактор:

Неудахин В.Ф.

Редактор:

Лямкин В.М.

Ответственный секретарь:

Буланичев Д.В.

Редакционная коллегия:

Бурляев Н.П. (Москва)

Иванов Г.В. (Москва)

Козубенко С.П. (Москва)

Мизгулин Д.А. (Санкт-Петербург)

Минаков С.А. (Белгород)

Митрополит Барнаульский и Алтайский Сергей

Нифонтова Ю.А. (Барнаул)

Орлов А.В. (Москва)

Тарковский М.А. (Красноярск)

ISSN 1992-4127

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗЫВНОЙ – ПОБЕДА!

Владимир МАКАРЕНКОВ	Стихи из цикла ZV	3
----------------------------	-------------------------	---

ПРОЗА

Пётр ЛЮБЕСТОВСКИЙ	Рассказы	8
Рената ТХАГУШЕВА	Дом № 12. <i>Рассказ</i>	25
Виктор ФРОЛОВ	Ветеран. <i>Рассказ</i>	41
Владимир ЧУГУНОВ	Провинциальный апокалипсис	48
Вячеслав НЕСКОРОМНЫХ	Катись монетка золотая. <i>Рассказ</i>	75
Игорь СЕРЕДЕНКО	Вещий сон. <i>Рассказ</i>	93
Светлана СЕРГЕЕВА	Рассказы	105

ПОЭЗИЯ

Андрей НОСКОВ	Стихи	33
Дмитрий ДАРИН	Стихи	69
Андрей ЭЙСМОНТ	Стихи	87
Дина НАГОРНОВА	Стихи	101
Галина КОЛЕСНИКОВА	Стихи	110

НАСЛЕДИЕ

Андрей КОВАЛЁВ	Сибирская народная икона	113
-----------------------	--------------------------------	-----

95-ЛЕТИЮ В.М. ШУКШИНА

Анастасия ЮШКИНА	Писатели в творческом наследии В.М. Шукшина	120
Валерий СУХОВ	Стихи	127
Дмитрий КАЮШКИН	Лит. конкурс «Мой Шукшин»	134

СРЕТЕНИЕ

Елена КРЮКОВА	Знаменный распев	159
----------------------	------------------------	-----

ОЧЕРК. ПУБЛИЦИСТИКА

Николай ИВАНОВ	Союзу писателей России – 65 лет! ..	190
-----------------------	-------------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ

Союза писателей России	Праздник единства и гордости	191
------------------------	------------------------------------	-----

Владимир МАКАРЕНКОВ

ДРУГУ ПОЭТУ

Грозиво по земле ветра
разносят уханье орудий.
Всё очень важное вчера
назавтра в пустыках пребудет.

О, как придумано хитро,
входить конём убийства в Трою!
Так, приравняв к штыку перо,
влекут поэзию на бойню.

Поэт, в стихах не призывай
к войне, поэзия влекома
весь мир любить, как отчий край.
Но не предай родного дома.

ДНЕПРОВСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Память крепко хранит всё, что было вчера;
Гром войны, боль народного горя.
Песня мира летит от истоков Днепра
Белой чайкой до Чёрного моря.

Не по воле славян полыхает война.
Миру – мир! Свят народ-победитель.
Плещут воды Днепра, за волною волна:
«Русь жива! Жив Владимир-святитель!»

Владимир Викторович МАКАРЕНКОВ – поэт, публицист. Родился в 1960 году в Смоленске. Окончил МЭИ. Полковник внутренней службы в отставке. Публикуется в центральных и региональных журналах и альманахах, антологиях, коллективных сборниках и др. периодических изданиях. Автор 8 книг стихотворений, аудио-альбома «Я родом из шестидесятых», публицистической книги «Тюремные записки». Лауреат литературных премий: им. А.Т. Твардовского, М.В. Исаковского, Н.И. Рыленкова и др. Ответственный секретарь газеты 144-й гвардейской мотострелковой Ельнинской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии. Главный редактор литературного альманаха «Под часами».

Живет в Смоленске.

Песня мира зовёт к православной любви,
Вспоминает о мудрости княжьей,
О великой земле на славянской крови,
О бесстыжей коварности вражьей.

С песней мира летит от Смоленских ворот
Боль моя за тебя, Украина!
Мы с одних берегов, мы – днепровский народ.
Славянин, ты услышь славянина!..

ГРОМАДНОЕ СЕРДЦЕ

..Снова эти ужасные «бахи»,
Приносящие страшное горе.
И кишки половины собаки
На соседском красивом заборе...
Слышал здесь я и правду и враки,
Видел здесь и Христа и Иуду.
Но глаза половины собаки
Я навряд ли когда-то забуду.

Александр Морозов

Саша Морозов огромного роста.
Снайперу в Сашу прицелиться просто.
Просто в громадное сердце попасть.
Замертво просто, не вскрикнув, упасть.

Саша Морозов – казачий полковник,
Враг для бандеровской своры, их кровник.
С поезда утро в Смоленске встречаем
Не по-военному с чарками – чаем.

Пуля минула... да как уберечься,
Кровью стрельнуло громадное сердце;
Не отмахнёшься шутливо от факта:
Бронежилетов нет от инфаркта.

Не заживает сердечная рана.
Дома осталась – в Дебальцево – мама.
Ёкает сердце на каждый звонок
Сотовой связи:
– Мама!..
– Сынок!..

Мать, по Донбассу герой твой горюет.
Строчки рифмует – с врагами воюет.
Сердце священной обидой кипит.
Память военная – цепкий магнит.

Что тут поделать, товарищ полковник,
Жадно война свой кровавый подойник

Всё наполняет, всё злей украинцы.
А у Европы – пустые глазницы.

Тишь в деревеньке, да слышатся – взрывы,
Видятся: чёрные дымные гривы,
Жжёный забор, половина собаки,
Маленький мальчик в кровавой рубаше,

Огненный демон, вертящий мечом
Над украинцем и над казаком, –
Только ошмётки летят по полям...
Миною лжи разорвало славян.

** Примечание (авт.). Александр Морозов – поэт, публицист, член Союза писателей России, один из авторов книги «Строки мужества и боли... Произведения писателей Донбасса 2014-2015». – М. ИПО «У Никитских ворот».*

РУССКО–УКРАИНСКАЯ ПЕСНЯ

Провожала мама сына,
выйдя на перрон.
На границу с Украиной
едет эшелон.

Эх, доехав, быть бы живу!
Заклучив контракт
после службы по призыву,
кто погибнуть рад?

На полях – сугробы с метр,
смертная тоска
и чертовски жуткий ветер,
а в лесах – войска.

Ой, вы, Мати Украина,
Мать Россия-Русь,
мама ждёт живого сына,
а не скорбный груз!

КАКОЕ СЧАСТЬЕ БЫТЬ СЕГОДНЯ РУССКИМ!

Как ангельские крылья у виска,
затрепетали мысли, сжалось сердце
в день «Z», когда российские войска
на Украину двинули гвардейцев.

И раскололись надвое умы
от столкновенья лжи и правой силы.
На всей планете нет такой страны,
чтобы была правдивее России.

И попранный великий русский мир
воспрянул и пошёл к народу-брату,
спасенье от бандеровской чумы
доверив верно русскому солдату.

«Z – за победу!» – краской на броне.
«V – сила в правде», а не в громе пушки.
Чего стесняться и бояться мне?
Какое счастье быть сегодня русским!

Я ЗАЩИЩУ С ОРУЖИЕМ СВОБОДУ!

Я внук и сын солдата, мой земляк,
Громя фашизм в Европе, в сорок пятом
Установил победный красный флаг
В Берлине над поверженным Рейхстагом.

Я сам пошёл по дедовым стопам –
Служить в российской армии народу.
Я никому Россию не отдам!
Я защищу с оружием свободу!

Меня поймут любимая и мать,
Я Родине сердечно дал присягу.
Не нужно мне в бою напоминать –
Я сам себе сказал – «Назад ни шагу!»

Мы праведно сражаемся с врагом,
Как русские богатыри в былине.
Несём и словом правды, и огнём
Свободу от нацизма Украине.

КЛЯТВА

Святая богомольная страна,
раздольная привольная Россия
в глазах своих детей отражена,
слились в узор любовь и ностальгия.

Но, не увидеть из чужих сторон,
когда переливает светом солнце,
что небо – шитый золотом хитон
с плеча Георгия Победоносца.

Когда с креста распятия Христа
Кровь пролилась и потекла наградой
прощения в днепровские места
и пропитала их, то стала правдой –
вселенской – на земле Святая Русь.

Я сын Руси – со мною не лукавьте –
в тысячелетье атомном клянусь:
служить неустрашимо русской правде!

ПИСЬМО ВОИНУ СПЕЦОПЕРАЦИИ НА ДОНБАСЕ И УКРАИНЕ

Сынок, прости, что, может, фамильярно
к тебе я обращаюсь в грозный час,
когда судьба свершается фатально,
как будто нет уж жизни про запас.

Ты воин, сын великого народа,
а для меня пожившего – сынок.
Осилишь ли, вернувшись из похода
уставшим, глубину отцовских строк?

По сводкам Министерства обороны
я представляю здесь, как жарко там,
где бункеры и вражьи гарнизоны
расставлены засадно по лесам.

Я в новостях смотрю, как украинцы
крушат Донбасс, как входят в мирный дом
разнузданные националисты,
чтобы себя прикрыть живым щитом.

Сегодня на свои телеэкраны
приветственно смотрела вся страна,
как раненым вручали генералы
за мужество и доблесть ордена.

И я подумал, сколько нужно силы
иметь в душе, чтоб выполнить приказ,
не опозорить воинство России
и стать живым щитом для мирных нас.

Воюй, сынок, так, чтобы все фашисты
во всех земных краях и всех времён
запомнили, что русские плечисты,
отлупят всех, кто лезет на рожон.

Хоть ложь и взорвалась медийной миной,
Хоть мир и зашатался на корню,
Ещё спасибо скажет Украина,
А я сейчас: «Спасибо!» – говорю.

Пётр ЛЮБЕСТОВСКИЙ

ПОРТРЕТ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ОТЦА-ФРОНТОВИКА

В моей комнате на стене висит портрет в простенькой деревянной рамке. Пожелтевший от времени рисунок – самая дорогая семейная реликвия. Портрет выполнен непрофессиональным художником, но с поразительной точностью – широкоплечий, с крепкой шеей, с русой вьющейся шевелюрой лейтенант-пехотинец смотрит на меня добрыми, чуть грустными глазами. Это мой отец. Портрет я помню с детских лет. Отец, вернувшийся с войны, достал его из вещмешка и повесил над своей кроватью, у изголовья. После войны он работал машинистом и, отлучаясь из дома, каждый раз брал его с собой в поездку. Это был его талисман, который всегда приносил ему удачу.

Уже тогда я догадывался, что портрет не просто дорог отцу – с ним связана какая-то фронтовая история. Я убедился в этом, когда мать, протирая настенные фотографии, нечаянно уронила портрет. Отец, всегда сдержанный, неожиданно вспыхнул гневом:

– Чем так небрежно обращаться, уж лучше не трогай! Этот портрет для меня святыня.

– Подумаешь, святыня, – раздосадованно сказала мать. – Кто-то в оккупации горе мыкал, а кто-то в лесу отсиживался, крутил шурымуры с чужими мужиками, рисовал их портретики...

Отец сжал кулаки и, играя желваками, посмотрел на мать с таким укором, что даже мне стало не по себе. Мать виновато опустила голову и молча вышла из комнаты.

Когда отца не стало, она повесила портрет над своей кроватью и до конца дней хранила его. Я был уже студентом, когда тяжелобольная мать однажды позвала меня к себе в комнату и, кивнув на портрет, сказала:

– Сбереги его... Отец так дорожил им...

И, тяжело вздохнув, словно снимая с души камень, призналась:

– Я давно собиралась тебе рассказать...

В июле сорок первого прорываясь из окружения после ожесточённого боя на Буйничском поле

Пётр ЛЮБЕСТОВСКИЙ (Кузнецов Пётр Петрович) родился в 1947 году на Смоленщине, в деревне Любестово. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Калининский государственный университет. По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Подполковник в отставке. Работает учителем в школе-интернате. Член Союза писателей России.

Живёт в г. Сельцо Брянской области.

под Могилёвом, отец был тяжело ранен и в бессознательном состоянии попал в плен. Всех военнопленных, кто мог стоять на ногах, фашисты направили в концентрационный лагерь. Прошедшей все муки ада небольшой группе военнопленных, в которую входил и отец, удалось бежать из фашистского концлагеря. Пробираясь к своим, бойцы долго блуждали по окрестным лесам и болотам, пока не наткнулись на партизанскую базу. Так отец и его боевые товарищи оказались в партизанском отряде «Лесные мстители». После соответствующей проверки отец и ещё двое его товарищей были зачислены в диверсионную группу.

Группа разведчиков-подрывников партизанского отряда целиком состояла из окруженцев. Тяготы войны закалили бойцов. Это были крепкие, отважные парни, не раз ходившие под смертью. Когда погиб командир разведгруппы Николай Дронов, группу возглавил отец.

Осенью 1942 года, добыв ценные сведения и пустив под откос у разъезда Узкое большой эшелон с техникой и живой силой противника, разведгруппа возвращалась в отряд. У небольшой лесной речушки партизаны наткнулись на гитлеровцев, прочесывающих местность. Завязался неравный бой, в котором отец был тяжело ранен. Истекающего кровью командира разведчики принесли на плащ-палатке без признаков жизни. Отцу грозила гангрена с ампутацией ноги, но партизанский доктор Станислав Метельский успешно провел сложнейшую операцию и вытащил отца с того света. В партизанском госпитале за отцом ухаживала молодая, пленительной красоты и доброго нрава, медсестра Тоня Красникова. Благодаря её стараниям отец обра-

вился от тяжёлой раны и снова попросился в разведку.

В августе сорок третьего из Ставки Верховного Главнокомандующего в партизанский отряд поступил приказ провести тщательную разведку в селе Жарынь. Тамошняя крупная автобаза и авторемонтный завод обслуживали четвёртую германскую армию группы армий «Центр».

Когда партизаны получили задание от командира отряда собрать разведданные о фашистской автобазе, к отцу обратилась Тоня Красникова:

– Константин Петрович, возьмите меня с собой. Я немецкий знаю и оружием неплохо владею.

– Нет, не могу, – категорично ответил отец. – Задание ответственное, предстоит опасный рейд в тыл врага. Идут только опытные разведчики. А медики в отряде на вес золота – командир не разрешит.

– Я уговорю его, – заверила Тоня и умоляюще посмотрела на отца.

– Я все равно буду против, – отвёл он взгляд.

– Ну что я за партизанка, – взмолилась Тоня, – порошу не нюхала. Скоро конец войне, а мне и рассказать нечего... Вы ведь обещали.

И отец уступил, чего простить себе не мог всю оставшуюся жизнь. Он сам пошел к командиру отряда и убедил его в целесообразности включения медсестры Красниковой в состав разведгруппы.

До базы гитлеровцев партизаны добрались благополучно. Тоня действительно неплохо знала немецкий язык, и это пригодилось разведчикам. Они сумели узнать состав немецкой охраны, её вооружение, дислокацию постов, численность фашистского гарнизона.

На обратном пути, за околицей села, разведгруппу обнаружил немецкий патруль. Чтобы оторваться от погони, сбить со следа немецких овчарок, разведчики сутки просидели в топком болоте, по пояс в воде.

Однако при переходе большака партизаны вновь напоролась на фашистов. Приняв короткий бой, разведчики решили перелесками пробираться на хутор Красная горка. Когда спустились в овраг, отец, видя, что над группой нависла опасность, отдал приказ:

– Быстро уходите в рощу за хутор, а оттуда – в лес. Я задержу их на полчаса. А вы любой ценой доставьте разведданные в отряд.

Он обнял по очереди ребят, потом Тоню. Девушка заплакала. Отец улыбнулся и покачал головой:

– Разведчики не плачут. И успокоил ее:

– Мы ещё встретимся.

Затем ещё раз обнял и впервые поцеловал.

Отец залёг на склоне оврага. Немцы были уже рядом: он слышал их голоса, видел их силуэты в дымке утреннего тумана. Один из фашистов на ломаном русском крикнул: «Рус, сдавайсь!» Отец подпустил врагов поближе и ответил короткой очередью. Когда патроны кончились, достал гранату и стал выжидать, пока приблизятся и окружают.

Несколько здоровых фрицев поднялись во весь рост и осторожно двинулись к краю оврага.

Неожиданно из-за холмика, густо заросшего высокой блёклой травой, в которой пестрели последние летние цветы, раздалась автоматная очередь. Несколько немецких солдат упали на землю. Один из них, повернувшись в

сторону холмика, успел нажать на спусковой крючок. Отец приподнялся и швырнул в него гранату.

Стрельба затихла, и отец стал пробираться вдоль оврага туда, где укрылся автоматчик, пришедший ему на помощь. Каково же было его удивление, когда он увидел Тоню. Она лежала на песчаном бугорке, уткнувшись лицом в жёлтую подушечку отцветавших бессмертников. Из её виска сочилась кровь. Отец бросился к ней, осторожно повернул к себе лицом. Тоня успела прошептать:

– В госпитале... в вещмешке...

Возвратившись в отряд, отец с повинной головой зашел к командиру и доложил о случившемся. Они вышли из землянки и увидели, что партизаны, склонив головы, окружили свою любимицу – медсестру Тоню Красникову.

Когда тело отважной партизанки было предано земле, разведчики поклялись на её могиле отомстить фашистам, не оставив камня на камне от их автобазы в Жарыни.

На исходе дня отец зашел в партизанский госпиталь, где, опустив голову, в глубокой печали сидел доктор Метельский. В руках он держал портрет. Доктор приподнял голову и пристально посмотрел на отца. Затем протянул портрет отцу и сказал:

– До войны Тоня мечтала стать художницей. Здесь каждую свободную минуту рисовала пейзажи. Рисовала талантливо и дарила рисунки раненым бойцам. Но особенно, как мне кажется, ей удался вот этот портрет. Она его никому не показывала. Я увидел случайно...

Отец взглянул на портрет и узнал себя.

Немецкую автобазу и авторемонтный завод партизаны разгромили спустя неделю. В ожесточенном бою отличились разведчики-подорывники. Когда осколком гранаты ранило командира партизанского отряда Фёдора Данилина, отец принял командование операцией на себя.

За проявленное в том бою му-

жество и отвагу отец получил свой первый орден Красной Звезды. Медсестра Антонина Алексеевна Красникова была награждена медалью «За отвагу» посмертно. До победы было ещё очень далеко, а до освобождения области, где базировался партизанский отряд «Лесные мстители», оставался всего один месяц.

ОБЕЛИСК

По всей России обелиски,
Как души, рвутся из земли.

Римма Казакова

На всю жизнь запомнился мне обелиск у обочины лесной дороги, ведущей из деревушки Несоново в поселок Загорье.

По этой извилистой лесной дороге мне пришлось ходить с друзьями целых одиннадцать лет в поселковую школу. И все эти годы у тихой лесной речушки Навли, в оградке из штакетника, сверкал серебром на солнце стройный обелиск, на вершине которого алым огоньком горела небольшая пятиконечная звезда. У подножия обелиска в летнее время лежали пестрые полевые цветы, а зимой к нему вела расчищенная от снега тропинка. На темной металлической пластине в центре обелиска была выбита надпись: Трофимов Павел Алексеевич (1924-1942).

Мы с ребятами долго не знали, кто так заботливо ухаживает за лесным памятником, пока однажды весной, поутру шагая в школу, не увидели в оградке свою любимую учительницу Марию Константиновну с букетиком скромных ландышей в руках, на листьях которых еще блестели капли росы. Мы побежали к учительнице и заметили, что на ее щеках в лучах утреннего

солнца блестят такие же капли. С той поры мы тоже стали собирать в березовом лесочке яркие цветы с белыми, синими, розовыми, желтыми венчиками, которыми были залиты лесные поляны, и носить их к памятнику. Застав нас однажды за этим занятием, Мария Константиновна сказала:

– Спасибо вам, ребята, за память о Павлуше.

– А кто он, Павел Трофимов? – заинтересованно спросил один из нас.

– Партизан-разведчик, отважный парень и мой друг, – взволнованно ответила Мария Константиновна. – Павел погиб в юном возрасте незадолго до освобождения нашей области от фашистов...

– Расскажите о нем, – попросили мы учительницу.

Она грустно улыбнулась и слегка кивнула головой.

...В глухую лесную деревушку Несоново фашисты нагрянули на рассвете, в синеватой темноте, когда жители еще спали.

Суматошные крики людей, гвалт домашней птицы, визг поросят, лай собак неслись от края до края деревни, пронзая утреннюю

тишину и эхом отзываясь в густом лесу. Вскоре вся деревня была уже на ногах. Кто-то бросился спасать свой скарб, кто-то скотину, а кто-то свою жизнь, решив укрыться в лесу. Но деревня была уже полностью оцеплена. Прозвучали первые выстрелы, и люди вынуждены были вернуться назад.

Жителей собрали в центре деревни на зеленой полянке у сельского совета. Выставили охрану. На крыльцо поднялся высокий худой офицер. Рядом прыгал маленький плюгавый мужичишка – переводчик из русских.

Офицер через переводчика сообщил, что в соседнем селе Сергеевка прошедшей ночью партизаны напали на ночной санаторий для немецких пилотов с Сещинского аэродрома. Погибли опытные асы, крылатые любимцы фюрера. Сожжено здание санатория, уничтожено имущество. «Нам стало известно, что бандитам помогали жители вашей деревни. Партизаны изучили подступы к санаторию, охрану и вооружение, расположение постов, размещение помещений, наличие отдыхающих. Это значит, что они долгое время вели наблюдение за объектом, а пособниками у них были местные жители», – заключил офицер. И предложил выдать тех, кто поддерживал связь с партизанами, их родственников, а также коммунистов и комсомольцев. За достоверную информацию офицер пообещал большую премию от немецкого командования и хороший паек.

– Даю на размышление не более пяти минут. Если не будут выданы сообщники бандитов, все жители будут расстреляны, а деревня сожжена.

– Как же, так и выдали тебе, чертов хлыщ, сообщников. Мы все

сообщники в борьбе против вас, оккупантов, – пробурчал в толпе старик Артем Трофимов.

Но тут из передней шеренги шагнул вперед горбун Егор Шугуров, бухгалтер сельсовета:

– Здесь, среди нас, учительница Машка Елизарова, – кивнул он на толпу. – Ее отец, Константин Елизаров – партизанский комиссар. Вот и пусть она отвечает...

Толпа зашикала на предателя. Офицер вытащил пистолет из кобуры, выстрелил в воздух и нервно крикнул:

– Ахтунг! Кто есть Машка Елизарова?

Горбун показал в середину толпы, где, втянув голову в худенькие плечи, стояла стройная русоволосая девушка с косой до пояса. Солдаты бросились к ней и вытолкнули вперед прикладами автоматов.

– Ты есть дочь комиссара? – ткнул пальцем в грудь девушки офицер.

– Я не знаю, где мой отец. Возможно, он воюет на фронте, – робко ответила Маша. – В деревню он не приходил...

– Арестовать и отправить в комендатуру! – дал команду офицер.

В это время из шеренги вышел дед Артем. Он пристально взгляделся в своих земляков. На их лицах была печаль страданий и горя.

– Отпустите учительницу. Партизаны приходили ко мне. Он с ненавистью глянул на Горбуна и сквозь зубы произнес: «Как же ты теперь жить думаешь, иуда?»

Два рослых эсэсовца подхватили старика под руки, потащили к машине. Туда же направился офицер. Следом бросились солдаты. Они быстро заполнили грузовики и колонна из трех грузовиков, грозно урча, двинулась в сторону Загорья.

А наутро следующего дня эсэсовцы вновь нагрянули в деревню. Вновь стоял шум, визг, звучали выстрелы, слышались тревожные крики, раздавался плач детей и женщин. На той же полянке у сельсовета офицер-хлыщ через переводчика объявил поникшим людям:

– Вчера вечером был убит Егор Шугуров, который верно служил новой власти. Это дело рук тех, кто связан с партизанами. Мы намерены уничтожить деревню, если не будут выданы их сообщники.

Люди замерли. Притихли даже малые дети. Вокруг стояла тревожная, настороженная тишина. И только могучие сосны чуть слышно шептались меж собой о том, что не в силах помочь людям, защитить их, спасти от беды. Неожиданно из толпы решительно шагнул вперед крепкий парень в стеганке, перепоясанной широким ремнем, и громко сказал:

– Это я его убил. Таким не место среди людей.

Это был внук деда Артема и друг Маши Елизаровой Павел Трофимов. Вечером он возвращался с товарищами из разведки и заглянул в Несоново. Узнав о том, что его подругу и деда схватили гитлеровцы по доносу Горбуна, Павел решил наказать предателя. Павел вытащил его из погреба, где он спрятался на ночь и предложил следовать в партизанский отряд. Горбун упирался. И тогда Павел отвел его в лог за околицу и дал по нему очередь. Жители деревни, узнав об этом, в один голос заявили: «Собаке – собачья смерть». Павел заночевал в деревне. Он не знал, что сын Горбуна Сенька тайком сбежал к немцам и сообщил им, что отец расстрелян партизанами.

К Павлу бросились гитлеровцы, заломили руки, прикладами автоматов затолкали в кузов машины.

– Он будет казнен на виду у всей деревни, но только после того, как назовет сообщников и тех, кто помогает партизанам. И такая участь постигнет каждого, кто выступит против нового порядка, против преданных нам людей, – выкрикнул Хлыщ. Переводчик едва успевал переводить, непрерывно вытирая платком пот с одутловатого лица.

Когда колонна двинулась в путь, кто-то в толпе тяжело вздохнул:

– Жаль, партизаны не знают, что фашисты повадились в лес. Они бы встретили их и проводили с почестями.

Но вскоре жители деревни услышали выстрелы. Надеждой и радостью засветились их лица. Это шел бой у реки Навли, на полпути к Загорью.

Командир партизанского отряда, обеспокоенный тем, что разведчик Трофимов не вернулся с боевого задания, ломал голову: «Что случилось?» На рассвете он послал связного в Несоново. Тот возвратился и сообщил о последних событиях в лесной деревне. И тогда командование отряда приняло решение устроить засаду на колонну гитлеровцев у моста через Навлю.

Бой был недолгим. Пользуясь внезапностью, партизаны окружили и уничтожили небольшой отряд противника, захватили вооружение и технику. Воодушевленный успехом, командир предложил продолжить операцию: напасть на комендатуру в Загорье и освободить заложников. Партизаны переоделись в немецкую форму, пересели на немецкие автомашины и мотоциклы и двинулись в поселок.

Операция прошла удачно. Гарнизон гитлеровцев в Загорье был практически полностью уничтожен. Но и партизаны понесли потери. Несколько человек погибли. При штурме комендатуры получил тяжелое ранение разведчик Павел Трофимов. На обратном пути он скончался и был похоронен у лесной дороги, неподалеку от Навли.

Марию Елизарову враги расстрелять не успели. Но пытки, избиения и издевательства не прошли для нее даром. А главное, она потеряла любимого человека, который сделал все, чтобы спасти ее. И это явилось для нее глубокой, незаживающей душевной раной на всю жизнь.

Молодость и время вернули ей силы. После войны она вновь за-

нялась любимым делом – продолжила учить грамоте деревенских ребятишек. Эта женщина светлой красоты и пленительного нрава замуж так и не вышла. Одни считали, что Мария не встретила парня, похожего на Павла, другие – что она хранила ему верность.

Прожила Мария Константиновна не долгую, но содержательную жизнь, воспитала немало замечательных учеников. И всю жизнь она была верна любимому, свято хранила память о нем, ухаживала за его могилой и, умирая, завещала похоронить ее рядом с Павлом, у лесной дороги.

Благодарные ученики выполнили ее наказ. И теперь на обелиске их имена рядом: Трофимов Павел Алексеевич и Елизарова Мария Константиновна.

СНЕГИРИ

Я знаю, ты рядом со мною
Сто раз свою грудь подставлял.
К. Симонов. Безыменное поле

Каждую зиму в Мареевку, лесную деревушку в одну улицу, прилетала стайка снегирей.

Едва проселок укрывался белым покрывалом – птицы тут как тут, на деревенском пустыре, напротив хаты Листратовых. В эту пору Павел Максимович Листратов оставлял все дела и устраивался у подслеповатого окна своей состарившейся, довоенной постройки избы и пристально наблюдал, как красавцы-птицы в красных галстуках кормились на сухих репейниках, сплошь укрывших опустевшую усадьбу.

На этой усадьбе жил фронтовик Егор Мирошин, друг детства Павла Листратова. Несколько лет назад Егора не стало. Он ушел но-

чью, не успев проститься ни с женой, ни с другом. Фронтовик умер от ран, полученных в бою под Чаусами, – нестерпимую боль не выдержало сердце. Вскоре после смерти Егора покинула этот мир и его жена Мария Николаевна. Родственники, живущие в соседнем селе, разобрали постройки на дрова, и усадьба фронтовика опустела.

С уходом Егора Мирошина в Мареевке остался единственный фронтовик – Павел Листратов. Старик выглядел статным, худощавым, подтянутым, только седые волосы да борозды-морщины на смуглом лице, словно кора на старом дереве, выдавали его года и пережитые испытания.

Дождавшись снегирей, Павел Максимович изо дня в день с замиранием сердца следил за птицами, пребывая в глубоком раздумье. Его сухонькая, миловидная жена Анна Петровна, или Анюта, как ласково называет ее Павел Максимович, в такие минуты старалась не тревожить старика и даже не напоминать о своем присутствии. Кому, как не ей, знать, что снегири для Павла – это отдельная, судьбоносная история. Впрочем, как и для нее...

Суровой зимой 41-го их стрелковый батальон вел тяжелые бои под Можайском. Между боями командир батальона капитан Онуфриев, бывший начальник одной из западных пограничных застав, седовласый, широкоплечий сибиряк с крупным волевым лицом, которого бойцы меж собой уважительно называли отец Онуфрий, всячески стремился организовать разведку, чтобы четко представлять силы и средства противника на передовых рубежах.

В тот декабрьский день был тяжелый бой за хутор Вьюнки, приютившийся у подножья небольшой высоты. Немцы, уверенные в своем превосходстве, как оголтелые бросались в лобовую атаку, но батальон Онуфриева выстоял, не отступил, хотя понес немалые потери. Во второй половине дня наступило затишье. Похоже, немцы, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление со стороны русских, решили перегруппировать свои силы и обойти высоту с флангов.

Получив небольшую передышку, наши бойцы старались успеть залечить раны, согреться, запастись боеприпасами и похоронить боевых товарищей. Тем временем комбат через политрука вызвал

посыльного в штабную землянку и отдал команду:

– Листратова и Назаревича ко мне!

Через пару минут разведчики стояли перед комбатом навтыжку.

– Присаживайтесь, – жестом показал Онуфриев на широкую лавку, – и угощайтесь. Вот для вас горячий чай...

Капитан поставил на грубо сколоченный стол две потускневшие алюминиевые кружки, рядом положил несколько тоненьких черных сухарей: – А заодно – о деле. Надо срочно выяснить обстановку на передовой у немцев. Нам необходимо знать, что они затевают. Не скрою, риск велик, придется идти белым днем, но ждать нельзя. В любую минуту наступление немцев может возобновиться. Очень рассчитываю на вас. Старшим назначаю сержанта Листратова.

– Слушаюсь, – вскочил со скамьи и вытянулся в струнку Павел.

– Если задача ясна – облачайтесь в маскхалаты и с Богом.

Комбат встал из-за стола, поочередно пожал руки разведчикам.

Проходя мимо окопа, где находился полевой лазарет, Сергей Назаревич, худенький, невысокий боец, похожий на мальчишку, до войны успевший окончить педагогический техникум, будто советуясь с Павлом, сказал:

– Хочу на минутку к Анюте забежать.

– Жду тебя у обгорелой березы, – кивнул за бруствер окопа Павел.

– Я мигом, – крикнул на ходу Сергей.

Он догнал Павла, когда тот, укрывшись за стволом старой, почерневшей от копоти березы, намечал дальнейший маршрут передвижения.

– С Анютой не увиделись, – с сожалением сказал Сергей. – Работы у нее невпроворот – в дальнем окопе перевязывает тяжелораненых. И с горечью добавил:

– Впервые иду в разведку без ее благословения.

– Ничего, даст Бог, увидите после, – успокоил друга Павел. – Давно хотел тебе сказать, но все было не к месту – замечательная девушка, твоя Аня. Даже не думал, что она, такая нежная и хрупкая на вид, может выдержать трудности фронтовой жизни, да еще на передовой. Никогда не слышал от нее жалоб. Раненых почти безнадежных выхаживает, видать, каждому из них часть своего сердца отдает. Не зря бойцы ее так любят. Завидую тебе по-доброму, Серега. И жена будет верная, и хозяйка что надо...

Сергей слегка смутился, кивнул в знак согласия головой.

– Ранение у меня под Могилёвом было очень серьезное, я тебе рассказывал, – напомнил другу Сергей. – Шансов выжить не было. Но Аня спасла меня, вытащила с поля боя под пулями и выходила. Я тогда поклялся себе: если выживу, то непременно женюсь на ней. Но побаивался, что она меня отвергнет – ведь красавица редкая, я не чета ей. К счастью, приглянулись друг другу... Закончится война, увезу Анютку в свое родное село с красивым названием Серебряный Ручей, что под Кричевом, сыграем свадьбу. Всех фронтовых друзей на свадьбу приглашу, а тебя, Павел, как земляка, – первым, – дружески взглянул на сержанта Назаревич. – Построим новый дом. Анютка нарожает мне крепких красивых детей. И зазвонят голоса в нашей светлой просторной избе. Посадим сад, заведем скот и птицу.

Я буду деревенских детишек грамоте учить, а Анюта будет в сельском медпункте работать, людям помогать.

По снежной целине разведчики по-пластунски медленно продвигались в сторону опустевшей деревни Понизовье, на окраине которой окопались немцы. Благополучно добравшись до небольшой балки, друзья затаились на одном из склонов, среди покрытых инеем зарослей черемушника и крушины, и пару часов наблюдали за скрытым перемещением противника на фланги, вели счет технике, вооружению и живой силе.

Ближе к вечеру, когда за балкой заалел закат и горизонт вспыхнул ярко-красным заревом, разведчики, продрогшие до костей, спустились на дно оврага и стали пробираться к своим позициям.

Преодолев овраг, они поднялись по склону вверх и решили немного передохнуть, прежде чем пересечь большую поляну, занесенную сугробами. И здесь, на вершине склона, укрытого торчащим из снега репейником, Назаревич увидел стайку красногрудых снегирей, повисших на заиндевевшем былье, словно волшебные фонарики.

– Павел, посмотри, какая красота, – прошептал Сергей. – Будто и нет войны. Живут, кормятся, щебечут. В детстве снегири часто гостили в моей деревне. Мне так хотелось подержать этих красавцев в руках. С закадычным другом Юркой Ковалем мы соорудили ловушку – к доске прикрепили петли из конского волоса, насыпали на доску мякины, установили ловушку на пустыре, где чаще всего обитали снегири, стали издали наблюдать за ними. Как же мы радовались, когда в петлю угодил пухлый

красногрудый снегирь! Но когда я освобождал его лапу, то почувствовал, как трепещет от страха птичье сердечко. И мне стало жаль красавца-снегиря. Я погладил его перышки, дал погладить Юрке, потом не удержался от искушения – прикоснулся щекой к розовому брюшку и отпустил снегиря на волю...

Разведчики всячески старались не потревожить птиц, чтобы не обнаружить себя. Однако снегيري заметили бойцов и тотчас взметнулись стайкой, стряхнув с быльи легкое облачко белого инея. Разведчики выдержали паузу и ползком поднялись на вершину склона. И тут Павел услышал треск, будто кто-то неподалеку сломал сухой сучок. Он посмотрел на Сергея и увидел, что тот лежит рядом, уткнувшись головой в снег.

Сержант тихо позвал друга, но тот не ответил. Павел дотянулся до него рукой и слегка тронул за плечо. Сергей с трудом приподнял голову, прошептал: «Сбереги Анюту... и ребенка...» Листратов повернул тело разведчика на бок. На маскхалате Назаревича и на снегу атели пятна крови. «Серёга спас меня. Принял мою пулю на себя», – пронеслось в голове у Павла.

Укрывшись в овраге, Листратов окоченевшими руками перевязал тяжелораненого друга. Тем временем стало темнеть. Не теряя ни минуты, сержант уложил Сергея на плащ-палатку и осторожно потащил за собой.

В пути пытался приободрить истекающего кровью земляка:

– Ничего, Серега, сдюжим! На Буйничском поле под Могилёвом было тяжелее. Но выстояли, вырвались из окружения. Потерпи, брат, скоро доберемся до своих. А

там твоя Анюта сделает все, чтобы вновь поставить тебя на ноги. Со своей задачей мы справились – выяснили обстановку. Комбат был прав – немцы хотят обойти нас с флангов, взять в кольцо, но у них ничего не выйдет. Хутор и высотка им не по зубам...

Сумеречные тени густо укутали снег, когда Павел подтащил к старой березе заочневшее тело друга. Здесь его встретили бойцы и комбат.

– Как это случилось? – сурово спросил Онуфриев, стягивая с головы шапку. – Неужто снайпер обнаружил?

– Похоже, что так. Это моя вина – надо было возвращаться под покровом темноты, – упавшим голосом произнёс Павел. – Торопились доложить о выполнении задания, да и продрогли до костей...

– Жаль, такого разведчика потеряли, – с горечью произнес комбат.

Павел видел, как подбежала к Сергею Анюта, как упала на снег, зарыдала.

Листратов отошел в сторонку, закурил и жадно тянул сигарету, искоса наблюдая, как Анюта, уткнувшись головой в окоченевшее тело Назаревича, плакала и что-то шептала. Не выдержал и Павел...

В последнюю зиму снегيري в Мареевку не прилетели. Анна Петровна заметила, как после долгих ожиданий Павел Максимович затосковал, поник. Фронтовик днем не находил себе места, а ночью нередко вставал, сидел у темного окна, прошитого стежками снегопада, и тяжело вздыхал.

Анна Петровна встревожилась, позвонила старшему сыну Сергею, рассказала о захворавшем отце, о том, что он потерял всякий интерес к жизни и большую часть времени проводит в кровати.

Вскоре приехал Сергей. Он долго беседовал о чем-то с отцом. Потом достал из сумки небольшой магнитофон, поставил его у изголовья постели отца и нажал на клавишу. Приятный мужской голос сообщил: «А теперь по заявке Сергея Листратова, прожи-

вающего в областном центре, для его отца, фронтового разведчика Павла Максимовича Листратова из деревни Мареевка, исполняется песня Юрия Антонова «Снегири». Нежно зазвучала гитара, и артист проникновенным голосом запел:

*Эта память опять от зари до зари
Беспокойно листает страницы,
И мне снятся всю ночь на снегу снегири,
В белом инее красные птицы...*

Павел Максимович разволновался. На глазах фронтовика выступили слезы. Он встал, крепко обнял сына, похлопал ладонью по спине...

И теперь, каждый раз, как только сгущаются ранние зимние сумерки, Павел Максимович включает магнитофон и слушает песню, будто написанную для него и о нем:

*Мне все снятся военный поры пустыри,
Где судьба нашей юности спета.
И летят снегири, и летят снегири
Через память мою до рассвета...*

Рядом устраивается Анна Петровна и, слегка прислонив седую голову к плечу мужа, слушает волнительную песню, вспоминает

далекие фронтовые годы, друзей-однополчан и не может сдержать предательские слезы.

ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

В первую мировую войну Игнат Фомич Петрунин, тогда ещё просто Игнат воевал на германском фронте, где и был взят в плен. Пленных солдат в то время в лагерях держали недолго – их использовали как рабочую силу на землях немецких бауэров. Так Игнат оказался в родовом имении немецкого барона Карла фон Дитриха.

Будучи деревенским мужчиной в расцвете сил, а по натуре злобным и предприимчивым человеком, Игнат быстро пришёлся в большом богатом имении ко двору: обрабатывал землю, ухаживал

за скотом, а в свободную минуту тачал сапоги, клепал сбрую, плёл кузова. Немцы, знающие толк в ремесле, по достоинству оценивали мастерство Игната, которого они называли Иваном, и поощряли его усердие в работе хорошим питанием. Спустя год лояльный хозяин, отставной прусский генерал, перевел Игната на менее трудоёмкую работу – садовником при имении. И здесь Игнат, что называется, попал в свою стихию. Русская находчивость и умение, дополненные немецкой пунктуальностью, позволили ему так организовать работу, что в короткий срок всё

вокруг преобразилось на глазах. Старый, запущенный сад заметно помолодел и украсился резными скамейками и беседками, сделанными руками Игната.

Он ни минуты не сидел без дела – постоянно что-то ладил. А рядом с ним, везде и всюду, находился внук хозяина – Рудольф, которому в ту пору исполнилось десять лет. Седой импозантный барон скептически смотрел на дружбу любимого внука с русским пленным, а молодящаяся баронесса – женщина строгих правил – вообще запрещала им встречаться. Однако мальчик рос не только любознательным, но и весьма настойчивым, старался добиться своего. Игнат учил его любить природу, уважать окружающих, много рассказывал о военных баталиях, о великой России, давал уроки русского языка. Рудик, так звал его Игнат, впитывал всё как губка и смотрел на своего случайного учителя благодарными васильковыми глазами.

Четыре долгих года провел Игнат в имении Дитрихов. Он не гневил Бога – не проклинал свою судьбу: ведь остался жив, да и плен проходил в сносных условиях. Но длинные бессонные ночи на чужбине были для Игната сущей пыткой – он буквально не находил себе места. Всеми фибрами души и тела пленник чувствовал, как гложет его зелёная тоска по далёкой Родине, по старикам-родителям, по молодой одинокой жене. Порою возникала мысль подать им весточку – дескать, жив я и здоров, но Игнат гнал её, полагая, что еще не настало время – нет пока реальных шансов вернуться домой. Феня, жена Игната, получив в начале войны извещение, что муж пропал без вести, все эти годы не считала себя вдовой и, как мужняя

жена, неустанно молилась за своего страдальца.

Игнат освободился из неволи так же неожиданно, как и попал в неё. Вернувшись на родину, на самом взгорье села он построил новую избу и разбил большой сад. Односельчане с завистью поглядывали на немецкого пленника и его миловидную, расцветшую от мужской ласки, хлопотунью жену. Детей у Фени и Игната не было, о чём они печалились до войны, но после бесконечной, мучительной разлуки совместная жизнь казалась им теперь блаженством. А что касается детей, то они водили дружбу с деревенской ребятней: нередко приглашали к себе в сад и щедро угощали спелыми, сочными плодами с молодых, редких сортов фруктовых деревьев.

Когда началась Великая Отечественная война, Игнату Фомичу уже стукнуло шестьдесят, и он не попал на фронт. Вскоре деревня была оккупирована, но немцы в ней долго не задержались: контроль за соблюдением режима они доверили местному старосте.

Маленькая деревушка с таинственным названием Незнаново находилась на значительном удалении от железной дороги Смоленск – Брянск, и партизаны-разведчики, идя на задание и возвращаясь обратно, ненадолго останавливались в ней, чтобы отдохнуть и подкрепиться. Возможно, немцы знали, что партизаны заглядывают в деревню, но пока лесные мстители не активизировались, они предпочитали мириться с этим, не забывая об охране железной дороги как важного стратегического объекта.

Ранней весной 1943 года партизаны Клетнянской бригады, совершив ночной рейд в тыл врага, в местечке Солдатское Лядо,

пустили под откос большой эшелон с техникой и живой силой противника. К полудню немцы оцепили деревню и всё население согнали на её окраину – в небольшую пустую конюшню. Командир подразделения немецкой полевой жандармерии, рыжий, мордастый верзила, выдвинул ультиматум: если к утру не будут выданы те, кто поддерживал связь с партизанами, конюшня будет сожжена вместе с людьми.

На рассвете ворота конюшни шумно распахнулись и заложников выгнали наружу. Опытным глазом Игнат Фомич успел заметить на фасаде деревянного строения канистры с горючим, заблаговременно приготовленные предусмотрительными немцами. Переводчик громко объявил: «С вами будет говорить начальник комендатуры господин Рудольф фон Дитрих». На мгновение Игнат Фомич опешил: «Уж не почудилось ли после проведённой в страхе бессонной ночи?» Но он тотчас явственно услышал немецкую речь, и переводчик, будто желая развеять его сомнения, вновь громко произнес: «Господин Рудольф фон Дитрих хочет знать: кто помогал партизанам?»

Дальше Игнат Фомич не вникал в смысл того, что говорил переводчик, а прислушивался к голосу и пристально всматривался в лицо щеголеватого, с безупречной выправкой немецкого офицера лет тридцати пяти. Ему всё больше казалось, что он уже видел раньше этого человека, слышал этот своеобразный немецкий говор. В голове рефреном звучал вопрос: «Неужели это он?»

Когда комендант закончил свою речь и подошёл ближе к толпе заложников, Игнат Фомич ощутил на себе знакомый, любопытный взгляд васильковых глаз. Он

открыл рот и хотел сказать громко, но в горле пересохло, и его голос прозвучал сдавленно, чуть слышно: «Рудик! Это я, Иван!»

Офицер замер в недоумении и уставился в блестящие от волнения глаза старика. Он сосредоточенно, в глубокой задумчивости смотрел минуту-другую, затем встрепенулся и решительно шагнул к Игнату Фомичу. Рудольф фон Дитрих энергично похлопал его по плечу и, дружески улыбаясь, на чисто русском языке многозначительно произнёс: «О, Иван! Сколько лет, сколько зим!»

Немцы и заложники стояли как вкопанные и смотрели с изумлением. Тишину нарушил Дитрих. Он дал команду отпустить всех заложников, а сам остался один на один с русским Иваном-Игнатом. Тот, еще до конца не веря в чудо спасения, пригласил Рудольфа к себе и по русскому обычаю потчевал гостя всем, что водится в доме. Офицер потягивал вишнёвую настойку и вспоминал годы детства, проведённые в имении дедушки, встречу с Иваном и их дружбу, запоздало благодарил за науку, которая ему, видно, пригодилась. Когда речь зашла о диверсии, Игнат Фомич сказал старому другу:

– Рудольф! Вы хотели уничтожить деревню, но ведь партизан здесь нет. Они далеко лесу, и их там так же много, как и деревьев...

Дитрих посмотрел на него трезвым и как бы оценивающим взглядом и без всякой иронии, совершенно серьёзно заметил:

– Если бы у фюрера был такой же учитель, как ты, Иван, он никогда не послал бы своих солдат на эту землю...

Эту почти невероятную историю много лет назад мне рассказала

мать. Она находилась среди заложников, в той самой конюшне, и была спасена в последний момент благодаря встрече старых друзей – немецкого офицера Рудольфа фон Дитриха и русского старика Игната Петрунина.

Теперь, когда я бываю на малой родине, я первым делом прихожу на пустырь, где когда-то была маленькая лесная деревенька с загадочным названием Незнаново, и на заросшем бурьяном погосте не без труда отыскиваю едва заметный бугорок – место, где покоится прах Игната Фомича Петрунина.

Тем, что я хожу по земле, я в немалой степени обязан этому простому русскому человеку с нелегкой судьбой. Стоя у могилы деда Игната, я всякий раз размышляю о той давней встрече его с Рудольфом через четверть века, когда жизнь старика и всех жителей деревни висела на волоске. Что это было? Уникальный случай, Божий перст или просто сработал закон диалектики, когда количество добрых дел и поступков переходит в качество и человек может рассчитывать на что-то важное в жизни.

НЕБЕСНОЕ СПАСЕНИЕ

Эту историю мне довелось услышать от одного из моих друзей, совершивших паломничество в Ольминский женский монастырь.

Во время посещения святой обители ее настоятельница матушка Феофания рассказала прихожанам о том, как в довоенные годы монастырь был закрыт, а во время войны подвергся бомбардировке и был основательно разрушен. И как в послевоенное время поднялся из руин и возродился, словно птица Феникс из пепла.

Матушка Феофания особо подчеркнула, что помимо Божьей помощи в деле восстановления святой обители важную роль сыграл гражданин Германии, участник Второй мировой войны.

Рассказ матушки Феофании об участии бывшего немецкого солдата в возрождении русской православной женской обители показался мне весьма интересным. Я записал его со слов друга и привожу практически полностью.

– Когда встал вопрос о возрождении Ольминской женской оби-

тели, выбор пал на меня. Видимо, так было угодно Богу. Я была уже в почтенном возрасте, а в этом непростом деле нужен был опытный человек, который сумел бы найти силы и средства, чтобы в короткий срок дать вторую жизнь бывшей обители.

Ознакомившись с положением дел на месте, я убедилась, что будущий монастырь придется возводить практически заново. От бывшего монастыря осталась только часть старого храма. Во время войны здесь проходила линия фронта, шли ожесточенные бои. С обеих сторон в них участвовали подразделения пехоты, танки, артиллерия.

Чудом уцелевшие стены храма, обшарпанные, изрешеченные пулями и осколками снарядов, кое-где со сквозными отверстиями, являли собой жалкое зрелище. Такие же отверстия зияли и в куполе храма. Внутри храма лежали груды камней, а на бывшей звоннице поднялись тощие березки-верхолазы. И только фундамент да подвал под храмом сохранились целыми,

если не считать, что последний был едва ли не полностью завален битой штукатуркой и кирпичом.

Ни средств, ни сил на восстановление обители поначалу не было. Но вскоре появились первые насельницы будущего монастыря. Монахини обосновались в небольшом вагончике, подаренном местными строителями, и трудились от зари до зари, чтобы приблизить возрождение обители. Помогали и местные жители: подвозили воду, дрова, приносили продукты.

Те небольшие пожертвования, что попадали в монастырскую казну, целиком шли на строительные материалы: кирпич, цемент, железо, брус. Главное было начать стройку, а дальше Господь не оставит, поможет довести до конца благое дело.

Начали с того, что очистили помещения и территорию, возвели леса, заделали отверстия и трещины в стенах, оштукатурили и покрасили часть здания. На этом средства закончились.

На правах игуменьи вынуждена была пойти по высоким инстанциям, просить помощи у чиновников. Некоторые отказывали, ссылаясь на собственные трудности, другие давали крохи, третьи обещали горы золотые, но палец о палец не ударили, чтобы помочь.

Не отчаивалась, не впадала в уныние, истово молилась вместе с монахинями в расчете на чудо. И оно случилось.

Однажды осенью получила письмо из Германии. Конверт был подписан по-русски и адресовался мамушке Феофании – настоятельнице Ольминского женского монастыря, которого, по сути, еще не было. Вскрыла письмо с большим волнением. Была крайне удивлена,

что в Германии знают о нашей обители и обо мне.

Немецкий язык я изучала в миру, во время учебы в институте, поэтому трудностей с переводом не испытала. К тому же основная часть письма была на русском.

«Добрый день, уважаемая госпожа Феофания!

Пишет Вам житель Нижней Саксонии, ветеран Второй мировой войны Гельмут Кирст, проживающий в немецком городе Ольденбурге.

В сорок первом году, когда фашистские войска подошли к вашей границе, я был призван в армию и направлен на восточный фронт.

О том, что пришлось мне испытать, в подробности вдаваться не буду.

Вначале была эйфория от легких побед. Многим тогда казалось, что покорение Москвы – дело нескольких месяцев, что эта военная кампания всего лишь лёгкая прогулка, наподобие тех, что были ранее в Западной Европе, когда оккупировали Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию...

Однако с самого начала военных действий на вашей территории, начиная с границы, я понял, что нашу армию ждет затяжная кровопролитная война, которая в конечном итоге едва ли приведет к победе Германии.

В боях под Москвой я впервые получил ранение, а после излечения в военном госпитале был вновь направлен на восточный фронт. В ту пору наша часть стояла на территории Центральной России. Здесь мы узнали, что наша армия потерпела сокрушительное поражение на Волге, под городом Сталинградом. Нет необходимости говорить о том, что эта весть надломила боевой дух солдат вермахта.

В 1943 году мы последовательно стали сдавать свои позиции. А осенью того же года наступающие русские войска прорвали нашу оборону и погнали нас со своей территории.

Под вашим поселком, госпожа Феофания, мы попали в настоящий котёл. Бой был на редкость жестоким и длился несколько суток.

Мы делали попытки сдержатъ натиск вашей армии, но безуспешно. Когда боеприпасы были на исходе, мы побежали. Впереди виднелись черные скелеты сгоревших русских хат, дальше — широкое поле, а за ним темный лес. Я понял, что, если мы побежим через поле, нас перестреляют, как куропаток.

Я был молод и очень хотел жить. Мой мозг работал лихорадочно, повторяя одну и ту же мысль: «Как спастись?»

И тут я увидел в стороне от посёлка на высоком пригорке разбитый снарядами православный храм. Решение созрело мгновенно. Я опрометью метнулся в направлении храма, на бегу шепча молитву: «Господи! Имя Тебе Милость. Помилуй. Спаси и сохрани меня!»

Мне повезло. Под прикрытием кустарника я благополучно добежал до дверей храма. Робко шагнул внутрь, перекрестился. И увидел груды битых кирпичей да голые стены, пробитые снарядами. Укрыться было негде, и я понял, что здесь найду свою смерть.

Но случилось чудо. Я сделал ещё несколько шагов, и вдруг взгляд мой упал на узкое тёмное отверстие в полу. Это был вход в подвал, наполовину заваленный битым кирпичом.

Я юркнул туда, словно мышь, и, сдирая руки в кровь, стал быстро маскировать лаз, засыпая себя

сверху кирпичом. Едва я закончил эту работу, как услышал шаги и русскую речь. Я замер. Казалось, что у меня не только прекратилось дыхание, но и остановилось сердце. Солдаты Красной Армии обшарили все углы храма и, убедившись, что в нём никого нет, бросились в погоню за отступающими немецкими солдатами. А я, немного придя в себя, подумал: «Видимо, и впрямь ангелы не оставляют храм, даже если он поруган и разрушен».

Трое суток я провёл в своём укрытии. Среди ночи вылезал, разминал руки и ноги. И все это время истово молился, глядя в ночное небо, усыпанное яркими звёздами. Что только я не передумал за это время? Мне хотелось домой, к матери, к любимой девушке Эльзе, фотографию которой я хранил у сердца. Я проклинал войну, которая разлучила нас, проклинал тех безумцев, кто затеял этот восточный поход, надеясь снискать богатство и славу.

Когда силы стали покидать меня, я вылез из подвала и под покровом ночи поплелся через поле, в сторону леса, вновь надеясь на чудо. Шёл долго. Падал, но поднимался из последних сил. Ел жёлуди, корешки трав, кору деревьев, дикие, наполовину сгнившие, яблоки. Наконец впереди показались спасительные огни. Это была маленькая лесная деревенька в несколько хат. Я постучался в крайнюю и на ломаном русском попросил поесть. Пожилая женщина в тёмном платке, из-под которого выбивалась прядь седых волос, открыла дверь и долго с нескрываемым удивлением изучала меня умными печальными глазами. Потом впустила в избу, подала на стол еду. Обед был скудным, как и вся обстановка в доме.

Я рассказал ей, что по профессии учитель и на фронт попал не по своей воле. Во время трапезы я обратил внимание на фотографии, стоящие на комод. Молодая женщина сидела на солнечной поляне в окружении детей. Я с трудом узнал в ней хозяйку. Она оказалась моей коллегой – до войны работала сельской учительницей. Рядом стояли ещё две фотографии. Мужчина с проседью и молодой парень в военной форме смотрели на меня настороженно.

Заметив мой интерес, хозяйка пояснила, что на одной – её муж, который пропал без вести в начале войны, а на другой – сын, на которого недавно получила похоронную – он погиб в бою за Сталинград. Женщина рассказывала и тихо плакала. Ком застрял у меня в горле. Я не выдержал, упал перед ней на колени, стал просить прощения...

Уходя, сердечно поблагодарил её за угощение, за добрую русскую душу и попросил показать дорогу в город, где находится штаб Красной Армии. Заодно поинтересовался, как называется тот православный храм на окраине ближайшего посёлка. Женщина пояснила, что до войны это был Ольминский женский монастырь. Разбитый храм – это всё, что от него осталось.

Претерпев немалые трудности и лишения, я оказался в лагере для военнопленных на границе с Белоруссией. А после окончания войны и последующей репатриации вернулся в Германию, в свою Нижнюю Саксонию...

В мирное время я сделал неплохую карьеру, стал директором гимназии. Но всю свою жизнь не забывал о том, что именно Оль-

минскому православному храму я обязан своим чудесным спасением. Все эти годы я копил деньги, чтобы когда-то отблагодарить Господа, помочь возродить этот храм. Но долгое время мне не удавалось отыскать сведений о судьбе Вашей обители.

И вот совсем недавно благодаря сети Интернет я узнал, что Вы, матушка Феофания, взяли за возрождение Ольминской обители. Я несказанно обрадовался этому событию и тотчас решил предложить свою помощь. У вас, у русских, бытует пословица: «Долг платежом красен». Не откажите мне в моем предложении. Ведь этой обители я обязан жизнью...»

Я ответила Гельмуту, что готова принять его помощь, поблагодарила и сообщила реквизиты банка и на какой счет можно перевести пожертвования.

С той поры мы стали регулярно получать от него переводы на довольно солидные суммы. Во многом благодаря его помощи мы и возвели свой храм.

Мы приглашали Гельмута Кирста на открытие обители. Он обещал приехать, но неожиданно заболел. Годы берут свое...

Потом был период, когда Гельмут перестал отвечать на наши письма и звонки. И переводы мы не стали получать. Лишь спустя некоторое время его сын Вальдемар сообщил, что его отец умер.

– Перед смертью отец просил меня по возможности поддерживать связь с Ольминской женской обителью и всячески помогать ей, – сказал мне по телефону Вальдемар.

И этот наказ отца Вальдемар Кирст выполняет по сей день.

Рената ТХАГУШЕВА

ДОМ № 12

Здесь бурьян и крапива
Да лиловые шапки репья,
И всегда терпелива
В раскаленной пыли колея.
Д. Андреев

УЛИЦА, ВЕДУЩАЯ К ТЕРРИКОНУ

В самом начале улицы на углу стоит старый развалившийся дом. Его крыша упала на землю и придавила своей тяжестью стены задолго до моего рождения. На уцелевшей стене продолжает висеть номер дома, до последнего противясь ходу времени. Под деревянной некрашеной изгородью дома в тени ореха мы детьми находили зеленую горько-маслянистую кожуру. Орех, вынутый из такой кожуры, был сырым, влажным и немного терпким. Скорлупу подсушенного ореха мы давили прямо на дороге, аккуратно укладывали раздавленное месиво на ладонь и выбирали чистые кусочки. Процедура была варварской и не одобрялась родителями, но от того орех казался только вкуснее.

Ничто не нарушало покой этого дома на углу. Покореженный

временем, он наблюдал за тем, как рождаются, вырастают и уходят из родных домов дети, как стареют и умирают старики, как постепенно дряхлеет улица. Также невозмутимо дом встретил приход войны. Нет, не «24» должно было значиться на его табличке, а слова, напоминающие о неизбежном. «Ты смертен, как и я», – говорил он всем своим видом всякому, кто проходит мимо.

Улица была с наклоном и представляла собой спуск к возвышающемуся над крышами домов и поросшему зеленью террикону шахты «Бутовка». Сдалека деревья казались большими круглыми бугорками-родинками на высокой земляной насыпи. Зимой террикон становился бурым, почти ржавым. В бесснежную погоду к нему тянулись черные голые ветви. Пейзаж был мрачен, угрюмен и тосклив,

Рената ТХАГУШЕВА – поэт, прозаик. Родилась в 1999 году в Донецке. Учится и работает в Донецке. Аспирант по специальности «Теория литературы» и ассистент кафедры истории русской литературы и теории словесности филологического факультета Донецкого национального университета. Стихи пишет с семи лет. Публиковалась в литературно-художественном альманахе «Многоцветье имен».

но не отменял ту радость, которая появляется при виде с детства знакомых очертаний.

Улица никогда не знала асфальта. В глубокие ямы высыпалась печная зола и шлак, которые утрамбовывались машинами и временно выравнивали дорогу. Виляющую дорогу, усеянную бутылочными осколками, твердым угольным шлаком, старыми абрикосовыми косточками, изучили мои босые ноги. Из какого-то детского упрямства я выбегала из дома без обуви. Ребята-соседи спрашивали, не больно ли мне ходить по асфальту. Они не знали, что по асфальту бегать-то как раз блаженство: шершавая поверхность нагревалась от солнца и при-

пекала подушечки пальцев. А вот земля родной улицы колола, было больно, но по странному приятно от своей детской смелости: так себя больше никто не испытывал.

Я спускалась на улицу ниже, откуда открывалась дорога в небо: на горизонте в дымке облаков высился далёкий безымянный террикон, у подножия которого мелкими точками рассыпались дома. Я мечтала дойти до террикона пешком и подняться на его вершину. Донецкая гора была землей, взметнувшейся к небу и, как казалось тогда в детстве, навсегда почившей. Сейчас за терриконом стоят установки, обстреливающие наш поселок, они выстилают нам дорогу в небо и тревожат донецкие горы...

ЧАСОВЫЕ

Дом располагался в центре улицы, деля ее пополам на верх и низ. На серо-голубом фасаде дома на белой табличке значилось жирное черное «12». Цифры выглядели твердо и уверенно: единица с военной выправкой гордо поднимала подбородок, а двойка открыто выражала миру недоверие. Обе цифры смотрели на меня свысока, как бы приглядывая. Это были два часовых, вечно пребывающих на своем посту и охраняющих порядок.

В детстве казалось, что наличие этой таблички придавало дому законченность. Как табличка была впаяна в стену, так и цифры каким-то образом становились неотъемлемой и необходимой частью этого дома. Если бы цифры исчезли, стоял бы на этом месте дом? Конечно же, нет, их роль выходила далеко за пределы понятий об адресах и нумерации зданий.

Тогда я еще не знала, что мистики считали двенадцать совершенным числом, символом абсолютного порядка. Двенадцать, обладая кру-

говой природой, лежит в основе мироздания, это божественный круг, который всегда замыкается. В детстве все было проще и яснее: двенадцать – это дом, это высокая трава под забором, звук падающих с ветвей яблонь, вкус кислой черной смородины, запах свежего белья, двенадцать – это мой исток и мое начало, символ возвращения, потому что каким бы бурьяном и крапивой ни заросла дорога прошлого, дорогу к дому человек всегда найдет. Вероятно, с возвращением когда-нибудь и замкнется этот круг...

Когда я появилась, дому было уже пятьдесят два года. Дом № 12 начал строиться в сорок седьмом году на недавно купленном участке с благодатным черноземом. Участки делили длинной веревкой, накрученной вокруг кольшек, вбитых в землю. Ночью хитрые соседи переставляли разделитель, чтоб ухватить дополнительный метр участка. А утром моя прабабушка терпеливо водворяла колья на прежнее место.

Через месяц этой игры она плюнула и насыпала между из угольного шлака. Сейчас при взгляде на участки сразу бросается в глаза, что кого-то все-таки обделили и ночной бадминтон для многих спящих и невнимательных соседей закончился их явным поражением.

После войны нужна была крыша над головой, и потому дом строился без фундамента из того, что было, – песок, глина и шлак в основе конструкции. Шлаколитые дома, дешевые и доступные, строились быстро, но так же быстро начинали трескаться.

Стены внутри были выкрашены маркой побелкой. В детстве я часто проводила по стене смочен-

ным слюной пальцем. Побелка имела вкус крепкого, сухого мела, от которого сводило скулы.

Несмотря на сходство белых стен с листом бумаги, мне никогда не хотелось их разрисовать. А вот об их прочности говорит моя детская непоседливость. Когда меня ставили за какую-то провинность в угол, я, чтоб чем-то занять столь скорбное времяпровождение, упрямо ковыряла стену. Окончательным результатом стало углубление, по глубине и ширине вполне вмещающее грецкий орех. Не замазанная до сих пор, эта вмятина остается доказательством того, что медленно, уверенно и вполне успешно долбить стены я умела с четырех лет.

ЧЕРНОЕ СЕРДЦЕ ДОМА

Летом в доме было прохладно, а в холодное время года топили угольную печь. На чугунной дверце печи были выбиты выпуклые ромбики, а над ними – угрожающего вида предостережение, которое меня, не умеющую читать, совершенно не впечатляло. Единожды схватившись мягкой и пухлой рукой за раскаленную ручку дверцы, я огласила дом болезненным плачем. Столь близкое знакомство с печью происходило под наблюдением матери, которая посчитала опыт самостоятельного познания более эффективным, чем постоянные предостережения о том, что «будет больно». И она была права.

Печи я не боялась. За чугунной дверцей жило пылающее сердце дома. Оно умело разговаривать, шипеть, отличалось хорошим аппетитом и любило хрустеть сухими дровами. Но помимо дров в этом ритуале поддержания тепла участвовал еще один компонент, проходивший странную трансформацию.

Я рано узнала, что уголь, завораживающий своей поблескивающей чернотой и матовым блеском, при смачивании с водой имеет запах. Это был маслянично-каменный, земляной, тяжелый и одновременно свежий аромат, который предшествовал началу топки. Вслед за ним появлялся кислородный запах спички, потом – горечь зажжённой бумаги. Постепенно пламя разгоралось, гудело. Через маленькие щели можно было увидеть, как зверь, поглощая данные ему дары, растет и крепнет. Треск дров сопровождался глухим и тяжелым движением воздуха, который поднимался вверх по печной трубе: сердце дома дышало, а в морозные вечера выло.

Мать развешивала в продолговатой комнате, где топилась печь, в несколько рядов свежевystиранное постельное белье. Я бегала между простынями, вдыхая влажный запах порошка, и ощущала себя героиней восточной сказки, ведь именно там можно потеряться

в обилии тканей, балдахинов, плотных занавесей.

Через колосники в поддувало печи падали маленькие искорки, которые, остывая, превращались в горку обесцвеченной золы. Из угля высасывалась жизнь, из него высвобождалась внутренняя энергия, чтоб согреть дом, чтоб я могла бе-

гать босиком по деревянному полу между белыми высыхающими простынями.

Так в детстве для меня связались понятия красного и черного, угля и огня, жизни и смерти. Сердцем этого дома был вовсе не огонь, а черный кусок угля. Он не горел в огне, потому что он и был огнем.

ЛОПУХ

Мелкой ребятней мы часто собирались перед двором с одиноким деревом, на котором висела тарзанка. Из дома к нам медленно и вальяжно выходил молодой парень лет шестнадцати. Обступаемый нами, он садился на грубо сколоченную лавку, доставал из кармана сверток с густо и солено пахнущей таранкой и методично ее ел, не обращая внимания на наши жаждущие рты. Девчонки постарше перекидывались с ним парой слов. Парень останавливал взгляд на девичьих улыбках, но при этом не забывал вгрызаться в сухое рыбное мясо.

Мои ноги в садинах, худые руки и мальчишеский вид никогда не привлекли бы его внимание, и я хорошо это понимала. Я не носила платья и бегала с распущенными запутанными волосами, которые никогда не собирались в косу, а моим лучшим другом был соседский мальчик Сашка, с которым мы активно терроризировали вредного соседа.

Эх, Сашка, конопатый, с вечно чумазой мордочкой... На холодных плитах пристройки, на огромном шлакоблоке мы играли зелеными солдатиками. Больше всего мне нравился тот, который целился, потому что независимо от того, где он находился и кто был рядом, он не терял бдительность и целился всегда, даже в воздух, даже в пустоту.

Сашка любил строить халабуды – слово, которое мать всегда у меня поправляла: «Правильно говорить «шалаш»!» Но Сашкин вариант мне нравился больше. В халабуде было что-то от экзотического индейского вигвама. Вероятно, буква «х» навевала такие ассоциации. На деле же наше строительство ограничивалось приставленной к забору шифериной. Проем с трудом мог вместить двоих, но результат нас тогда устраивал. Уже потом под своей домашней грушей я построила свой шалаш. Благодаря земляной насыпи, вырытой для уличного туалета, и благодаря стволу дерева, конструкция из досок старого шкафа держалась прочно. Труднее было с крышей, рыхлые доски сыпались в глаза или норовили вот-вот упасть мне на голову.

Мой шалаш оказался лучше той халабуды, которую мы построили по схеме Сашки, и втайне я этому радовалась. Не помню, то ли тогда я пришла к выводу, что лучше все делать самой, то ли к тому, что лучшей опорой для любых начинаний служат земля да дерево...

Веснушки, обесцвеченные на солнце русые волосы, торчащие уши, смешливое и временами глупое выражение мальчишеского лица не оставляло, казалось бы, никаких шансов для влюбленности, но Саша был старше на четыре года, а потому я вверялась его

заботе и опеке. И эти забота и опека проявлялись порой самым неожиданным и трогательным образом, отчего внутри маленькой чумазой девочки что-то смутно ёкало и смущалось.

Был летний жаркий день, парило. Мы вышли пройтись по району. По какому-то странному негласному правилу мальчишки всегда носили головные уборы, в то время как девочки и в самую жестокую жару предпочитали получать солнечный удар. Вот и тогда Сашка нахлобучил на себя кепку, а я ограничилась резинкой для волос. Я была младше и любила умничать, в тот день я тоже просвещала Сашку:

– А ты знаешь, что дожди вредные?

– Это еще почему? – спросил он.

– Они радиоактивные! Если попасть под дождь, то волосы могут выпасть, – пугала я, искренне веря в то, что говорю.

Но на Сашку эта информация, казалось, не произвела должного впечатления. А через час прогулки

со всей внезапностью пошел дождь.

– Дождь льет страшный, ливень! – рассказывала моя мать маме Саши. – Слышу, в калитку стучат. Я выбегаю, открываю калитку и вижу картину: под дождем стоят дети, дочь – в Сашиной кепке, сам же Саша с несчастным лицом держит над головой огромный лист лопуха, по которому грустно стекает дождевая вода... Боже, где он только нашел такой огромный лопух?!

Когда я видела Сашу последний раз, он был уже взрослым молодым человеком, заговорить с которым о лопухах и солдатиках, равно как и о совместно проведенном детстве, было невозможно. Было все иначе, и голубые глаза, и русые волосы принадлежали парню с хорошей осанкой, твердой походкой и с серьезным задумчивым выражением лица. И тогда тоже что-то ёкнуло, но уже иначе, с ощущением чего-то безвозвратно ушедшего. Спустя долгие годы мы ограничились простым «привет».

Где сейчас Сашка, я не знаю, знаю только, что живой. А в наше время это уже немало...

ДРУГ В САДУ

Из окна квартиры никогда не услышишь, как падают яблоки в саду, а из моей детской комнаты было слышно. Черенок лопался и яблоко срывалось сквозь шелестящие нижние ветви, падало с глухим стуком на землю, иногда задевало уже упавшего собрата и отскакивало в сторону, ударяясь о стену старого сарая, в котором хранились дрова и уголь. Каждое яблоко падало со своим особенным звуком, и можно было угадать, от какого дерева плод и как далеко он упал.

Там, за окном, в саду, происходила тайная и скрытая от всех маленькая жизнь. Под рыхлым

бревном можно было обнаружить древнюю цивилизацию копошащихся муравьев, в дальнем тенистом углу сада, где росла малина, можно было наступить босой ногой на холодных слизней, оставляющих блестящий след на голой земле, а ночью мог пробежать маленький фыркающий еж. Одного такого мать как-то поймала и принесла в дом показать мне. Животному было предложено блюдце с молоком, но еж забился под старый шкаф, и доставать дитя природы пришлось длинной шваброй времен моей прабабушки. Больше ежей в нашем доме не было, но

иногда собака натыкалась на колючий комок, лаяла, кололась, и тогда мать спешила в сад разнимать животных.

Вечером в саду пахло тысячелистником, шалфеем и пряными листьями крыжовника, а днем – сладким абрикосом. Нигде больше я не ела такого абрикоса, как дома. Ты поднимаешь его из высокой травы, а он, пропитанный солнцем, сам пахнет, как солнце, и как солнце, обжигает. Яркий, крупный, с еле ощутимыми девственными ворсинками. Сок льется по губам, затекает под рукав до локтя. При особо неудачном укусе сок попадал на босые ноги, утопающие в густой траве, липкий, сладкий и теплый, он быстро привлекал муравьев.

Каждому дереву в саду отводилась своя роль в детстве. Под одним было сооружено подобие архитектуры-шалаш, с другим велась изнурительная битва. С черешней был связан один из экстремальных этапов лета – ранний сбор ягод в начале июня. Вооружившись пакетом, я залезла на дерево, с высоты которого просматривались близлежащие участки с огородом. Когда ещё не было двухэтажного соседского дома, моя мать, будучи ребенком, также залезла на черешню и рисовала бугорками зелёных зарослей.

Самые красивые ягоды росли на дальних ветвях. Крупные, почти черные, они блестели на солнце и добавляли сбору особую ни с чем не сравнимую привлекательную опасность. Я поняла, что выросла, в тот момент, когда гибкие ветви черешни стали опасно прогибаться под моим весом. Это было интереснее монотонного сбора смородины и уж тем более приятнее сбора колючего крыжовника, покрывшегося со временем ржавчиной.

Возле крыжовника росла, а точнее, доживала свой век маленькая антоновка – моя любимая яблоня. Родители каждый раз намеревались ее срубить, но я каждый раз их отговаривала. Под этой скромной и малоплодовой яблоней похоронен друг.

Мне было шесть, когда появился Роня – щенок немецкой овчарки с черно-рыжей мордой и родинкой на языке. Этот весёлый колобок с висячими ушами превратился в машину, способную снести меня с ног, перепрыгнуть через соседскую изгородь и разорвать за минуту любую игрушку в клочья. Для домашних он был добряком: позволял котам есть из своей миски, а когда шел дождь, носом загонял их в свой вольер.

Сад был его местом, его домом. Он аккуратно бегал по огородным дорожкам, срывал зубами огурцы или подбирал наши любимые с ним яблоки, зажимал в лапах и ел. Расстроенная, я уходила в сад, а Роня прибежал и тыкался холодным влажным носом в заплаканное лицо и вздыхал. Значит, что-то понимал и что-то чувствовал, хотел по-своему помочь.

В 2014 нам пришлось уехать с матерью из города: наш район был одним из самых обстреливаемых. В час ночи на Крещение зазвонил телефон. Это был отец. На участок прилетело. Дом цел, стекла целы. Рони больше нет. Убило шрапнелью. Тогда я впервые услышала, как плачет отец.

Место прилета долго не зарастало травой, но со временем земля оправилась. Осколками посеколо антоновскую яблоню, под которой отец похоронил собаку. Через несколько лет яблоки совсем измельчали, и нашу любимую с Роней антоновку пришлось вырубить.

СМЕХ В ПОДВАЛЕ

При обстрелах я больше всего волновалась за отца. Мы с матерью, маленькие и юркие, быстро спускались по старой деревянной лестнице в подвал, но отец всегда был медлителен, ему было тяжело, а потому снизу мы всегда его подгоняли. Он спускался последний, закрывал ляду, и в подвале становилось темно.

Так было всегда, сначала ближний прилет, потом громкий и тревожный голос матери из кухни, она звала меня по имени, что значило лишь одно – спускаемся в подвал.

Мы включали фонарь телефона или зажигали запасенные матерью свечи. Руки дрожали, сердце колотилось с таким же шумом, с каким падали снаряды в нашем районе. Чтоб успокоиться, я рассматривала уже наизусть выученные банки закруток. Орда огурцов, помидоров и перцев была спущена сюда не только для хранения, но и на случай долгого пребывания в подвале. Вместе с ними здесь стояли банки тушенки, пятилитровки не вскрытой питьевой воды, металлическая кружка. На поддоне на случай, если я захочу прилечь, лежало старое советское одеяло красного цвета, колючее и немного влажное, пропитавшееся прохладой подвала.

Подвал был небольшой, и сидя на старых табуретках, мы с родителями смотрели в лица друг друга. Иногда начинался разговор о том, кто нас будет раскапывать, если засыпит. Подвал спасет от осколков, но вентиляция в нем совсем никудышная, для мешков картошки, но не для трех живых человек.

Четырежды в день мы прыгали вниз, чтоб ощутить запах сырой зем-

ли, от которой мутило, и четырежды в день отец закрывал над нами ляду, и мы попадали во тьму, в тесноту домашнего гроба. Быть может, в те моменты мы ощущали себя не более живыми, чем мешок картошки, сгруженный в угол подвала.

«Только в гробу не будет всего этого», – думала я, глядя на подвальный стол. Отдельным рядом стояли закрутки крохотных соленых огурцов – корнишонов. Мать, зная мое особое к ним пристрастие, закрывала их специально для меня. Огурцы были не больше мизинца, но каждый год они заботливо собирались с огорода, мариновались без уксуса и укладывались для меня в аккуратные крошечные баночки...

После каждого прилета мать говорила, куда легло. Эта интуитивная география меня поражала своей точностью. Помнится, как в один из моментов напряженного молчания тишину полутемного погреба нарушил смех. Смеялся отец, заразительно, с характерными бранными вставками, которые так просто и так емко отражали весь спектр наших эмоций и состояний от страха и тревоги до ненависти и растерянности.

Но если слова были к месту, то смех совершенно не соотносился и с нашей геолокацией, и с прилетами на фоне. Мать испуганно покосилась на отца, я прочитала в его глазах усталость.

Смех был ответом на абсурд происходящего, протестом против ситуации, в которой мы оказались по воле... по чьей воле? Мы сидим в подвале так же, как сидели вчера, так же, как будем сидеть завтра, мы ждем. Чего? Когда все утихнет. А поможет? Кто знает...

Обстрел заканчивался, и мы с опаской поднимались наверх, каждый возвращался к своим брошенным делам, которые, мы знали, скоро вновь придется оставить.

Тогда еще отец не знал, что через семь лет после начала войны по потолку подвала пройдет глубокая

трещина, через семь лет – потому что война не закончится через год и даже через два, как мы все тогда надеялись.

Да, в гробу с нами никто смеяться не будет. Да и плакать тоже. Там некому.

СПЯЩИЕ ТЕРРИКОНЫ

Запах шелковицы смешивался с запахом постепенно мокнувшего асфальта. Начинался летний дождь. Были слышны отдаленные раскаты прилетов. Девять лет войны. Из моего окна виднеется раскинутый над ставком бурый террикон. Такова эта земля: где бы ты ни жил, ты будешь видеть «донецкие горы».

Я давно живу в другом районе города. В родном доме опасно, но там по-прежнему живут родители. На неделе мы впервые за полгода встретились с матерью в городе, пили кофе. Мать рассказывала, как в 1947 году ее дедушка с бабушкой приехали из Томска в Донецк и купили земельный участок, на котором ничего не было, и как к дому постепенно пристраивались части.

Вибрация прилетов не прошла незамеченной: по дому пошли глубокие трещины. Бетонный забор посечен осколками и в нескольких местах зиял дырами. На крыше дома лежат осколки сбитого снаряда, которые посыпались с таким звуком, как падает крупный град во время дождя. Все окна еще в 2014 году мать заклеила скотчем, но скотч уже сохся и раскрошился. Через мое окно прошел осколок от снаряда и впился в стену возле двери. Если бы я там стояла... Но меня там не было. Место попадания на

окне заклеили несколькими слоями скотча с ватой, чтоб не сквозило. Менять окна из-за такой мелочи – бесполезная трата средств, особенно когда на соседних улицах люди теряют больше, чем стекла и оконные рамы. Печка все так же обогревает постаревшие стены, и в то время, когда отключали газ и электричество, она давала больше чем тепло, – она давала надежду.

Когда-то дом был молод, когда-то щедро плодоносил абрикос и росла антоновка. Давно это было. Но когда-нибудь я обязательно приеду и залатаю крышу, побелю стены. Главное, чтоб было что белить. И кому белить...

Кто-то писал, что двенадцать – это еще и символ спасения. И если нет у нас ни гармонии, ни порядка, остается верить, что есть те часовые, что вечно пребывают на своем посту и охраняют нашу жизнь и дом под №12.

Быть может, в свое время, я услышу, как падает яблоко в саду, как фыркает заблудившийся ночью еж, услышу тишину, полную, всепоглощающую, летнюю, непростреленную тишину с трепетанием цикад. А даст Бог, и я увижу, как опускается яркое закатное солнце за террикон, уснувший навеки и никогда больше никем не потревоженный.

Июнь. 2023

Андрей НОСКОВ

ЗОЯ

*100-летию со дня рождения Зои Анатольевны Космодемьянской,
первой женщины, удостоенной звания Героя Советского Союза
в годы Великой Отечественной войны.*

«Девочка последними шагами
босиком в бессмертие идёт»
М. Алигер «Зоя»

Зима сорок первого года.
Морозы, снега и – война.
Но русская наша порода
в величье народа видна,
в тебе, что, душою не дрогнув,
взошла на Голгофу свою,
что стала твоим эпилогом...
В тебе русский дух узнаю.
Сейчас в двадцать первом столетье
ты с нами, ты рядом живёшь,
но сотню шагов до бессмертья
по снегу босая пройдёшь.
Всё та же ты – юная, строгая,
народной полна правотой,
берёзка высокая, стройная...
и ныне осталась такой.
По снегу шагаешь, не сломлена,
ты смело и прямо глядишь,
хоть пытками и обескровлена,
как Родина, гордо стоишь.

Андрей Александрович НОСКОВ, прозаик, поэт родился в 1958 году во Владивостоке. С 1964 года живёт на Чукотке, в Анадыре. Более двадцати лет ведёт издательскую краеведческую программу «История Чукотского автономного округа», подготовил и издал 15 томов. Автор нескольких стихотворных сборников. Перевел и издал «Слово о полку Игореве». За поэтическую книгу «Мы – внуки Великой Победы» удостоен звания лауреата премии им. Н.А. Некрасова.

Живет в Анадыре.

В столетьях грядущих останешься
девчонкой, как жизнь, молодой,
как правда, во всём настоящая,
с большою и чистой судьбой.
Шагнула по снегу в бессмертие,
отринув сомнения прочь,
навек восемнадцатилетняя,
России великая дочь.

ВОЕННЫЙ ПИЛОТ УКРАИНЫ

Летом 2014 года военная авиация Украины в предрассветный час, когда город ещё спал, нанесла бомбовый удар по жилым кварталам Донецка, в результате чего погибли мирные граждане – старики, женщины, дети.

Как живёшь ты, военный пилот Украины,
тот, кто сбрасывал бомбы на мирный Донбасс?
Никогда, ни к кому не придёшь ты с повинной,
не подняв виновато опущенных глаз.
Спишь спокойно и ешь как ни в чём не бывало,
и готовит жена тебе вкусный обед
и не спросит тебя, как детей убивал ты,
когда тлел над Донецком тот летний рассвет.
Спящий город разбужен был грохотом взрывов.
В сорок первом так немцы бомбили Москву.
Как когда-то они, смерть принёс ты на крыльях,
смерть повсюду с собою несёт ВСУ.
Тебе орден повесил на грудь Порошенко
за убийство детей, стариков, матерей.
Но не жди на земле и на небе прощенья,
не простится тебе гибель мирных людей.
Ты покуда живёшь, быт твой тих и спокоен,
и с собою в ладу, и всё ладно в семье,
и доволен ты, лётчик, своею судьбою,
но нелёгкой судьбы я желаю тебе.
Я желаю тебе, чтоб ты вспомнил однажды,
что за всё нам приходится в жизни платить,
и в ответе за всё, что он делает, каждый,
а иначе нельзя просто так в жизни жить.
Час расплаты придёт, и за всё ты ответишь
и, быть может, ты вспомнишь тот день и тот час,
когда гибли ни в чём неповинные дети,
когда бомбы ты сбросил на мирный Донбасс.

УКРАИНА–2022

Снег засыпает чёрные поля,
войска несут тяжёлые потери,
здесь кровью вся пропитана земля,
и вместо веры полное безверье.
Вокруг огнём всё сожжено дотла,
и прах, и тлен, и смерть царят повсюду,
и лишь летает серая зола,
торчат стволы умолкнувших орудий.
За каждый дом смертельный бой идёт,
чума войны пришла на Украину,
и для неё стал чёрным этот год,
и свет померк, и горше нет кручины.
Пора бы землю хлебом засеять,
давно пора настала посевная,
пора в земле пшенице вызреть,
а людям ждать большого урожая.
Но хлеба нет, поля пусты лежат,
и на полях не пахари – солдаты,
на их погибель вороны спешат,
война на человечину богата.
Мы называли житницей тебя,
а нынче здесь разор и запустенье,
и непонятна мне судьба твоя,
но к прошлому не будет возвращенья.

БОГАТЫРСКАЯ СИЛА РУСИ

Сильна Россия силой богатырской,
идут на битву русские полки,
страна гордится армией российской,
вслед сыновьям глядит из-под руки.
Гремит оркестр «Прощание славянки»,
платками машут мамы сыновьям,
а на платформах едут пушки, танки,
ведь это не учения – война.
В ней будет всё – и плен, и похоронки,
и подвиги, и ратный труд солдат,
снарядов вой, разрывы и воронки,
и полевой бессонный медсанбат.
И будет в ней и свой Василий Тёркин,
чем на войне всегда жив русский дух,
и будут свой Кутузов и Потёмкин,
и тот солдат, что в схватке стоит двух.
И следуя суворовским заветам,
что в душах юных отклик свой нашли,
идут в сраженье правнуки Победы,
как в сорок первом прадеды их шли.

УХОДЯТ МАЛЬЧИШКИ В БЕССМЕРТЬЕ

Уже в двадцать первом столетье,
среди украинских степей,
уходят мальчишки в бессмертье,
мальчишки России моей.

Уходят в бессмертье солдаты,
уходят, как прадеды шли,
уходят в бессмертье ребята,
что битву за правду вели.

Страны моей ратная сила,
отвага, и доблесть, и честь.
Страна их на подвиг растила,
их подвигов нынче не счесть.

Стоят молодые герои, как деды
в «Бессмертном полку»,
пройдут мимо нас они строем,
я их позабыть не смогу.

Открытые светлые лица
ушедших в бессмертье ребят.
Страна ими будет гордиться,
они на нас молча глядят.

Отныне они наша совесть,
и нам с этой совестью жить.
и, ход набрав, воинский поезд
на фронт, как когда-то, спешит.

БОЕВАЯ МАШИНА ПЕХОТЫ

Сыну Никите, водителю БМП

Боевая машина пехоты...
Сколько раз защищала в бою.
Была верной подмогой в походах
и поныне ты с нами в строю.
Сколько раз ты в бою выручала,
прикрывая своею бронёй,
сколько пуль по тебе простучало,
потому я остался живой.
Нет солдату надёжней машины.
Сколько раз были мы под огнём!
Но с тобою мы выжили, жили,
до сих пор мы с тобою живём.

Да, не скрою: порой было жарко,
нас осколки и пули секли,
но с тобою мы шли и сражались,
и огонь пулемётный вели,
шли вперёд на врага, наступали
и, бывало, горели не раз,
но, как прадеды, насмерть стояли,
и ничто не могло сломить нас.
Стала верной, надёжной подругой.
Я за всё благодарен тебе.
Мы родные по русскому духу,
по единой солдатской судьбе.

МЕДСЕСТРИЧКИ

В ходе специальной военной операции на Украине массовый героизм проявляли не только офицеры и солдаты, но и медицинские сёстры, военфельдшеры, санитарки, которые под огнём вытаскивали с поля боя раненых бойцов, порой и сами принимая на себя пули и осколки, – совсем молоденькие девчонки, повторяя подвиг своих прабабушек в годы Великой Отечественной войны.

Родные наши, медсестрички,
совсем девчонки, невелички,
точь-в-точь такие же, как те,
кто, срезав девичьи косички,
стал в сорок первом фронтовичкой,
четыре года на войне.

Сегодня юные девчата
проходят службу в медсанбатах,
своим прабабушкам под стать,
ушли на фронт, пошли в солдаты,
чтобы других солдат спасать.

Они, медсёстры, санитарки,
сегодня там, где пушки, танки,
среди разрывов и огня,
где контратаки и атаки
и вся изранена земля.

И там, где нынче смерть повсюду,
они, как маленькое чудо,
как символ веры и любви,
чужую жизнь спасают чью-то,
где всё в железе и в крови.

Девчата, милые, родные,
останьтесь вы для нас живые,
пусть Бог в бою вас сбережёт,
подруги наши фронтовые,
ещё любовь вас где-то ждёт;

ещё вам замуж выйти надо,
ещё вас где-то ждут ребята,
что под венец вас поведут...
Пусть жизнь спасённого солдата
наградой будет за ваш труд.

РОССИЯ

«Россия – это состояние души»
Никита Михалков

Россия – состояние души.
Она одна у нас на целом свете.
Всю жизнь свою мы только к ней спешим,
и нам в пути к России солнце светит.

Нам без неё и дня прожить нельзя,
она, как воздух, нам необходима,
и набегают слёзы на глаза
от красоты её неповторимой.

Есть русский дух, есть русская душа,
для нас с тобой всё связано с Россией,
и невозможно без неё дышать,
и к ней, к одной, любовь неугасима.

Мы будем жить, пока Россия есть,
а без неё и жизни нам не надо.
Я растворён в ней без остатка весь,
Россия мне как высшая награда.

Я без неё, без Родины – ничто,
а есть она, и счастлив я от века,
живу о ней единственной мечтой
и называюсь русским человеком.

Я говорю на русском языке,
пишу по-русски, думаю по-русски.
Она мой свет, когда я вдалеке,
а без неё мне холодно и пусто.

РУССКИЙ ТАНК В БЕРЛИНЕ

Русский танк завалили цветами
и цветы всё несут и несут,
их на башню, на пушку бросают
и на гусеницы кладут.

Их простые берлинцы приносят.
Русский танк утопает в цветах.
Здесь гвоздики, тюльпаны и розы,
что росли на немецких лугах.

Это знак уваженья России,
знак признанья солдатских заслуг.
Благодарные немцы простые
на броню их от сердца кладут.

Немцы всё хорошо понимают.
Никогда не обманешь народ!
Здесь победное красное знамя
с триколором на пару мелькнёт.

В сорок первом он так же сражался.
Я по ранам его узнаю.
Он, как Брестская крепость, держался,
до конца оставаясь в строю.

Русский танк весь цветами завален,
словно памятник нашим бойцам,
будто вправду отлитым из стали,
но живыми остались сердца.

ДОБРОВОЛЕЦ

Он ушёл добровольцем на фронт.
Мог спокойно бы дома остаться.
Но ушёл, куда сердце зовёт, – за Донбасс,
за Россию сражаться.

Кто подальше бежал от войны,
за границей хотел отсидеться.
Ну а он, как частица страны,
за неё отдавал своё сердце.

Он погиб в том неравном бою,
когда шла в наступленье пехота,
до конца оставался в строю
под косящим огнём пулемёта.

Звёзд при жизни с небес не хватал,
человек был с обычной судьбою,
но взошёл сразу на пьедестал,
когда пулей сражённый упал,
заслоня Россию собою.

ТРАГЕДИЯ ВОЙНЫ

Вот она, трагедия войны –
Погибают наши пацаны,
умирают наши сыновья,
совесть безутешная моя.
Сколько их уже в земле лежит,
сколько их уже не будет жить,
сколько поседевших матерей
навсегда лишились сыновей.
Снова наша юность на войне
польхает в яростном огне,
и мальчишки на передовой
поднимают роту за собой,
падают, сражённые в бою,
за Россию-матушку свою.
Слава, слава нашим сыновьям,
слава поседевшим матерям,
слава славной Родине моей,
что таких взрастила сыновей!

Виктор ФРОЛОВ

ВETERАН

Рассказ

Неожиданное появление секретарши директора у за-кутка охраны в проходной уди-вило его. Не по возрасту надменная девица, всем своим видом выражая недовольство обстоятельством, за-ставившим спуститься с третьего этажа, где располагались кабинеты заводского руководства, проскри-пела с раздражением, глядя поверх его головы:

– Срочно поднимись в приём-ную! Звонят из Москвы. И кому-то ты там вдруг понадобился!?

Удивлённо подняв бровки до-миком, сказала, как выстрелила, от-деляя короткие фразы одну от дру-гой неглубокими вздохами, как это делают запыхавшиеся от быстрой ходьбы или без меры раздражён-ные люди. Всё-таки любопытство взяло верх над снисходительно-стью по отношению к едва ли не самому малозначимому работни-ку предприятия. Часто-часто сту-ча каблучками по керамическим плиткам пола, барышня засемени-ла следом, стараясь не отстать и не пропустить какого-нибудь важного эпизода неординарного события.

Однако те несколько скупых фраз, которыми седоволосый мо-ложавый сторож отвечал невиди-мому собеседнику, разочаровали, ничуть не прояснив ситуацию.

– Ну, хорошо, буду, – бесц-ветным тоном завершил разговор мужчина, выслушав собеседника и недоумённо пожав плечами, по-ложил трубку...

На самом же деле звонок из Москвы глубоко взволновал его. Звонили из легендарной организа-ции, чьё местоположение на ули-це, названной в честь советской лётчицы, командовавшей в годы войны авиационным полком даль-него действия, было хорошо ему известно.

– Ну, здравствуй! Надеюсь, уз-наёшь начальника? – басил в дина-мике трубки знакомый голос. – Как ты там у себя в Залужске, мхом ещё не покрылся? Хватит дурака валять, дело для тебя есть. Думаю, за новостями следишь, поэтому догадываешься, где именно пред-стоит поработать. Так что сворачи-вайся там немедленно и завтра с утра будь у меня. Всё, до встречи.

Виктор Геннадьевич ФРОЛОВ, прозаик, родился в 1947 году в г. Алатырь. Автор десяти книжек прозы и многочисленных публикаций в литературных журналах, сборниках, альманахах. Секретарь Союза писателей России, член Правления Московской городской организации СП России, советник государственной службы третьего класса.

Живет в Москве

Сознавая, что возражения не принимаются, он тем не менее отлучился в обеденный перерыв с поста и, найдя укромное местечко за пределами заводской площадки, у чахлого сквера, что перед фасадом административного корпуса, набрал на клавиатуре мобильного знакомый номер:

– Дело в том, Тихон Евстигнеч, что проживаем мы с женой в заводском общежитии, из которого её после моего сегодняшнего увольнения незамедлительно выелят.

Оставлять же Антонину на постое в чужом доме мне бы не хотелось. Есть какие-нибудь варианты?

На московском конце провода натужно засопели, потом проворчали что-то в том плане, что некстати заведённые семьи служат лишь обузой специалистам в определённых областях и головной болью для их командиров. Однако после недолгих раздумий дали указание зайти в городскую администрацию, куда немедленно будут переданы соответствующие распоряжения.

* * *

Заместитель главы города, ведающий, в том числе, и жилищными проблемами, не старый ещё суетливый человек в дорогом костюме, прикрывающий раннюю лысину прядью зачёсанных с затылка волос, небрежно указал ему на стул, предназначенный просителям.

– И что они там, в столице, себе думают? С горем пополам получаем в своё распоряжение не больше десятка новых квартир в год. А очередников знаете сколько? Нет? Вот и хорошо, что не знаете, а то бы рухнули от изумления.

Ладно, тут вот, кстати, освободилась комната за выбытием жильца. Да, умер дедушка. Одинокий был. Но сразу хочу предупредить, не хоромы, далеко не хоромы! Что бы без претензий. А, впрочем, пожалуйста, жалуйтесь, другого всё равно ничего нет. По-моему, в качестве временного жилья вполне сойдёт...

Выправив необходимые бу-

маги, что, на удивление, заняло не более часа, он отправился в городскую поликлинику, где супруга работала участковым терапевтом. По дороге подбирал слова, как объяснить Антонине необходимость своего внезапного отъезда. Ведь несколько лет тому назад, вернувшись, можно сказать, что из небытия, он зарочно обещал больше не оставлять её, навсегда покончить с той клятвой профессией, которая послужила причиной резких перемен во всём устройстве их, казалось бы, налаженной и стабильной жизни.

И опять слова не сдержал! Что подделаешь, когда-то по собственной воле он выбрал одну из тех немногих сфер деятельности, которые отпускают лишь уходящих в вечность. Не ему ли предстоит туда дорога на этот раз, кто знает. Впрочем, острота дурных предчувствий с годами как-то притупляется, уступая место осмотрительности и твёрдому расчёту. От приобретённого опыта, должно быть...

* * *

Неплохо ориентируясь в хитросплетениях улиц и переулков городка, в котором она провела детские годы, Антонина

привела мужа с двумя большущими сумками в руках по названному им адресу к двухэтажному баракку довоенной постройки. Наугад

вдавила одну из кнопок многочисленных звонков, бессистемно разбросанных по косяку двери квартиры в первом этаже.

На трель из-за приоткрывшегося проёма высунулась старушечья голова, покрытая, несмотря на тёплую июньскую погоду, серым пуховым платком. Не подавая голоса, женщина вопросительно оглядела незнакомцев, не торопясь впустить.

Отыскав взглядом место почище на деревянном полу, он поставил свою ношу и показал старухе полученный в администрации документ:

– Позвольте войти! Покажите комнату, которая свободна, мы ваши новые соседи!

Скользнув недоверчивым взглядом по бумаге, на которой в сумраке вестибюля она вряд ли смогла разглядеть что-либо, кроме жирно выделявшейся синим цветом печати, старуха тем не менее попятилась и освободила пришедшим проход внутрь квартиры.

– Вот она, комната, первая от входа, – указала она на фанерную дверь с левой стороны коридора. – Тут Фаддеич новопреставленный проживал. Теперь вы, стало быть, ему на смену заселитесь...

* * *

Комната оказалась не такой уж и маленькой – четыре на пять шагов, вытянутая в сторону окна с шелушащейся краской на переплёте и пыльными стёклами. Узкая железная койка, пара разнокалиберных табуретов да фанерный двустворчатый шкаф составляли убогий интерьер. По обрывкам тряпья и клочкам бумаги на полу можно было безошибочно судить о произведённом кем-то из соседей доскональном обследовании имущества усопшего.

Сдёрнув на пол с постели мятую простыню, обильно расцвеченную ржавыми пятнами, на которую не покусился и самый небрежливый обитатель квартиры, он выгреб на неё остатки содержимого шкафа, свернул узлом, вынес на помойку. Туда же отправил и тощий матрац с бесформенной от длительного использования подушкой.

Пока муж расправлялся со стариковским наследством, Антонина разжилась у соседки жестяным ведёрком, тряпкой и, подоткнув юбку, привычно принялась за уборку, начав с заваленного окур-

ками подоконника. Он же, распахивая один из принесённых вьюков, сноровисто застелил постель, потом, взгромоздясь на табурет, показавшийся наиболее надёжным, приладил под потолком небольшой абажур.

Часа не прошло, как комната преобразилась и обрела более или менее обжитой вид. На электроплитке, распространяя аппетитный запах, зашкворчала сковорода с покрывавшимися золотистой корочкой ломтиками картофеля.

Потушив свет, муж и жена, прижавшись друг к другу, молча сидели на прогнувшейся под их весом сетке кровати. В такую минуту слова были бы лишними. Они без дежурных фраз знали о чувствах друг друга. Оба сознавали, что ему предстоит через день-другой перенестись за сотни, а то и за тысячи километров от этого городка, бывшего для неё когда-то родным, подзабытого в столичной суете, а теперь, спустя много лет, нежданно-нежданным принявшего их, переживших множество разлук, встреч, обретений и тяжёлых потерь.

Он, примерно представляя, в каких краях надлежит провести неисчислимое заранее количество дней и ночей, внутренне собирался, сосредотачивался, настораживался, как выходящий на охоту зверь. Она, не утирая набежавшие слезинки, с безысходностью принимала близящуюся разлуку с родным человеком. Бог весть, сколь долгий период одиночества без возможности поделиться с ним наболевшим, написать, позвонить предстоял ей. Даже в эти мгновения, готовясь уже в который раз существовать в постоянном тревожном ожидании, укрепляя себя верой в его благополучное возвращение, она не позволяла взять верх искушению

и, вцепившись в мужа, завывать по-бабски: «не пушу!», но нашла в себе силы улыбаться сквозь слёзы, напутствуя:

– Я знаю, ты справишься. Ты у меня сильный. Не тревожься за меня, любимый, я тоже всё выдержу. Знай, буду ждать тебя, несмотря ни на что!

Прощание не было долгим. Так же молча, не отрывая друг от друга глаз, поужинали. Встав из-за стола, он крепко обнял Антонину, перекинул через плечо ремень сложенной загодя дорожной сумки и, решительно затворив за собой дверь, размеренно зашагал к вокзалу, где уже поджидала пассажирова светящаяся окнами ночная электричка...

* * *

Сутки спустя, вырвавшись из пригородной толчеи, по вечернему шоссе в сторону Залужска, не признавая правил движения, мчалась автомашина. Он сидел рядом с водителем, молодым разбитным парнем, отлично знающим своё шоферское дело.

– Извини, Павел, что заставил тебя сойти с маршрута. Только не вмоготу мне, понимаешь! Никогда ничего подобного не позволял. Работа – она всегда работа. Уходил спокойно. Возвращался в приподнятом настроении. Теперь тревожно как-то на душе. Кураж, что ли, потерял. Скверно это, особенно в нашем деле, сознаю. Но ничего с собой поделатъ не могу. Свербит в мозгу, что необходимо ещё раз увидеться с супругой перед отъездом, и всё тут!

– Не переживайте, товарищ полковник! Семь вёрст – бешеной собаке не крюк! Приехал-то я за вами, как что предчувствовал, малость загодя установленного вре-

мени. Нагоним в пути. На «точке» вовремя будете.

Прекратив разговор, он прислонился лбом к стеклу и зажмурил глаза. В памяти пронеслись едва не ставшие для него роковыми события предыдущей экспедиции. Предательство человека, которого он многие годы полагал своим другом, гибель товарищей, плен, пытки, затем полтора года подневольного унижительного труда на местного князька без возможности передать весточку близким. Потом удавшийся побег, месяц скитаний впроголодь на чужбине и, наконец, возвращение домой.

Радость от встречи с женой омрачилась известием о похищении неизвестными единственного сына-школьника. Вероятно, то была расплата за его обagrённый вражеской кровью побег из неволи. «Те» подобного самоуправства не прощают! В милиции, куда они с женой обратились с просьбой помочь в поисках пропавшего ребёнка,

не то что намекнули, а прямо так и заявили: «Думать надо было раньше о безопасности семьи, полковник!»

Как в тумане прошли тяжёлые в их жизни полгода в ежеминутном ожидании известий о судьбе сына. Но их не было. Никто не звонил с требованием выкупа. Тогда он и подал рапорт об оставлении службы. Ни на какие уговоры и посулы начальства не поддавался. Сказал – как отрезал.

Жить в доме, где всё напоминало об исчезнувшем мальчике, сделалось невмоготу. Они с супругой решили продать квартиру и уехать из города. Куда, долго размышлять не пришлось, да и не то было у них на то настроения. Выбрали Залужск, где у Антонины уже не осталось родни, а значит, не следовало отвечать на расспросы, принимать соболезнования и ловить на себе сочувственные взгляды. В тяжёлые дни требовалось побыть наедине с бедой, поддерживая друг друга и полагаясь на народную мудрость, будто время – лучший лекарь.

Проблем с трудоустройством на новом месте не возникло. Анто-

нину, как столичного специалиста, да ещё с кандидатской степенью, с готовностью приняли в городскую поликлинику. Ему же, как бывшему офицеру, предложили одну из руководящих должностей в охране завода – градообразующего предприятия городка. Он, однако, отказался, сославшись на полученные ранения и накопленную за годы службы усталость, и оформился простым контролёром. Так-то оно было и лучше: отстоял смену – и вольный казак на трое суток. Как семейному, ему выделили вполне приличную комнату в заводском общежитии.

И вот теперь по его милости разрушалось их устоявшееся на новом месте бытие. Антонина снова остаётся одна. Надолго ли? Кто знает! Ради нестерпимого желания увидеть, ещё раз обнять жену перед командировкой он позволил себе такое небывалое ранее самовольство: гнать машину за сто вёрст в противоположном от места назначения направлении. Пусть! Он стиснул зубы и открыл глаза. Смеркалось. По ряду примелькавшихся дорожных отметин определил, что подъезжают к Залужску.

* * *

Павел, заручившись заверением пассажира вернуться спустя пять минут, остановил автомобиль в указанном ему месте, за квартал от нового жилища Антонины. К дому решил пройтись пешком, чтобы не смущать его любознательных обитателей. Приближаясь, задумался: сколько раз и в какой звонок позвонить? Жильцов много, у каждого свой сигнал, а тревожить чужих людей вечерней порой не хотелось. Решил, что стукнет в окно, благо – дотянуться не проблема.

Подойдя к барраку, увидел: окно комнаты жены, единственное в первом этаже, ярко освещено. Поднялся на цыпочки, подтянувшись за отлив окна, заглянул внутрь. Увиденное не столько удивило, как озадачило: вокруг откуда-то принесённого овального стола сидела масса неведомого ему народа. Странно, никогда жена не была склонна затевать застолья!

Легонько постучал по стеклу костяшками пальцев. Антонина, сидевшая спиной к окну, обернулась и, узнав мужа, удивлённо

всплеснула руками. В чём была, выбежала к нему во двор.

– Да ты что, в одном платье – вечерок-то прохладный!

– Не страшно, не замёрзну, ты ведь рядом! А я решила, уехал уже!

– Неужто так обрадовалась, что отпраздновать впору? – грустно усмехнулся он.

– Как тебе не стыдно такое обо мне подумать! Пойдём к столу! – потянула Антонина мужа за рукав.

– А к месту ли я буду?

– Ну вот, опять ты за своё! Идём, идём! Это соседи настояли. Говорят, положено с новосельем проставляться, чтобы чего дурного не вышло. Станешь тут суеверной с твоей-то службой! Вот и пришлось сообразить на скорую руку. Хорошо, соседка, Таисия Петровна, помогла. Помнишь, та старушка, что нам дверь отперла давеча?

Он с неохотой вслед за женой вошёл в душную комнату. Потоптался у порога, пока супруга усаживалась на прежнее место. Оглядел присутствующих профессиональным взглядом, точно оценивая: откуда может грозить опасность.

Рядом с женой, по правую руку – старушка, верно, та самая Таисия Петровна, снявшая ради праздничка с головы пуховый платок, в котором встречала их днём на пороге. Слева – патлатый подросток, лет четырнадцати, стоит на коленях на стуле вполоборота к Антонине и не сводит с неё восхищённых глаз. Военный неопределённого возраста в форме. Рядом с ним – женщина с невымытыми волосами и унылым лицом, вероятно, супруга военного. Три старушки, чем-то похожие одна на другую, наверное, любопытством, с которым беззастенчиво разглядывали вошедшего, жались на скамейке.

Мужичок с опухшей физиономией, лиловым носом и небритыми скулами. Глядит исподлобья, но нагло. Кудрявый розовощёкий крепыш с самоуверенным видом первого любовника.

Публика, одним словом, не вызвала симпатии, но отступать было непривычно.

– Здорово бывает честной компании! – процедил он сквозь зубы негромко, но внятно. – Вот, уезжаю я на время, а супругу свою оставляю здесь. Признаюсь, с нелёгким сердцем оставляю. Непривычна она к такому коммунальному житью-бытью. Потому предупреждаю: обидит кто в моё отсутствие, пускай пеняет на себя. Не пощажу! И казнить стану долго, мучительно.

– А сможешь ли? – задорно выпалил розовощёкий неожиданно звонким мальчишечьим голосом, окинув взглядом сухопарого гостя. – Не сдрейфишь?

– Так его, Петька, по-нашенски срезал, – легонько ткнул того в бок костлявым кулаком уважительно и в поддержку алкаш.

Желваки заходили у вошедшего на скулах. Пристально глянув в глаза крепышу, так же тихо, но более весомо ответил:

– А в этом, мил человек, не сомневайся. Вот ты, конечно, ежели и видел когда, то киношную инсценировку того, как с живого человека кожу снимают, вроде как шкуру с барана. Мне-то взаправду довелось глядеть на такое, что и врагу не пожелаю. А вокруг зрители пялятся – добрая сотня старух, стариков да детей из аула. Не просто наблюдают, а одобрительными криками раззадоривают палача, в мягких сапогах размеренной кошачьей походкойдвигающегося вокруг жертвы с окровавленным ножом в руке...

– А что, смельчаков выручить болезного среди вас, наблюдателей, не нашлось, – прервал кучерявый задиристо.

– То-то и оно, что некому было выручить. Не в фильме дело происходило, не имелось такой возможности.

В глазах у него потемнело от нахлынувших воспоминаний, которые с тех, давно прошедших дней войны не отпускают, не уходят из ума.

Как лежал он, избитый и спелёнатый по рукам и ногам, приваляясь спиной к камню, плача в бессилой злобе и тоске, закрывая глаза, чтобы не видеть, как бандит режет привязанного меж двух деревьев с седыми, точно дорожная пыль, стволами и чахлой, пожухлой от жары листвой, старшину Шелудченко. Почему именно тому выпала страшная участь? Наверное, крепче был сложен, вот и выбрали его, решили покуражиться, свою власть показать, а других устрасить.

Только вышло оно наоборот. Не страх, а ненависть разожгли в его сердце небывалую. Таковую, что, как бы освободился, зубами бы грыз всю эту бандитскую свору вместе с отцами их, матерями и детишками лишь за то, что те, пританцовывая и цокая языками, глядели на супостатство и не пресекли его. Не мог он слышать с тех пор гортанной речи, закипала кровь. А когда снились горы, шарил вокруг себя в ночной тьме, искал автомат и с криком просыпался, пугая жену. Эх, как понимал он в такие минуты того танкиста, гвардии полковника, которого пре-

дала власть суду в угоду трепачам-правозащитникам!

Поняв состояние мужа, поднялась со стула Антонина. Подошла, взяла за руку, усадила на освободившуюся враз скамью. Сама рядом примостилась, склонила голову ему на плечо и гладила по щеке, успокаивая, как дитя.

Сообразили тут гости, что лишние они, надо оставить хозяев наедине. Первым поднялся военный, потянул за собой к двери подростка и жёнку, упиравшуюся и с разинутым ртом глядевшую на непонятую ей сцену семейной идиллии:

– Пошли мы, бывайте хозяева, как говорят, здоровы. Никого мы тут не обижали, да и обижать не собираемся!

Следом, шурша длинными юбками, цугом выскользнули за дверь старушки. Сперев под шумок со стола недопитую поллитровку, нетвёрдой походкой удалился пьянчуга. Кучерявый крепыш, ссутулится, будто сдувшись, последним скрылся за дверным проёмом.

Но его в эту минуту уже не заботили чужие люди. Рядом находилась та, дороже и ближе которой никого не было у него на свете. Им предстояла разлука. Впереди маячила неизвестность. Дорога, о которой заждавшийся водитель требовательно возвестил клаксоном подъехавшей к дому машины, вела далеко от дома. Оба знали, что обратного пути ему может и не выпасть. Но по русскому обычаю обнялись у порога и, троекратно поцеловавшись, едва слышно пожелали друг другу: «до свидания».

Владимир ЧУГУНОВ

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АПОКАЛИПСИС

Фрагмент романа

— Ты где-э? — спросила Катя.

Сколько себя помню, никогда в интонации её голоса не было и тени упрека или возмущения, вроде того, мол, ты куда запропастился или где тебя черти носят? Всегда тактично-певучее, с одним и тем же подтекстом: переживаю, скучаю, люблю.

Я ответил, что только со встречи с «большими людьми» по нашему делу, но это не по телефону, а теперь иду к родителям.

— Поклон передай.

— Хорошо.

— Позвони, когда выезжать будешь.

— Обязательно.

В былые времена, во всяком случае, до второго ноября, частенько, чаёвничая или просто сидя за кухонным столом, мы взглядывали друг другу в глаза и, ни слова не говоря, начинали смеяться. Не могу сказать о чём, но одинаково

весело. Ничего общего в этом смехе не было с тем, которым надрывали животики для здоровья концертные залы. Смех наш был счастливым, совершенно таким же, как в день нашей первой встречи. На этой самой улице, кстати.

Тогда мы оказались одни в совершенно пустом автобусе — в одном из последних в ту незабвенную майскую ночь. Уже цвели наши старые липы, под ними, сквозь круглые чугунные решётки, среди окурков пробивалась молодая трава.

С гитарой за спиной, помнится, я вошёл в заднюю дверь на площадке, купил билет у зевавшей во весь рот пожилой кондукторши и сказал весело, потому что был навеселе, поскольку ехал со встречи майских дембелей:

— Мерси, мадемуазель!

— Какая я тебе мадемуазель? — тут же перестав зевать, огрызнулась она. — Ты мне в сыновья годишься, шутник.

Владимир Аркадьевич ЧУГУНОВ, прозаик родился в 1954 году в Нижнем Новгороде, служил в ГДР, работал на Горьковском автомобильном заводе, старателем в Иркутской, Амурской, Кемеровской областях, Алтайском крае. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Автор книги прозы «Русские мальчики», романа «Мечтатель», тетралогии из цикла «Наследники»: «Молодые», «Невеста», «Причастие», «Девятый час»; романа «Провинциальный апокалипсис» и многих других.

Автор пяти драматических произведений. Лауреат многих литературных премий. Награждён медалью «Василий Шукшин».

Живёт в Нижегородской области.

– Пардон, мадам!
– И никакая я тебе не мадам, а тётя Клава.

– Виноват! А это, стало быть, дочь ваша?

– Моя в это время давно уже спит.

– Значит, ей не повезло!

– Это почему же?

– А я откуда знаю? Судьба! Тут уж ничего не попишешь!

– Иди давай, умник нашёлся!

В том же приподнятом настроении я прошёл вперёд и расположился напротив сидевшей у правого окна девушки. Она была в светленьком, заманчиво распахнутом плаще, модной в ту пору коротенькой юбке, светло-русые пышные выющиеся волосы на ропуск были небрежно раскиданы по плечам, серые глаза светились какой-то беспечной младенческой радостью. Разумеется, она всё слышала, поскольку сидела в трёх шагах, спиной к нам, а говорили мы громко. И, как теперь помню, взглянули друг другу в глаза и сначала одновременно фыркнули, а потом уже все больше и больше заводясь, расхохотались.

– Ещё одна сумасшедшая! – сердито заметила кондукторша.

А мы, не обращая на неё внимания, продолжали весело хохотать всю дорогу. Мне давно уже надо было сойти, но я решил прокатиться. Любопытно же, где такая весёлая леди живёт. Оказалось, на второй, отходившей от центральной площади и тоже старинной, но не такой старой, как наша, улице, в одном из сталинской постройки домов, как потом оказалось, в двухкомнатной квартире с высокими потолками и лепным тяжёлым балконом, на которые почему-то никто никогда не выходил, будто приделаны они были для одной красоты.

Разумеется, она удивилась, что нам по пути. И, оглядываясь на меня, уже более сдержанно смеялась, что было заметно по движению дымчатой копны волос.

Возле подъезда с массивной дверью она смеяться перестала и спросила с удивлением:

– И вам сюда?

– А то куда же?

– А вы к кому?

– К вам.

– К нам? Зачем?

– Здрости! Забыли уже?

– Что?

– Что я вам вчера говорил.

– Когда?

– В семь часов. Вечера. У букиниста. Вы ещё меня в щечку чмокнули и сказали: «Буду ждать».

– А вот обманывать нехорошо.

– Обманывать? Вот скажите, только честно: над чем мы с вами сейчас смеялись?

– И над чем же, очень даже любопытно?

– Над проказами наших будущих ребятишек!

– Кака-ая самоуверенность!

– Не самоуверенность, а телекинез. Я даже знаю, как вас зовут.

– И как же?

– Люся.

– Ка-атя! Телепат.

– Очень приятно! Рядовой Виноградов. Но можно просто: Иван Николаевич. Ради знакомства, Катя, чего вам на гитаре сбацать?

– Ну и словечки!

– Ну спеть.

– Ничего. Поздно уже. – И она взялась за ручку. – А вот идти за мной не надо. Предупреждаю: на весь подъезд завизжу.

Но я всё-таки вошел следом и, подымаясь за ней по лестнице, подначивал, будто не мог в это поверить:

– Вот так вот прямо и завизжите?

– Вот так вот прямо и завизжу.
– Ни за что не поверю! Вот ни за что!

И, чего я никак не ожидал, в районе второго этажа она вдруг остановилась и пронзительно, до сверления в мозгу завизжала. Да ещё при такой акустике. Меня пулей снесло вниз. Однако же я был хоть и бывший, но всё-таки солдат и, притормозив, прислушался.

Сверху до меня летело то с одного, то с другого этажа:

– Катенька, что случилось? Что такое? Кто кричал?

– Да хулиган какой-то привязался. Пока не завизжала, не пропускал. Встал на дороге. Не пушу, говорит, и всё. Ну я и дала.

Поднялся шум. Кто-то дал дельный совет.

– В милицию надо позвонить, может, недалеко ушел! Они ему там покажут, как к нашим девушкам приставать!

Пора было делать ноги, но что-то во мне встало поперёк, и я во всю лужёную армейскую глотку выдал на весь подъезд:

– Граждане, минуту внимания! – и, когда шум утих, официальным тоном заявил: – Это говорю я, ваш соотечественник! Я тоже люблю Родину! И Катю! А она меня! И в этом вся причина! Прошу прощения за беспокойство, товарищи!

– Ах, во-он оно что! Это чей же паренек, Катя? По голосу вроде не наш!

– Слушайте его больше! Говорю вам: хулиган! Эй ты, рядовой Виноградов, слышишь? Не вводи людей в заблуждение!

– Если я рядовой, то уже не хулиган! В советской армии хулиганов не бывает! Граждане, заявляю со всею серьёзностью, я Катю Петьке не уступлю!

Сверху долетело любопытное:
– Катя, это какого Петю он имеет в виду?

– Сама в первый раз слышу! – отозвалась Катя.

– Не ври! – рявкнул я. – Я всё видел! Всё Лидии Степановне скажу!

– Какой ещё Лидии Степановне?

– Кузьмичёвой!

– Катя, это он про кого?

– Иди проспись, болтун! – долетело до меня опять Катина. – Не знаю я никакой Лидии Степановны! Не слушайте вы его!

– Граждане, не верьте ей! Она от любви ко мне с ума сошла!

– Ха-ха-ха!

– Я не шучу! Люблю, говорит, тебя, Иван Николаевич, и жить без тебя не могу! Так и сказала! А я что, я разве против? Хорошо, говорю, люби, иди, на прощанье поцелую! А она визжать! Я так прямо и на допросе скажу! Даже если пытать станут!

– Ты чей же, такой занятный, будешь?

– А вы меня не узнали разве?

– Нет! А кто ты есть?

– Телевизор надо смотреть!

– Аркадий Райкин, что ли?

– Наконец-то узнали!

– А-а-а!

– Пойдите, а почему он тогда сказал, что его Иваном Николаевичем зовут, Райкин же не Иван Николаевич?

Послышался смех. И сверху прилетело:

– Эй ты, шутник, слышал? Что скажешь на это?

– Это мой псевдоним!

– Иди домой, псевдоним, а то уши надеру!

– Спасибо, я сам! Чего вам для такой ерунды с четвёртого этажа

спускаться? Ещё, ненароком, спуститесь, а назад не подниметесь, а я виноват останусь.

– Это почему же?

– А я откуда знаю? Судьба! Тут уж ничего не попишешь!

– Попугай! – крикнула Катя.

– Спасибо за комплимент. Лечу вить наше гнездо. Да, чуть не забыл! Всех приглашаю на нашу свадьбу! Придёте?

– Придём! Всё, что ли?

– Деньги не забудьте!

– Хорошо!

– Ну я пошёл?

– Иди-иди! Вот насмешили на ночь! Катя, ты, пожалуйста, так больше не шути!

– Простите, Пётр Петрович, больше не буду, только странно, что вы ему поверили, а мне нет.

– Ну-ну, позубоскалили и хватит.

* * *

Как мы познакомились с Катей, вы уже знаете, а вот как после того, что я тогда в подъезде учинил, смогли найти общий язык, поскольку обиделась на меня Катя крепко, описывать не стану. Да и непонятно ли, что иначе и быть не могло? Пусть в ту минуту я врал, что люблю Катю, как, впрочем, и Родину, потому что я её тогда, признаться, не очень любил, а почему, сейчас станет понятно.

Итак, памятный 1974-й. Я сначала абитуриент, затем студент. Наш дворовый ансамбль полагает на музыку и разучивает на три голоса уже и мои опусы. После двухлетнего казарменного заточения, и особенно после знакомства с Катей, из меня, как из вулкана, поплёрло. И чтобы всё это причесать, я начинаю ходить на занятия литературного объединения, которое ведёт член того самого союза, куда мечтает попасть каждый из нас. Но вот беда, творчество нашего руководителя мне совсем не нравится, и я уже подумываю, куда бы податься, как однажды к нам вдруг заглянула на минутку местная знаменитость, за успехами которой с

тех пор я стал внимательно следить, поскольку человек этот как бы между прочим обмолвился, что не только знаком с Андреем Вознесенским, но даже ездил с ним не то в Будапешт, не то в Прагу по обмену молодыми талантами, и в подтверждение своих слов показал автограф на подаренной мэтром книге. После московского фестиваля молодёжи и студентов такие поездки практиковались. Впоследствии почти прекратились. И вовсе не потому, что таланты перевелись, а потому, что, когда они наконец становились «членами», за совершенным отсутствием зубов от систематического недоедания, курения и винопития выражались до того нечленораздельно да ещё с таким титаническим трудом передвигали каждым усохшим членом, что их можно было отправлять только в анатомический кабинет для окончательного расчленения, а не за границу. Очевидно, и вашего покорного слугу ждала бы та же участь, но его от этого спасла земная любовь, хотя он в каждом стихотворении, как недорезанный поросёнок, визжал о небесной. Без всяких шуток. Вот образец.

*Я визжал, я кричал, я скакал, я смеялся,
А потом догонял, догоняя, но остался*

*В дураках, в идиотах, в гордыне своей
И теперь не похож на обычных людей.
Потому что люблю и душой всю верю,
Что однажды ты выйдешь ко мне на порог,
Ужаснёшься, вдохнёшь и промолвишь от двери:
«Глупый, да ты весь до нитки промок!»*

В отличие от меня Катя была «смирненной прозой». Стихи мои всерьёз не принимала и, как «дурочка» из «Доживём до понедельника», мечтала о будущих ребятах, о которых я тогда сдуру ляпнул. Но это казалось мне таким мещанством, что я из кожи лез вон, чтобы доказать, что не велика честь производить себе подобных, а вот чего вместо этого надо было делать, лучше не вспоминать.

В общем, «пришла пора», мы поженились. Как и у моих родителей, произошло это во время учёбы, только в разных вузах, на её и моём последнем курсе. Катя была моложе меня на три года и училась в политехе на радиофаке, по окончании которого тесть устроил её на радиозавод, где трудился мастером участка, а тёща – поваром в заводской столовой. В радиоделе Катя ничего не понимала ни до поступления в институт, ни после его окончания и на заводе занималась отправкой готовой продукции (кстати, теперь этого завода тоже не существует).

Стараниями обеих курсов наше семейное торжество было превращено в модную в ту пору комсомольскую свадьбу, хотя комсомольцем я был, сразу скажу, благодаря тому же Хэму, литобъединению и ещё кое-чему, о чём речь ниже, никудышным, Катя, напротив, примерным, но без экстаза, взносы платила исправно, собрания посещала регулярно. Поскольку по окончании учёбы

мы были одна семья, как и папу с мамой когда-то, нас разлучать не стали, освободив от обычной трёхлетней отработки в какой-нибудь дыре. Я устроился в вечерку. Жили мы у Катиных родителей. Был у них ещё старший сын Василий, к тому времени закончивший военное училище, служивший в ГДР и мечтавший поступить в академию. Васенька, как величали его родители, был семейным идиолом и не сходил с языка. Его фотографиями в военной форме, с семейством (у них уже были сын и дочь) была заставлена вся стенка, заполненная «огоньковскими» и другими собраниями сочинений, которые в своё время тесть выписывал на заводе «по партийной линии», и мне теперь не надо было ходить в библиотеку для поиска цитат к газетным статьям и заметкам. Судя по всему, книги до меня никто не читал и собрали всего лишь из моды, которой тогда заразились все. Заставленная красивыми переплётками стенка была шиком того времени и являлась наглядным свидетельством, что и в этой квартире культурные люди живут. И, когда Катя забеременела, я уговорил её поменяться с родителями комнатами, тем более что они были совершенно одинаковыми. Всё, что давалось университетской программой бегло, да ещё в известном направлении, да и прочитанное всё означенное в списке из-за наличия других предметов было просто невысказано, теперь находилось в моём распоряжении.

И я приступил. Благо, времени для этого было достаточно. В редакцию я приходил около полудня, а в шесть уже был дома и мог читать хоть до утра, что нередко и случалось. За время Катинной беременности, а особенно после того, как она ушла в декретный отпуск, я заразил чтением и её. Дошло до того, что мы перестали ходить на кухню. Так, принесём чего-нибудь и сидим в разных концах дивана с книжками и жуём, запивая давно остывшим чаем.

Родители – они были под стать друг другу, оба упитанные, гладкие, без затей – сначала смотрели на это с уважением, потом с опаской, затем стали высказывать, в основном тесть, тёща только поддакивала да улыбалась в знак согласия, вытирая о вечно висевшее на плече кухонное полотенце и без того чистые руки.

– Вы нам кого родить собираетесь? Понимаешь ли, появится на свет вместо обыкновенного безграмотного ребятёнка какой-нибудь вундеркинд, начнёт шестизначные на шестизначные умножать или поэму какую-нибудь закатит! Или спросит у нас с матерью: а вы читали? А мы ничего и не читали, некогда нам было читать. Ну что, деваться некуда, надо подтягиваться, мать, правильно я говорю?

– Ты у меня всегда правильно говоришь, как соловей! – льёт она ему на душу елей.

– Соловьи, к твоему сведению, не говорят, а поют, – резонно возражает он, хотя за версту видно, что доволен.

– Ну тогда как Карла Маркс с Фридрихом Энгельсом.

Но он уже не слышит, он уже взял из рук сидевшей на диване дочери книжку и начинает листать.

– Фридрих, говоришь, с Энгельсом?.. А тут кто? Пу-ушкин. Ну-ка, чего он тут пишет? «Цыгане шумною толпой по Бессарабии кочуют...» Хм. Это уже, поди, не интересно, это мы уже давно-о пережили. Дальше. «Граф Нулин». Это что, фамилия такая? Ну и фамилия! Представляешь, мать, у нас бы с тобой такая фамилия была? Не Голубевы, а Нулины, а!

– Чай, мы с тобой не графья, – тем же елейным тоном замечает она. – И Васеньку бы в армии за такую фамилию засмеяли.

– А ведь ты, мать, права. Ему бы тогда не то что батарею, взвод бы не дали.

– А детишек бы ноликами во дворе задразнили.

– Фа-акт! Ну, это тоже, видно, не интересно. – Переворачивает ещё несколько страниц. – «Полтава». Этих тоже победили. – Листает дальше. – Гляди, какая длинная, а сражались всего каких-то полдня, а понаписал, понаписал... Корреспондент, – обращается ко мне, – сколько бы ему за такую статью в вашей газете заплатили?

– Да не меньше пятисот рублей.

– Ты это серьёзно?

– А в журнале бы и больше.

– Вот кем надо работать! А мы с тобой, мать, какие-то телевизоры штампуют. А тут написал одну такую статью и цветную «Чайку» с одной полочки домой принёс. Да-а... Эхма-а... – Кончил шелестеть, читает: – «Та-ази-ит». Опять про какого-то татарина пишет, – листает дальше. – И чего он к ним привязался, к этим татарам?.. О, вот, наконец, про нас с тобой, мать. Гляди. «Домик в Колмне». А нам бы с тобой в нашей или в вашей деревне, а? Ну-ка, чего тут? «Четырехстопный ямб

мне надоел: им пишет всякий. Мальчикам в забаву...» А где же про дом?.. – Перелистывает страницу. – А, вот! Там предисловие было. Слушай, мать: «Мне стало грустно: на высокий дом / Глядел я косо. Если в эту пору / Пожар его бы охватил кругом, / То моему б озлобленному взору / Приятно было пламя...» Это он серьезно? Вот помещики! Вот дают! Сразу видно, с жиру бесились! На их глазах дом горит, а им на это глядеть приятно! Ну, капиталисты! Нет, это тоже пропустим. Мы свой дом, мать, никогда не сожжем, правильно я говорю?

– Ты у меня всегда правильно говоришь, как... – но так и не может подобрать достойного сравнения и с тем умолкает.

– Нет, видно, книжки нам уже поздно читать, – наконец вздыхает теть, – да и пишут не пойми про что... Читайте без нас, а мы пельмени пойдём уговаривать. Начитаетесь, приходите, и вам дадим. Правильно я говорю, мать?

– Ты у меня... – начинает она опять, но он её на этот раз перебивает:

– Дай-ка я тебя лучше поцелую! – Она не очень настойчиво сопротивляется, он её смачно целует, отрывается. – Ух, и досталась же мне жена!

– Хорошая аль плохая?

– Хоро-ошая!

– Как будто и без тебя не знаю. Пошли, бесстыдник, ишь чего выдумал, на глазах у детей целоваться!

– Эх! И впрямь! Ну да ла-адно, чай, они уже всё-о понимают.

– Ещё бы не понимать, столько книжек прочитав. Зачем накупил столько?

– Не выбрасывать же их теперь?

– Ишь чего выдумал – выбрасывать! Такие-то красивые? Пусть стоят.

– Тогда пошли пельмешки есть.

И они уходят. А мы, глянув им вслед, а потом друг на друга, не выдерживаем и начинаем смеяться.

А через месяц Катины родители и в самом деле купили дом в деревне, вернее, выкупили бывший родительский у младшего тещиноного брата, которому дали комнату «со всеми удобствами» на центральной усадьбе колхоза. Посмотрел я однажды на эти «удобства», заскочив как-то по пути в магазин на велосипеде. Серая блочная двухэтажка с облезлой, вечно распахнутой дверью в подъезд – иначе в нём просто задохнёшься, тащило из него, как из коровника, а у каждой двери стояли испачканные в навозе резиновые сапоги, источавшие эту амброзию, а у некоторых на грязных домотканых круглых половиках лежали, свернувшись калачиками, мирные псы. Сие означало, что в этой квартире жил пастух, там, где были одни сапоги, – шофера, трактористы, телятницы, доярки, работницы полей. У которых ничего не было – специалисты с бухгалтерией. Председатель колхоза жил в отдельном доме, за высоким забором, как барин. Собственно, им и был. Вся колхозная продукция находилась в полном его распоряжении. Ею он снабжал районное и областное начальство. Устраивал для него охоту. Поставлял к юбилеям больших людей молочных поросят. Ну, а простые колхозники из кожи лезли, чтобы выпроводить от такой жизни детей в город. На селе оставались одни неучи. Что бы там ни пели про

колхозную жизнь, она и теперь не сахар. И я за этим на протяжении двух десятилетий наблюдаю.

Домик пришелся кстати. Но

прежде чем рассказать о том, что связано с ним и нашей жизнью в деревне, завершу книжную эпопею.

* * *

Постепенно наше чтение углубляется. Чем больше внепрограммных стихотворений мы открываем у Пушкина, тем большее недоумение вызывают они у нас. Взять хотя бы «Отцы пустынноики...», «Воспоминание», «Чудный сон мне Бог послал...» А вообще я не знаю ни одного человека, который бы не нашёл для себя в творчестве Пушкина какой-нибудь драгоценной жемчужины, с которой уже не захотел бы расстаться до смерти и не завещал бы речь детям, внукам и правнукам. Но вот незадача! Всякий видит в Пушкине только то, что хочет, а другое как будто не замечает совсем.

Допустим, «Татьяна верила преданьям простонародной старины, и снам, и карточным гаданьям, и предсказаниям луны», потому что в школе не училась. Там бы из неё «всю эту дурь» живо выбили. На первом же комсомольском собрании. А Пушкин ее именно за это любит. Так и пишет: «Я так люблю Татьяну милую мою!» Это что? И нашим, и вашим? Один стишок за царя, другой за будущего Ильича? Что-то не вяжется. Особенно когда читаю Кате о великопостной молитве Ефрема Сирина.

– «Но ни одна меня не умиляет, как та, которую священник повторяет во дни печальные великого поста, всех чаще мне она приходит на уста и падшего живит неведомою силой...» Это что? Так? Для красного словца? Но у многих из

нас даже и мысли такой возникнуть не может, потому что это не соответствует не только нашей походке, но и тому, как некоторые из нас цыкают слюной через стиснутые зубы или эффектно сморкаются, зажав большим пальцем сначала одну, а потом вторую ноздрю, оставляя на асфальте мерзкие кляксы. Ты слышала когда-нибудь от кого-нибудь что-нибудь вроде: «Чудный сон мне Бог послал. С белой, длинной бородой, в белой ризе предо мною старец некий предстоял и меня благословлял»? И я не слышал. И нам с тобой не только никогда такой сон не приснится, но даже перед свадьбой никто не благословил. Они тогда под венец шли, а не ячейку общества создавали. И этим всё сказано! Я уже не говорю о «Воспоминании» – «Когда для смертного умолкнет шумный день...» Об этом стихотворении вообще гробовое молчание. А ты знаешь, что у него есть продолжение? Я нашёл. Вот: «Я вижу в праздности, в неистовых пирах, в безумстве гибельной свободы, в неволе, бедности, в гонении, в степях мои утраченные годы...» И так далее, и завершает просто сногшибательно: «И нет отрады мне – и тихо предо мной встают два призрака младые, две тени милые, – два данные судьбой мне ангела во дни былые. Но оба с крыльями и с пламенным мечом, и стерегут – и мстят мне оба, и оба говорят мне мёртвым языком о тайнах счастья и гроба». Нет, это

тебе не «Естудей»! И всё-таки, когда мы во дворе это пели, ребятам нравилось, хотя и ни слова не понимали. От нашего исполнения они получали кайф в виде дополнения к «нищему в горах», пиву, бормотухе, потому что на хорошие сигареты и вино денег никогда не хватало, да и не надо было хорошего, а чтобы побольше дури. Стали бы они слушать про какого-то ангела с пламенным мечом! И всё-таки тешу себя надеждой, что слушали они нас не только для кайфа, а ещё и потому, что даже их огрубевшие сердца красота нашего исполнения задевала. И впоследствии многих из них от беды уберегла. Я за ними слежу, только единицы сели, часть спились и теперь никакой грозы из себя не представляют, а большинство всё-таки женились и работают кто где, детей растят. Так почему не предположить: потому не сгнули, что нас тогда слушали?

Когда таким образом я заводился на полчаса, Катя сидела как под гипнозом, боясь шелохнуться.

Ну, а потом были роды. Я хорошо помню то напряжённое томительным ожиданием время. Мы уже переживали положенный срок на десять дней, что в ту пору было на руку и многие стремились переходить, чтобы получить прибавку к декретному. Живот уже опустился, а признаков схваток ещё не было и в помине. Врач из консультации была тёщиной знакомой, на госпитализации не настаивала, в роддоме могли вызвать роды искусственно.

Но вот это началось. Около одиннадцати ночи.

– Ой!

– Что?

– Села как-то неудобно. Ничего, вот так посижу и пройдёт. Ты

ложись. И я потихоньку лягу. С краю. Сейчас... М-м-м!..

– Что, опять?..

– Нет-нет, ничего. Видно, повернулась неосторожно. Сейчас пройдёт. В тот раз прошло же... Ма-ама-а-а, как больно... Нет, это, наверное, всё же они...

– Кто?

– Схватки, не понимаешь, что ли!

– «Скорую» вызвать?

– погоди, может, отпустит. Кажется, отпустило...

– Может, всё-таки вызвать?

– Вызвать-вызвать! Тебе бы только скорей меня спровадить! Приедем, а у меня всё пройдёт. И чего я там лежать буду?

Но через несколько минут всё повторяется опять. А потом ещё и ещё... И, всполошив родителей, я стрелой лечу вниз к телефонной будке у остановки.

– «Скорая?..» Женщина рожает!.. Что вы говорите? Какие роды?.. Первые, разумеется, а что?.. Адрес?

Я диктую адрес. Мне говорят: ждите. И, повесив трубку, я вихрем несусь назад. Катя уже собрана. Всё необходимое для роддома они с тёщей давно припасли. Только для будущего ребёнка из-за плохой приметы ничего пока не покупали.

– Что «скорая», едет? – спрашивает тёща.

– Да.

– Что же она так долго едет, тут ехать-то?

– Сказали, ждите. Да! Спросили ещё, какие роды.

– А ты какие сказал?

– Ну, а какие у нас?

– Эх ты, ничего-то они не знают! Надо было пятые сказать, тогда бы скорей приехали.

– Почему?

– Потому что первые самые долгие. Я с Васенькой семь часов мучилась. Насилу родила. А Катю через два часа каких-то.

Схватки всё чаще и с каждым разом сильнее. Уже больше получаса прошло, а «скорой» всё нет. Мы идём потихоньку вниз, а то пока на третий этаж поднимутся, пока вместе спустятся. Катя по лестнице спускается осторожно, поддерживая то одной, то другой рукой живот, часто останавливается, чтобы переждать схватки. Наконец мы на улице. «Скорой» всё нет.

– Беги, звони, спрашивай, куда они там запропастились? – говорит тёща.

Я врываюсь в будку. Снимаю трубку, набираю 03. Длинные гудки.

– «Скорая?..» Почему не едете, женщина уже во дворе рождает!.. Как какая женщина? Я вам полчаса назад звонил! Виноградова фамилия.

Напряжённое шипение в трубке и наконец:

– Выхала к вам «скорая», чего кричите?

– Так рождает уже!

Я готов расколотить трубку, но в это время на совершенно пустой улице появляется белый «рафик» с красными полосами. Я выхожу на дорогу и начинаю махать. Затем бегу впереди машины до подъезда. Появляется медсестра, спрашивает, когда срок, и, узнав, что давно прошёл, говорит: «Что же вы до этого дотянули?»

Я помогаю Кате сесть в машину, залезаю сам. Едем. Буквально десять минут. Но в эти минуты Катя несколько раз сильно сжимает мою руку. Подъезжаем к «Приемному покою». Вылезаем из машины. Заходим в роддом. Там никто никуда не торопится. Нас

записывают в журнал, велят Кате отдать «мужу» верхнюю одежду, говорят сухо: прощайтесь. Мы торопливо целуемся, Катю уводят, и мне так и не удаётся уловить её последний взгляд. Наверное, у неё в это время были схватки. Так она и ушла, не глянув на меня. И, пока иду назад, всю дорогу думаю об этом. Уже набухают почки на липах. Уже нигде нет снега. В городе он рано сходит. На улицах ни души. Хотя бы один прохожий, хотя бы одна машина. Весна! Кто же у нас всё-таки родится – мальчик или девочка? Ах, если бы мальчик! Правда, Кате хочется девочку. Если родится девочка, она будет похожа на Катю. Девочка тоже хорошо! Я почему-то не говорю: дочь или сын. Этого почему-то пока никто не говорит – ни родные, ни знакомые. Так и спрашивают: кого ждём, мальчишку или девчонку? Я отвечаю, что нам всё равно.

Я не спешу домой. А вдруг уже кто-нибудь родился? Роддомовский телефон у меня в кармане. Плохо, что дома нет телефона, говорят, длинная очередь. Но это ничего. У меня с собой кошелек. Он, как и всегда, тощий, но двухкопеечных монет я запас. Целых двенадцать! Я подхожу к будке, вставляю монету, набираю номер...

– Скажите, пожалуйста, Виноградова ещё не родила?.. Примерно полчаса назад поступила... Что значит, какой вы быстрый?.. Что значит, не кошка? Так и скажите, что ещё не родила!.. Через сколько позвонить?.. Часов через пять? Да я с ума сойду за пять часов!.. Хорошо, позвоню через два!

Но я звоню через час. Потом ещё через полчаса. Потом ещё... Для этого летаю по ступенькам вниз. И вот наконец в четыре утра

слышу: родила... девочку... на три семьсот.

Я выхожу из будки как во сне. Всех больше волнуется сердце. И не понять, отчего я больше счастлив – что всё хорошо обошлось или что родилась дочь? Я тогда впервые говорю в уме – «дочь».

Еще не рассвело, но воздух уже дышит прохладой. Я направляюсь к подъезду, поднимаюсь на третий этаж, осторожно открываю и прикрываю за собой дверь. Свет не включаю. Снимаю туфли и мимо родительской двери на цыпочках иду к себе. Я уже подхожу к своей двери, когда слышу за спиной приглушенный тещин голос:

– Ну что там?

Я говорю.

– Слава Богу! Поздравляю.

– Спасибо.

– Родила, что ли? Кого? – доносится голос тестя.

– Внучку. А ты разве не спишь?

– А ты думала, я что? Вы не спите, и я с вами не сплю. А теперь и соснуть можно. И ты бы легла, не железная тоже.

– Знамо дело. И ты, Ваня, ложись. Тоже набегался, поди.

Я ухожу к себе. Раздеваюсь, ложусь, зачем-то говорю вслух: четвертое апреля. Закрываю глаза

и проваливаюсь куда-то.

С этого дня я начинаю по три раза на дно ходить в роддом. Но только на второй день после обеда Катя появляется в окне третьего этажа. На стекло приклеен номер палаты. Мы просто стоим и смотрим друг на друга, и мне от этого хорошо. На третий день Катя показывает маленький свёрток. С такого расстояния ничего не видать. Но мне всё равно приятно смотреть.

Нас выписывают на седьмой день. И я, отдав коробку конфет нянечкам, впервые слышу, принимая завернутую в завязанное бантом синей лентой одеяло дочь: «Держите, папаша!»

А затем началось то, что бывает у всех. Мы буквально тряслись над нашим первенцем, оберегая от всякого дуновения ветра. Почему-то все микробы к нам прилипали. Я говорю «к нам», потому что все родители так говорят. Не говорят: он или она, а... какие мы большие, у нас уже зу-убки режутся, живо-отик у нас болит, живо-отик. Ка-ашель у нас сухой, температура, гла-азки гноятся, но-осик не дышит... Это означает, что и у родителей то же самое болит и не дышит, и они вместе со своими детьми всё это терпеливо переносят...

* * *

Надеюсь, читатель не забыл, что до школы я жил в маминой деревне.

У моей бабушки было сказочное имя – Василиса.

Правда, толстая соседка, завидя её из своего огорода, всякий раз визгливым голосом кричит: «Эй, Василиска, у тебя огурцы новы завязались ай нет?» И когда бабушка, не разгибая спины от грядки, отвечает: «Да вроде-к нешто, усы

да пасынки вот щиплю!» – та, подперев бока и широко расставив ноги, начинает жаловаться:

– А у меня что ни плеть, один пустоцвет! Вот заразы! И чего им не хватат?

Бабушка наконец разгибает спину, спрашивает:

– Кормила ли их?

– Два раз! Да боюсь сожжечь!

– Что им с литровой банки станется? Только лучше возьмутся.

Сколь на ведро льёшь?

– Литру и лью.

– И не вяжутся?

– Не хотят! Может, у тебя навоз слаще?

– Поди отведай. С чего он слаще? Такой же навоз.

– Ну не знаю. Никак, ты их приворожила.

– А тебе кто не велит?

– Дак научила бы!

– Дак сама, поди, умеешь!

– Умела бы – не просила. Чего над ими читаешь?

– «Богородицу» и читаю. А ты думаешь что?

– Одну «Богородицу»? О-ой ли?

– А моим хватает. Мои непривередливы.

Но соседка всё равно не верит.

– Ты мне зубы не заговаривай! «Богородицу» она одну читат! А я, по-твоему, что?

– А ты потише читай, а то ты так читаешь, что на моей кошке шерсть дыбом встаёт и она под крыльцо прячется.

– А если я така громка уродилась?

– Нешто я не помню, какая ты уродилась! Такая, как все! А какая горласта стала!

– Жизнь така, и я така!

– А у других не такая? У меня не такая, что ли? Твоо убили и мово! Ну! Что тебе не так?

– Не могу тебя слушать, кака ты правильна! Всё ей нравится!

– А тебе кто не угодил?

– Давай мне ещё Библию прочитай! Мне по церквам шастать некогда, так я тут послушаю!

– Эх, Нюрка, Нюрка! – качает головой бабушка. – Гляди-ка на что губы надула, на Библию! Она тебя в какое место укусила? Посмотрел бы на тебя Матвей! Вот бы он полюбовался, какая ты стала!

– А ты меня Матвеем не тыкай. А то я тебе так тыкну, три дни с печи не слезешь!

– Ну, совсем с ума спятила, слово ей не скажи, – бурчит уже себе под нос бабушка и, махнув рукой, склоняется над грядкой.

– Ты на меня руками-то не маши! Ишь, барыня какая, слово ей не скажи! Матвеем меня тыкать вздумала! Тебе что Матвей? Он тебе что, а? Матвей! Посмотрел бы и ничего не сказал, так и знай! Я своего Матвея лучше тебя знаю! Матвей... Ну и молчи! Вишь какая молчаливая стала! – уже не так громко продолжает кричать соседка, потом все тише и тише.

И я опять слышу жужжания мух на завалинке, возле которой греюсь на солнышке. Бабушка посадила. Так и сказала, когда я всю кружку противного парного молока выпил: «Поди-ка погрейся на утрешнем солнышке». И я греюсь. И так мне хорошо, доски на крыльце теплые-теплые, белые-белые. Бабушка скоблит их большим ножом каждую субботу. А в воскресенье куда-то уходит на полдня. Я не знаю, куда, и долго не знал, пока соседка однажды, проходя мимо калитки, не спросила, когда я таким же образом на солнышке грелся: «Сидишь? Ну сиди-сиди! А бабка твоя опять, что ли, в церкву умотала?» И когда я дёрнул плечами, утвердительно заверила: «В церкву, куда же ещё!»

С тех пор церковь для меня становится чем-то вроде сказочного царства за семью горами и за семью долами, откуда всякий раз, когда сидеть на крыльце уже опасно, потому что «обедешное солнышко» не такое ласковое и может по головке ударить, бабушка привозит гостинцы – круглые печеня с медовыми карамельками.

В тот день я спросил бабушку:

– А ты в церкви была?

И она «не смогла соврать ребёнку», за что мама её потом ругала.

– Была, милый, была, вот го-стинцев тебе опять привезла.

– А там всем дают?

– Всем. Ешь, – и кричит: – Лёньк, а Лёньк, ты где? Ребёнка кормил?

– Поел чего-то, – вяло отзывается с койки, которая стоит в чулане, дядя Лёня.

У дяди Лёни сегодня выходной. А когда у него выходной, почему-то всегда болит голова, а в другие дни не всегда. Он рано уходит на работу и поздно возвращается. От него пахнет сеном, овсом, и мне это нравится. На обед он не ходит. Берёт с собой варёных яиц, краюшку хлеба да луку с солью. Остальное, говорит, у него и там есть. Иногда он проезжает мимо на телеге с таким видом, будто мы ему не родные. На телеге что-то лежит под брезентом. Бабушка смотрит на него в это время сердито и качает головой. Иногда скажет: «Опять повёз. Говори не говори...» Бабушка считает, что дядя Лёня несчастный, «потому что никому такой не нужен». И я всё никак не пойму, что в дяде Лёне не так? А какую он мне свистульку сделал! С горошиной! Как в кино свистит. Кино смотрели на улице. На белой простыне. На какое-то «массово гулянье», как выразился дядя Лёня, привезли на машине, и мы с ним ходили смотреть. После кино дядя Лёня и сделал свисток с горошиной, попробовал свистнуть и, протянув мне, сказал: «На, свисти, минцонер». И я свищу без передыху. До тех пор, пока бабушка не отберёт свисток. «Ну всё, посвистел и хватит. Не всё тебе свистеть. Так побегай».

И я иду бегать с деревенскими ребятами. Их тут немного. Они разного роста. И те, у которых короткие штаны, умеют курить в себя краденый самосад. И мне дают попробовать: «Накось, зобни». Я осторожно втягиваю в себя из обмусоленной самокрутки и тут же пыхаю, как паровоз, который в массово гулянье на белой простыне свистел. «Это что-о? Ты в себя зобни. Так что не курить. Так ничего не поймёшь. А ты в себя вдыхни, тогда узнаешь». И я вдыхаю. Вернее, никак не могу вдохнуть, потому что дым встаёт поперёк горла и рот перестаёт закрываться, и все надо мной смеются. А потом, похлопывая по спине, говорят: «Ну, понял теперь?» И хотя я ничего не понял, согласно киваю. «Ничего, подрастёшь, научишься», – утешают меня.

Понятно, что не всё время мы курим, а только для интереса. И курим потихоньку, чтобы никто не видел. А потом идём к пруду. Это наше любимое место. Сюда пригоняют на полдни общественное стадо. И пока его нет, купаемся мы. Старшие в глубине, мы у берега. Вода такая приятная, что никогда бы не вылез, но купаться долго нельзя, потому что от этого губы синеют, как у покойников, а это нехорошо. Большие ребята купаются в трусах, а мы без, потому что у нас ещё смотреть не на что. После купания мы идём есть витамины – луговую землянику. Она не такая вкусная, как лесная, но в лес мне ходить не велят даже с большими ребятами.

Потом мы идём рвать щавель. Он тоже полезный. И вишнёвая смола, и столбунцы, и дикарка, и барашки.

С девчонками не водимся. Мы их презираем. Просто так, ни за что. А они нас. И даже языки нам

кажут. Разумеется, издали. А мы им кулаки. Но никогда не бьём. Старшие ребята говорят: бабу бить – последнее дело. А больше в деревне и бить некого, остальные все свои.

Но проходит лето, наступает осень, старшие начинают ходить в школу «на центральную усадьбу», и мы всё реже собираемся вместе. А когда зарядят дожди, вообще все дни напролёт сидишь дома. Я тогда ещё читать не умел. Это потом меня дядя Лёня грамоте выучит. И я с пяти лет стану читать всё подряд. Кроме бабушкиных книг, разумеется. У неё их всего три, но и те, как говорит дядя Лёня, «на ненашенском». Я заглядывал. Буквы раз в пять больше тех, что в численнике, который на стене висит, все одного размера, корявые, строчки без промежутков и неэкономные, как считает дядя Лёня, поля. Книжки толстые, тяжёлые, корки деревянные, обтянутые обгрызенной мышами кожей. Раньше у бабушки таких был целый сундук, который теперь пустой в чулане стоит, «чай, этот, непутёвый, когда в школу пошёл да с ума спятил, а меня дома не было, сволок с Ванькой Спицыным в овраг и сжёг. Ох, и лупила я его тогда! Думала, убью! Луплю, а он подзадоривает: всё равно Бога нету!» – «А коли, говорю, нету, почто книжки сжёг? Они тебе есть, пить не давали, что ли?» А он всё своё твердит: опиум для народа. А я тебе, говорю, что, не народ? У-у, ирод!.. Через этот самый опиум его Бог и наказал. Никому, кроме матери, не нужен». Дядя Лёня теперь на всё это молчит, потому что бабушка нет-нет да напомним, видимо, понимает, что маху дал. Правда, бывает это редко. А так мы живём мирно. Вместе копаем картошку, моркош-

ку, свёклу. Жжём ботву.

Потом начинаются заготовки. Мы с бабушкой рубим и солим капусту, огурцы, помидоры, грибы, мочим яблоки в кадках. Больше всего мне нравится варить варенье, есть розовые пенки, которые снимают длинной деревянной ложкой.

В это время дядя Лёня с двумя такими же вечно небритыми мужиками режет поросёнка. Я на это всего один раз ходил смотреть и с тех пор резать поросят не хожу. Только смотрю из окна, как его, подвязанного за задние ноги к суку корявой берёзы перед домом, палят синим огнём, а потом скоблят длинными ножами и омывают водой до тех пор, пока он не станет белым. Затем втроем снимают тяжёлую тушу и рубят на чурбаке. Сортируют.

И когда уже всё готово, бабушка выносит «угощение», ставит в чугуне на печной плите варить «селянку», кричит в открытую дверь копошащимся в сенях мужикам: «Приходите потом селянку исти». Но оттуда летит: «Спасибо, Василиса Егоровна, нам и этого за глаза. Ну, Лёнька, будь здоров, спасибо, что позвал». – «Кого же мне, кроме вас с Ванькой, звать? Чай, мы друзья сколь уж лет? Во-о. Ну, давай...»

Чтобы уберечь дитя от взрослого разговора, бабушка прикрывает дверь. В доме она только папе с мамой позволяет выпивать, но ведь «то совсем другое дело. Приедут раз в году. Как не угостить? Да ещё такого зятя. Так Николай Семёныч и выпьет, от него слова худого не дождёшься, не то что эти. Да и какой он против них питок? Так, для уважения одного. Спасибо, скажет, Василиса Егоровна, мне достаточно. Вот какими людьми надо родиться! Одно не так. В Бога не

верит. А и не верит, всё одно по Богу живёт. Все бы так, кто в Бога верит, жили. Так что нечего Бога гневить, повезло Наталье с мужем, не зря, видно, она на одни пятёрки училась, а тебе с отцом. Ты его слушай, с ним не спорь, а в Бога про себя верь. Тогда тебя никакой грозой не убьёт». Грозы я действительно боюсь. Да и кто её не боится, особенно в деревне, а тем более застигнутый в чистом поле, когда полосуют черное небо кривые молнии? Один раз даже сам видел, как от удара молнии вспыхнуло, как порох, и занялось ярким пламенем дерево на краю деревни.

Зима. Если стоит хорошая погода, это какое-то чудо! Столько света и такого чистого неба, кажется, не бывает даже летом. Я до изнеможения хожу на лыжах, дотемна катаюсь на деревянных санках с овражной горы. Гоняю на прикрученных к валенкам «снегурках» по первому льду. Моюсь с бабушкой в бане. До семи потов пью душистый чай из начищенного до зеркального блеска самовара. Сплю на печи.

Когда мело, пока не научился читать, было действительно скучно. Сидишь часами у окна, глядя на снежные завихрения, да слушаешь, как воеет в трубе... не домовой, нет, это лишь у соседки домовые выли, а у нас простой ветер. Горит лампадка, тикают настенные ходики. Стрелки приделаны прямо к кошачьей улыбочивой мордочке, висят на цепочках гири, похожие на елочные шишки. Бабушка, когда не вяжет, не штопает, не плетёт половики и не стряпает, садится читать книги «на ненашенском». Садясь, говорит кому-то, что «их, чай, и сижа читать можно». И когда я прошу почитать мне, всегда отвечает одно и то же: всё одно пока не поймёшь.

Позже из книжек я узнал, что бабушки обычно рассказывают внукам сказки. Мне бабушка не рассказывала никогда и ни одной. О Боге тоже ничего не говорила, хотя и выделила для Него самое видное место в избе, да ещё украсила белым расшивным полотенцем. При мне никогда не молилась. Так, перекрестится, прошепчет что-то перед тем, как сесть за стол, выйти на улицу, приняться за работу. Корову еще крестила. Может, ночами молилась, не знаю, я в это время спал без задних ног и никогда не просыпался среди ночи. В деревне не было света, поэтому зимой ложились рано, а вставали поздно. К потолку была привинчена на цепях керосиновая лампа. В гости бабушка не ходила. И к ней почти никто не ходил. Один раз её за это дядя Лёня даже выругал, когда у него уж очень сильно голова болела. Прежде чем хлопнуть дверью, сказал в сердцах:

– Не-эт, ты не человек, ты железо! Все старухи как старухи! И посудачат, и вина выпьют, а тебя никогда среди них нет! Тебя туда на аркане не затащишь! Всё у тебя грех! Ты и в своём раю вот так вот одна сидеть будешь! Вон, вместе со своими угодниками немymi! Они всё время глядят и молчат, и ты всё время глядеть и молчать будешь! Не могу на тебя смотреть! Тьфу!

Бабушка начинает ворчать после того, как дядя Лёня уходит:

– Иди-иди, ишь, раскричался! Куда воротишься! Думай, куда воротишься! Святые угодники ему покою не дают. Ни слова ему не говорят, а ему всё равно покоя нету.

Нет, скучно поначалу было зимой, когда мело.

Но вот я постигаю грамоту. Мне только что стукнуло пять, а

дядя Лёня с бабушкой надивиться не могут на мои способности. А я действительно с пяти лет стал читать толстые книжки. Как орешки одну за другой щёлкал. Как уважительно выразился однажды при моих родителях дядя Лёня, всю колхозную библиотеку за два года проглотил. И папа с мамой книжек навезли. Папа занимательную физику, математику, географию, мама сказки. Так что в первый класс я пошёл хорошо подготовленным.

* * *

Не сильно жизнь деревенская изменилась с тех пор. Разве что свет да телевизор теперь в каждом доме, правда, стояли они больше для мебели, приобретённые из одной лишь зависти перед соседями: ну как это – у них есть, а у нас нет, чай, мы не хуже! А вот «казали» даже хуже, чем кино на простыне. А звук! «Радио» и то лучше «говорило»!

Тогда уже не было в живых наших бабушек, но по рассказам Кати знаю, что её тоже была религиозной, пусть не такой, как моя, но иконы в доме держала, и они встретили нас, как только мы переступили порог.

И вот я в отпуске. Июль в самом начале. Наш низенький домик в три маленьких оконца, сад и огород вместе с нами греются на ласковом «утреннем солнышке». Катя кормит Дашу грудью. Я за этим с затаённым дыханием наблюдаю. Мы сидим на крылечке в одну ступеньку, и со вчерашнего вечера, когда я на закате с тяжёлым рюкзаком за плечами добрался наконец от центральной усадьбы колхоза до нашей избушки, никак не можем наговориться и насмотреться друг на друга, а я ещё

Спрашивается: а почему со мной только деревенская бабушка водилась, а городская что? Ну, городская тогда была молодой, работала в заводском управлении и для расширения жилплощади сошлась с инвалидом войны. Бабушку звали Тая. Она красила губы, подводила глаза, завивала волосы, носила модную одежду, шляпы и обувь на каблуках. Некогда ей было со мной возиться.

и на дочь. Это было какое-то чудо! Ни на что в мире не похожее. Даже запах. Такого больше ни от чего не бывает. Вчера, когда я подошёл к дому и оглянулся на потухающее зарево, а потом посмотрел на притихшую в наступающих сумерках деревушку на крутом склоне холма, сбегавшего к тихой речушке, через которую только что перешёл по деревянным мосткам, у меня даже защемило сердце, а когда слегка нагнулся, чтобы заглянуть, а затем постучать в дребезжащее оконце, и услышал знакомый голос, подумал, что всё это не наяву. И что было потом, казалось такой же сказочной грёзой. Нечто подобное со мною бывало разве что, когда в бабушкиной деревне грелся на «утреннем солнышке», и то не так ощутимо. Каждое движение обнажённых до плеч Катиных рук, когда хлопотала, накрывая на стол в нашей маленькой кухоньке, выбившаяся прядь волос, постоянно спадавшая на глаза, каждая черточка лица, улыбка, взгляд, каждое слово казались волшебными – так после родов Катя похорошела! И я извожу себя ревностью и даже мечтаю о том, чтобы всё бросить и затвориться от посторонних глаз

в нашей избушке и жить своим хозяйством. И даже говорю об этом. Катя не возражает, но, по всему видно, не верит, что такое может быть на самом деле. И, чтобы доказать мои навыки в сельском хозяйстве, кроме стирки пелёнок, ползунков и подгузников, я копаюсь в саду, полях грядки, которые разбила по весне тёща с тестем, уничтожаю колорадского жука, пробую косить. Полоть, собственно, и нечего. Весь июнь этим занималась находившаяся в отпуске тёща. Теперь моя очередь. Потом возьмёт отпуск тесть, а там и домой пора. Ещё не совсем отошла клубника, в солнечных местах уже поспели красная и чёрная смородина, малина, и каждый вечер, вскипятив натуральный тульский самовар, мы уминаем с хлебом по глиняной плошке толченой с сахаром ягоды. Хлеб привозят раз в неделю. Но мне в удовольствие по такой погоде долететь за ним и за чем-нибудь ещё до центральной усадьбы на велосипеде. В одну из таких поездок по Катиному поручению я и заскочил к родственникам, а заодно посмотрел на «удобства» и даже подумал: нет уж, лучше без них. Но, может быть, я не прав, поскольку жили мы в деревне всего по три месяца, когда Катя была в декретном, а потом в неоплачиваемом, но и не прерывающем стаж годовом отпуске по уходу за ребёнком. Когда же наконец вышла на работу, в деревне с Дашей июнь по-прежнему жила тёща, в июле мы оба, а в августе опять тесть. И так до рождения Леры, которая появилась в марте 1984-го, после чего до 1990-го у нас детей не было. Не то чтобы не получалось, а не решались, да и зачем, думали, разве хватит у нас

любви ещё на кого-нибудь, кроме наших дочурок? Правда, после того как узнали о второй беременности, Катя обмолвилась, опуская глаза на живот: «Мне кажется, я не смогу любить его так же, как Дашу, мне кажется, у меня просто любви не хватит». А потом сама удивлялась на свои слова, не понимая, «как можно такую хорошенькую девочку не любить», и мы уже не могли представить жизни без нашей Леры.

Но продолжу описание того сказочно прекрасного утра, а затем не менее чудесного дня, каких было немало, но с годами они как бы слились в одно целое в нашем «прекрасном далёко».

Даша наконец отваливается от груди. Катя некоторое время держит её под мышки вертикально, чтобы отошёл воздух. И, когда он отходит, укладывает малышку на правую руку и начинает с ней гулить.

Агу-у, агу-унюшки, агу-у. Ну поговори с мамой, поговори. И с папой поговори. Скажи ей чего-нибудь. Видишь, как она на тебя внимательно смотрит? Это что за дяденька такой к нам приехал, а? Кто это к нам в гости пожаловал, ну? Па-апа к нам в гости приехал, па-апа. Узнала папу? Узнала! Узнала маленькая девочка папу! Скажи: ма-ама. Ну, скажи. Смотри, задумалась. Как будто чего понимает. А вы думаете, нет? Ещё как, скажи, понимаем. Всё мы понимаем, только сказать пока не умеем. Ой, как мы зеваем! Ой, как нам спать-то охота! Ой, как нашим глазком спать хочется. Ну всё, совсем закрылись наши глазоньки. Вези коляску. Да тюль захвати, а то мухи искусают. Такую маленькую девочку, такую хорошенькую, такие злые мухи

всю искупают. Привёз? Посмотри, сухая пелёнка? Сухая? Сейчас мы нашу маленькую девочку поло-ожим. Вот так. Ишь как спит наша крошка, наша у-умница. Вот так мы её сейчас тюлью накроем, вот та-ак. Спи.

Я предлагаю:

– А давай, ты будешь моя мама, а я твой сыночек, и ты меня будешь спать укладывать, а я не буду хотеть?

– Это как?

– погоди. – Я убегаю в дом и приношу оттуда байковое одеяло, расстилаю рядом с коляской на влажной от росы траве. – Садись, а я рядом лягу и тебе на колени свою буйную головушку положу.

– А она у тебя буйная!

– О, ещё какая! Всё, села? Тогда ложусь. Вот та-ак, вот, всё. Ну, укладывай меня. Нет, давай сначала поговорим.

– А ты разве умеешь?

– Сють-сють.

– Сколько же тебе лет?

– Тли-и.

– Ну, три! В три, знаешь, как разговаривают?

– Тадыменьсы.

– Ну тогда ладно. Хочешь спать?

– Ни хасю! Скаску хасю.

– Ну хорошо, слушай сказку. Жили-были...

– Дед и баба?

– Нет. Мужик да баба. И был у них сынок Иванушка.

– Я?

– Нет. Но очень на тебя похожий. Раз пошли они на базар и наказывают Иванушке, чтобы ни шагу со двора, а то гуси-лебеди налетят и унесут в лес к бабе-яге.

– А где сестрица Алёнушка?

– Она ещё не родилась.

– Кто же меня вызволять будет?

– А тебя ещё не унесли. Таких непослушных не уносят. А если и уносят, так не жалко.

Я приподымаюсь и с возмущением говорю:

– Это кого тебе не жалко, меня?

– Нет, а непослушного Иванушку с буйной головушкой, а ты же у меня послушный мальчик?

– Осинь.

– Ну вот. Ушли они. А он сидел-сидел у окошка, глядел-глядел на улицу да так и заснул. Вернулись родители с базара, глядят, спит их Иванушка. Будить не стали, перенесли его на полати, накрыли одеялом, а сами сели чай пить. Да с баранками, да с пряниками, да с «птичьим молоком».

– А тогда разве уже было?

– А это не тогда, а позавчера было с соседским Иванушкой.

– А-а-а...

– Ну вот, значит, сидят они, пьют чай, а баба и говорит: «Отец, не купить ли нам Иванушке сестрицу Алёнушку, а то ему скучно одному в доме сидеть да на улицу глядеть?» – «Я, отвечает мужик, и сам про это всё время думаю, да боюсь, денег не хватит». – «Тогда, говорит баба, давай Пеструшку зарежем, мясо на базаре продадим, тогда, говорит, денег на всё хватит». Подумал-подумал мужик да согласился. Услыхал это Иванушка.

– Как же он услышал, ежели спит?

– А он к тому времени проснулся да как услышал такой разговор, опять спящим притворился. Пеструшку он любил. У неё на чёрном лбу белая звёздочка была. Пошёл мужик ножи точить. Баба за водой на колодец ушла. Вскочил Иванушка, бежит в хлев, зовёт: «Пеструшка, Пеструшка, батюшка с матушкой тебя зарезать хотят,

мясо продать, а на вырученные деньги мне сестрицу Алёнушку купить». Испугалась Пеструшка, мычит: «Спаси меня, Иванушка, а я тебе потом службу сослужу». – «Ничего, говорит Иванушка, мне от тебя не надо». Вывел её потихоньку из хлева да увёл в глубокий овраг. «Стой, говорит ей, тут тихо». Вернулся домой, а там уже хватились пропажи. «Не знаешь, спрашивают Иванушку, куда Пеструшка подевалась?» – «Как, отвечает, не знать? Я её, когда вы на базар ушли, у проезжего цыгана выменял». – «На что?» – «На сестрицу Алёнушку». – «Так где же она?» – «Сказал: жди, через девять месяцев привезу». – «Ай да молодец, Иванушка, – говорят мужик с бабой. – А мы уж хотели её резать да мясо на базар снести, чтобы тебе сестрицу купить, а ты вон что придумал!» Посадили они Иванушку за стол, стали его баранками да медовыми пряниками кормить. Кормят да приговаривают: «Какой у нас Иванушка у-умный, какой он у нас разу-умный, какой он сообрази-тельный». Иванушка слушает себе да ест, а про себя думает: «Ужотко (бабушка так выражалась) сбегая к Пеструшке, порадую».

На Катине платье садится божья коровка, очевидно, решив, что это лужайка с такими же, как она сама, красными горошинами. Но, странное дело, на которую ни напозёт, вниз проваливаются, и она вертится в разные стороны, не понимая, куда попала. Катя подставляет ей палец, букашка на него охотно взбирается. Палец поднимается кверху, и мы глядим, как на самую макушку бесстрашно залезает красная в чёрный горошек букашка, деловито оползает взлетную площадку, колготится и нако-

нец, выкинув из панциря прозрачные темно-коричневые крылышки, тяжело взлетает.

Я спрашиваю:

– Всё?

– А чего ещё?

– Продолжение.

– Это когда проснёшься.

– Сама сочинила?

– Бабушка рассказывала.

– И тоже без продолжения?

– И тоже без продолжения, потому что я к этому времени уже спала.

– Ну да, ты же, как и я, была послушной.

– Я непоседой была.

– Да ну!

– Знаешь, как я всех деревенских мальчишек колотила! Они меня все боялись. Обидят кого, ко мне бегут. А ну, говорю, пошли, сейчас мы ему надаём.

– В самом деле?

– Ну, конечно же, нет... Какая из меня партизанка? Так, в воображении. За меня всё время Вася заступался, поэтому все боялись. Знаешь, какой он был! А справедливый – страх! Он и теперь такой, поэтому и в академию никак не попадёт. Перед начальством лебезить не умеет потому что. Всё только строго по уставу.

– Я его понимаю. Я тоже за Ленку заступался. Ну и ей поддавал иногда, чтобы не зазнавалась. Такой врединой была. Шагу не ступи, слово не скажи. «Вшо папиш мамой лашкажу, я вшо-о видела, я вшо-о шлышала». А какая стала!

– Да-а... Лишь бы с женихом повезло.

– Успеет ещё. Ей всего-то девятнадцать. Пока учится, пока что.

– Не понимаешь ты ничего. Она тебе не рассказывала, а мне рассказывала.

– И чего она тебе такое рассказывала?

– А не скажу.

– Нет уж говори, раз заикнулась.

– В общем... есть у неё парень. И всё у них было... Не дёргайся, пожалуйста. Говорю, было – значит, было. Слово друг другу они дали, как только он со службы возвращается, сразу в загс.

– Уж не о Петьке ли Егорове речь?

– И что?

– И у неё с ним было? Да ни в жизнь не поверю! Да если отец узнает... Да он... Ты даже не представляешь, что он может устроить! Ты его сама-то видела?

– Показывала фотографию.

– И что?

– А что? Дело такое... И вообще говорят: с лица воду не пить.

– Да он дуб дубом! Пень! Понимаешь? Натуральный!

– Ну, этого я не знаю.

– Неужто насильничал? Да иначе и быть не могло! – Я всё никак не мог успокоиться.

– Сказала, нет.

– Так и сказала?

– Так и сказала. Успокойся. И я ей верю. И ему. Она мне даже одно его письмо показала. Знаешь, ошибка на ошибке, без запятых, почти дословно. «Рас сказал значаща так и будит как сказал. Я за тибя каму угодна пасть парву пусть не пялица на тибя так и скажи ему. Всё канчаю писать. Завтра нас отправляют в камандирофку куда ни сказали нильзя пака гаварить патом напишу. Жди и я к тебе абязательна вирнусь. Петя».

– Уж не в Афган ли отправляют? В прошлом году ввели войска. Так, говоришь, переписываются? Не знал. Я ей скажу.

– Попробуй только! Я тебе по секрету сказала. И ты этого делать не смей, слышишь?

– Ладно, – и прибавил, о чём потом сто раз пожалел: – Хоть бы убили его там.

– Типун тебе на язык! Да разве такое можно говорить, Вань, сам подумай! Да ну тебя, я на тебя даже рассердилась!

– В самом деле, глупость сморозил. Вылетело само... Ну ладно, не сердись. Ну виноват.

Начинает качаться коляска. Слышится нетерпеливое кряхтение. Сначала просто покряхтывает. Потом подаёт голос. И с каждой минутой всё громче и громче.

Мы поднимаемся с одеяла, подходим. Я снимаю накидку. Катя запускает ладонь под низ и говорит:

– Успела уже, – и Даше: – Молодец, что тебе ещё сказать? Пошли переодеваться. – Мне: – Принеси воды. Из самовара налей. Если горячая, разбавь.

Я приношу в ковше. Прямо на лужайке смываем размазанный по попке варёный яичный желток. Кстати, он тоже чудесно пахнет!

Почти каждый вечер мы втроем гуляем по деревне. В ней всего двадцать шесть дворов. И в тех живут практически одни пенсионеры, ещё не старый тракторист с дояркой-женой и всего один, как дядя Лёня, никому не нужный мужик, ровесник Катинного брата, с которым когда-то знался и которым теперь гордится. По этой причине относится к нам как к своим, и даже с уважением. Чего ни попросишь, всё сделает. Но мы стараемся не просить, потому что потом замучает: дай ему да дай на опохмелку. Сделает на грош, а выклянчит на рубль.

И за деревней гуляем. Какая тут красота! Холмы, леса, поля, облака. Я хожу за земляникой, черникой, грибами. Всего этого здесь прорва. И леса девственные. Настоящие дремучие леса. Купаться только негде. Ну что за купание в реке, в которой по пояс? А вот походить с корзиной – одно удовольствие! Попадают карасики, плотва, вьюны, налимы и щурята. Вкуснота-а-а! Нет ничего слаще мелкой рыбёшки.

Потом я стану ходить сначала с Дашей, которая будет сидеть в светленьком платице и белой панамке на корточках на берегу и пронзительно визжать, когда вместо карасиков попадётся тритон. А вообще она только карасиков и плотву в руки брать не боится. Положит на ладошку и скажет: «Золотой как будто». А потом спросит: «Па-ап, а ему без воды очень больно?» Иного попросит отпустить. И мы вместе с ней отпускаем. И такую это ей доставляет радость! И однако же она понимает, что всех отпустить нельзя, потому что меня ей тоже жалко – я весь мокрый, в тине и водорослях, ноги мои до колен в иле!

А ещё позже мы станем ходить сюда вчетвером. И Даша, как большая, будет показывать Лере карасиков и плотву и говорить: «Видишь, какие золотые? А эти

серебряные. Дотронись-ка, какие холодные. Как из холодильника, только живые. Потому что в холодной воде всё время плавают и от этого совсем прохладились».

Ну а потом началась перестройка.

Забыл только сказать, что Петька Егоров героически погиб в Афганистане. Об этом буквально этими словами сказал приехавший с цинковым гробом лейтенант, а потом Лене пришлось до востребования письмо от Петькиного сослуживца. Я это письмо читал. Подробно не помню, помню только, что во время какой-то разведки или рейда они попали в окружение, и он, будучи раненым в обе ноги, остался прикрывать отход прорвавшихся из окружения ребят, а потом подорвал себя вместе с окружившими его духами на гранате. Всё, что осталось от него, когда появилась возможность, собрали, но головы так и не нашли, установили личность по ранению в ноги и по выколотовой на левой руке букве «Л».

Лена не плакала на похоронах. Но когда в первый раз прочитала письмо, да и потом, когда перечитывала, доходя до буквы «л», пускала скупую слезу, уходила в себя и могла часами сидеть без движения.

ПОЭЗИЯ

Дмитрий ДАРИН

РЖЕВ

К открытию мемориала Советскому солдату под Ржевом
30 июня 2020 года.

Мы опять наступаем на Ржев,
Попирая ногами не глину,
Тех, кто лёг здесь, еще не истлев,
По ногам, головам и по спинам.

Ты прости, незнакомый солдат,
Что тобою прикрылся от мины,
Ноздри высушит приторный смрад,
Душу высушит ужас змеинный.

Смерть оставит меня на потом,
Осмелевший от бранного слова,
Оттолкнусь от тебя сапогом,
И – в атаку кровавую снова.

Ты прости, что я не оглянусь,
У тебя и лица не осталось,
Но запомню костей твоих хрусть,
Словно смерть на спине расписалась.

Нас осталось из роты чуток,
Только павших словами не троньте,
Кто ногами лежал на восток
Без лица на Калининском фронте.

Где отрыть мне солдата того,
Среди тысяч и тысяч таких же?
Я б прощенья просил у него
И у всех подо Ржевом погибших.

Дмитрий Александрович ДАРИН – поэт, прозаик, публицист. Родился в Ленинграде в 1964 году. Доктор экономических наук. Член Союза писателей России, член песенной комиссии Союза московских композиторов; член редколлегии ряда литературных журналов. Автор 10 поэтических сборников и двух книг прозы. На стихи автора написано более 200 произведений академической и популярной музыки, вошедших в репертуар известных певцов. Лауреат многих литературных премий.

Я, когда вспоминаю про Ржев,
Со словами высокими медлю,
Слишком просто мы все, обсытев,
Наступаем на русскую землю.

ВИВАТ, ДОНБАСС!

Пусть ополчатся против нас
России давние враги,
Им русский не видать Донбасс,
И русского себе слуги.

И снова в небе дым и гарь,
И вновь осколков смертный свист,
Цивилизованный дикарь –
Перелицованный нацист.

Как вам хотелось на костях
Народа нашего плясать,
Француз, германец, бритт и лях,
И им бандеровец под стать.

Веками кован русский мир,
Победой кован русский меч,
И честь – наш главный командир –
Прикажет снова мир сберечь.

Виват, Донбасс, виват, Россия,
Мы беды вместе пересилим,
Мы снова вместе победим,
И мы споём Донбассский гимн!

МОЙ КОСТЁР НЕ ПОГАС

Мой костёр не погас,
Мой табак не промок,
Кого нет среди нас –
За них третий глоток.

Фляга, как оберег,
Из ладони – в ладонь,
Первый падает снег
В желтоглазый огонь.

Первый снег на виски
Лег уже не вчера,
Тосковать не с руки –
Спирт разлей, пехтура!

Пей до капли, сержант,
Пей до дна, рядовой,
За прорыв рубежа
И за то, что живой.

Мы – полей короли,
Мы – хребет и костяк –
Рвали здесь, как могли,
Человечий сорняк,

Что вредней конопли
И опасней вьюна,
В тёмной зоне Земли
Зацветает война.

Я пока закурю
Папироску в кулак,
Посмотрю на зарю
Просто так, просто так...

Чтобы вспомнилось мне
Под тепло и под тишь,
Как ты в той толкотне
На перроне стоишь,

Твой платок с бахромой,
Голубая слеза,
Ждать с победой домой
Обещали глаза.

Будет русским Донбасс,
Будет крепким урок...
Мой костёр не погас,
Мой табак не промок.

КРЫСЫ

После начала спецоперации Российских
Вооружённых Сил на Украине, Россию
покинули Алла Пугачева, Максим Галкин и
другие деятели отечественного шоу-бизнеса.

Из новостей

Корабль не тонет и близко земля,
Нерусские крысы бегут с корабля,
Ведь крысам не нравится курс,
Им кажется, трюм уже пуст.

Бегут грызуны на заветную твердь,
Чтоб души крысиные там отогреть,

И слышен отчаянный визг:
– Вы лишь не лишайте нас виз!

Но то, что им почва, для нас – только мель,
И что нам отрава – для них карамель,
Они за чужое зерно
Готовы пустить нас на дно.

Но странное дело – как только в порту
Швартуется судно, слышна на борту,
Как будто матросов дразня,
Крысиная та же возня.

И мы перебежчиков примем опять,
И снова дадим им возможность предать,
Кто Родину чтит, тот поймёт –
Крысиный не троньте помёт.

ЗА МИНУТУ ДО БОЯ...

За минуту до боя
Посмотри в небеса,
Тот, кто правит судьбою,
Взвесит всё на весах.

И из всей этой каши,
Хоть с молитвой, хоть без,
Он кидает на чашу
Души наши на вес.

Там зазря не жалеют,
Ни вовеки, ни днесь,
Чья душа тяжелее,
Тот останется здесь.

Тяжелее не мезтью
И не плотским грехом,
А влетевшим известьем
О дружке неживом.

И застрявшим осколком,
Память режущим в дым,
По разбитым посёлкам,
По подросткам седым.

Материнской мольбою
Не остаться в лесах...
За минуту до боя
Посмотри в небеса.

Там, на ангельской базе,
Есть канал запасной –
Бог с тобою на связи,
Ты – его позывной!

НЕ БОЙТЕСЬ РУССКИХ!

Не бойтесь русских, просто уважайте –
Мы за завидные чужие урожаи
Соседа грабить не спешим –
Иной уклад души.

Не бойтесь русских, просто не забудьте,
В долгу у миллионов русских судеб,
На их костях стоит ваш мир,
Что сытно жив взаимы.

Не бойтесь русских, просто не снесите
Оживших в камне русских витязей,
Что вас от вас же берегли,
Восставши из земли.

Не бойтесь русских, просто извинитесь,
За что нагадили в пиратской прыти,
Перед своими же детьми,
Чтоб жизнь им не затмить.

Не бойтесь русских. Ну, а коль боитесь,
Грозить нам силой вашей не беритесь,
В полях России много мест,
Где вам поставят крест.

* * *

Своей пули не услышишь,
Не спознаешь свой свинец,
Что на нас слетает свыше,
Не Небесный шлет Отец.

Сеет бес стальные зёрна
По израненным полям,
Кто у Бога поднадзорный,
Тот не ляжет в ковылях.

Рядом враг, а Бог поближе,
Коли даст – так поживём,
Месяц брызжет чем-то рыжим,
Словно раненый ножом.

Все утихло до рассвета,
Мир недолгий до утра,
Кем-то брошена монета
Из дрянного серебра.

А что выпадет – не знаю,
Мне б не решку, мне б орла,
Да иконка чтоб честная,
Злую пулю отвела.

В ухо – треск цикад из раций,
В небе реет вражий дрон,
Только очень может статья,
Жребий встанет на ребро.

Я затвор свой передерну,
Вставлю бесу фитиля,
Ты не сей стальные зёрна
Нам на русские поля!

Вячеслав НЕСКОРОМНЫХ

КАТИСЬ, МОНЕТКА ЗОЛОТАЯ...

Рассказ

«Катись, монетка золотая,
на солнце озорно сверкая,
даря и сытность, и почет,
однако жизнь, забрав в зачет.
Катись – не искушай меня, –
несчастья без числа маня»

Куулар скакал по степи привычным маршрутом.

Натренированное тело в едином ритме с конской рысью парило над жухлой травой, кустами и всей долиной, среди которой родился и жил наследующий из поколения в поколение образ жизни предков потомственный пастух-арат.

Куулар был крепок телом, его лицо уже приобрело черты зрелости, но глаза, спрятанные в узких щелях на широком лице, сверкали молодо, озорно, источая добродушие и любопытство.

Запахи трав, их невероятный настой под палящим, в эту пору цветения степных трав, солнцем был так приятен и необходим, что сердце заходило от восторга и любви ко всему, что окружало его.

Над степью парил коршун, высматривая сусликов с вершины своего положения. Грозная пти-

ца скользила бесшумно, огибая холмы, готовая в каждое мгновение совершить бросок, – камнем ринувшись вниз.

За ближайшим холмом в распадке пастух-арат отметил грифа. Птица была огромной и, величественно изгибая крылья, выгнув мощную шею, ревниво оглядывала окрестности, отвлекшись от терзаемой мощным клювом добычи. Услышав стук копыт и отметив приближающегося всадника, гриф стал внимательно наблюдать за человеком, и только когда Куулар подъехал совсем близко, присел и, мощно оттолкнувшись от земли, кинулся с холма. Но, не поднимаясь ввысь, хищник скрылся из вида и только через несколько секунд вновь появился из-за холма и, резко взмыв, стал парить над степью.

– Умный какой, – отметил маневр птицы Куулар, понимая, что

Вячеслав НЕСКОРОМНЫХ, профессор Сибирского федерального университета. Член Российского союза писателей. Автор книг «А путь и далёк, и долог...», романов «Сны Командора», «Завет Адмирала», «Алмазные грани», сборника рассказов «У студенной реки». Лауреат литературных конкурсов, конкурсов на лучшую научную книгу.

Живет в Красноярске.

гриф не стал резко подниматься над человеком, кинувшись с холма, из-за опасения, что его подстрелят на взлете, а «прикрылся» холмом, набирая высоту.

Вдали между двух холмов Куулар увидел свое стадо, за которым сейчас присматривал старший сын.

– Задремал, однако, – совсем расплозились овцы и козы по холмам, – добродушно отметил пастух, испытывая удовлетворение от того, что от него зависит, как следует вести семейное дело, а сын отлично осваивает тонкости работы со стадом.

Подъехав ближе, Куулар увидел своего сына, который, присев на корточки, поил молоком из воронки – бычьего рога, новорожденного ягненка.

– Окотилась, – показывая на лежащую рядом изможденную овцу, встретил отца озабоченным взглядом парень.

– Ночью еще окотилась, ослабла сильно, не кормит ягненка, вот я взялся попоить молоком, – продолжил деловито сын, не отрываясь от процесса кормления. Было заметно, что процедура выхаживания ягненка доставляет сыну удовольствие.

Ягненок неумело сосал, захлебываясь, и Куулар, улыбаясь, похвалил сына:

– Хорошо, сын! Я заберу ягненка с собой, – дома выходим, – отметив, что совсем стал взрослым его старший сын.

Еще год назад Куулар сам был вынужден слушать своего старого отца, который последний год практически безвылазно сидел в юрте и, частенько невпопад, отдавал команды, направляя сыновей к стаду, сверяясь с солнечными часами,

которыми служило само жилище арата.

Юрта по правилам, отшлифованным тысячелетним опытом кочевой жизни, ставилась строго входом на юг и была организована как солнечные часы. Так, если сидеть напротив входа – на месте хозяина стойбища, то по движению солнца, проникающего в юрту через отверстие на вершине купола юрты и бросающего тень от центральной стойки, можно было определить время дня и точно узнать, что следует делать в стойбище в тот или иной час. В час Зайца начинался летний день, угасал в час Собаки, а следом на небе высыпали звёзды – это наступал час Свиньи. В час Змеи гнали стадо на выпас, а к часу Петуха возвращались и располагали животных к ночлегу.

Юрта – казалось бы, зыбкое сооружение, служит, между тем, настолько исправно поколениям степных жителей, что многие, решившись перебраться в города и поселки, тащили с собой и юрту, и частенько возле многоквартирного дома возникала улица из нарядных шатров.

Ну, никак не приживались в квартирах с удобствами степняки!

А разместившись в новых жилищах, проводили больше времени в юрте, оставляя пространство квартиры для более молодых. В юртах варили чай и, собрав соседей, до позднего часа обсуждали житейские проблемы, сдобренные вселенскими новостями.

В юрте было удобно, уютно и в стужу, когда, подтопив сухостоем печку, дружно грелись и пили суутай чай – плиточный зеленый чай с молоком, солью и жиром. После такого чая прибавлялось сил, и совсем не клонило в сон, и было уютно на душе и тепло, несмотря на стужу и ветер за тонкими стенами жилища.

Летом же, когда солнце выжигало степь до камней, стоило войти в юрту, что стояла, как девушка в реке с задранной над водой подолом платья, – с приподнятой над землей кошмой, становилось прохладно: понизу тянуло воздух, и в юрте царила приятная атмосфера. И опять, собравшись вокруг очага, домочадцы, справив текущие обязанности в стойбище, по традиции молча, но шумно отдуваясь и потев, пили спасительный суутай чай.

Суутай чай в зной заменял и обед, и ужин, а в зимнюю стужу прогревал и давал столь нужную для работы энергию.

Куулар старался отцу не перечить, полагая, что с годами у стариков теряется связь с реальным миром, и только ждал, когда всё управление хозяйством в семье перейдет к нему – третьему сыну, который остался с отцом, чтобы наследовать хозяйство. Два брата, что постарше, жили уже своей жизнью, кочуя в долине со своими, когда-то отделенными от общего стада животными.

Отец ушёл в мир теней трагически.

Грянула в степи большая беда. Вдруг малоснежная поначалу зима обернулась обильным снегопадом и страшным бураном, который бушевал без малого неделю. Началась жестокая пурга столь стремительно, что многие араты не успели вернуться и оказались среди открытой степи со своими стадами.

Вдруг потемнело все вокруг, обрушился невероятно плотный снегопад, и налетел вихрь такой мощи, что было не видно вокруг ничего, кроме белой круговерти.

Сбились в кучу овцы, стояли, прижавшись друг к другу круты-

ми боками яки и коровы, верблюды легли наземь. Так многие и замерзли, заметенные двухметровым слоем снега. Не было такого бурана вовек в степи. А когда буран утих и заиграло солнце, трудно было найти павших животных и их пастухов, погибших под тяжким ударом стихии. Силен человек, но в этот раз не всем достало сил спасти себя и свой скот. Когда находили и откапывали погибших, представляло полное печали зрелище: замерзшие животные стояли как в столбняке, словно вылепленные из снега и льда. Погибшие люди лежали, свернувшись клубком, многие словно прилегли отдохнуть, а кто-то умер стоя, прижавшись к стоящим животным и занесенный снегом рядом с кормильцами семьи.

Отец, почуял беду загодя, кинулся, преодолевая боль в ногах в степь к стаду, успел на своем мерине добраться и помог Куулару вернуть животных к ближайшему распадку под защиту от шквала, и... пропал.

Отца нашли только через неделю после бурана. Он сбился с пути, и вместе с конем его замело снегом в овражке, где и замерз, навеки присев у лежащего, видимо, смертельно уставшего брести через буран и глубокий снег коня.

На голове Куулара ладно сидел остроконечный малагай с бархатным малиновым околышем.

Любил арат покрасоваться, ладно усевшись в сияющее кожаное седло и пришпоривая своего скакуна, облаченного в нарядную сбрую с начищенными медными бляхами и накладками.

Куулар, отправляясь в поездку за стадом или на охоту, подпоясывался всегда широким длин-

ным кушаком из синего, как небо, шелка, которым плотно обматывается пояс всадника. Пояс спасал поясницу наездника от холодных ветров, а позвоночник – от бесконечной тряски в седле. При сборах в дорогу стало традицией обматывать пояс с помощью детей и жены, которые, смеясь, затягивали кушак. Закончив эту забавную процедуру, все весело смеялись и желали отцу удачной поездки.

На ногах Куулара были новые легкие гутулы – сапоги с загнутыми вверх носами и расшитым цветной кожей голенищем.

Куулар хорошо знал обычай предков – не беспокоить подземных духов и обитателей скрытого от глаз мира даже тем, чтобы царапать землю носками обуви. В особых священных местах – близ дацанов, обо и храмов, копыта своих коней араты обматывали плотным полотном и вели коней под уздцы осторожно, так, чтобы копыта не оставляли следов на земле и не тревожили духов и демонов подземного царства.

Теперь, правда, многие ленились шить гутулы – обходились мужицкими, неказистыми тяжелыми русскими кирзачами с тупыми плоскими носами, надевая нарядные и теплые гутулы только по праздникам.

Да, многое поменялось в степи с течением времени.

Кто бы мог думать, что у юрт появятся солнечные батареи, ветряки и уютные проходимые машины, а в юртах зазвучит музыка, и будет светиться экран телевизора, а из прохладной глубины холодильника можно будет в любой час достать холодного молока.

Но традиции народа не уходили совсем, несмотря на разруши-

тельную коррозию народной культуры и обычаев. Все же суровая жизнь степняка-арата так рационально устроена, так отшлифована веками, что изменить что-то было не всегда под силу и проникающей в жизнь цивилизации с её гаджетами, спутниковыми антеннами и навигацией.

На скатах юрты в каждом стойбище сушили по-прежнему сыр арул из кислого молока, добавляя соль. Под ярким солнцем получался каменной твердости сыр, который не плесневел и был так тверд, что его нужно было сначала долго-долго держать во рту, помаленьку грызя, а только потом есть осторожно надкусывая. Зубы от частого приёма сыра каменной твердости были остры и сияли белизной на смуглых лицах домочадцев, особенно детей, для которых арул был порой единственным лакомством.

Особенно любили в долгой дороге пастухи жевать для утоления голода сушеную говядину – мясо борц, что сушили тонкими полосками под солнцем на ветру так долго, что мясо превращалось в полупрозрачную лишённую влаги пленку.

Отправляясь в степь, подвывает к поясу арат кожаный мешочек, в котором кусочки арула и борца, и так может скакать сутками за стадом, не останавливаясь, посасывая соленый сыр и пережевывая сытный борц, которые не могли испортиться в долгих поездках и под палящим солнцем, и в сырую дождливую погоду.

А на привале, спешившись у родника, можно было сварить сытный суутай чай, добавив в него истолченный мелкой крошкой борц с солью.

Плавно, рысцой двигаясь по степи, думал Куулар о том, что пора уже перебираться на новое место для выпаса стада. Вокруг стойбища трава поредела, выбитая копытами животных. Новое удобное место присмотрели они со старшим сыном ниже по течению реки. Холм с кустарником у подножия укрывал от северного ветра, кустарник позволял собрать хворост на растопку печи, а река воду для того, чтобы поить животных. Под холмом из скалы бил родник, а вокруг за холмом простирались степные угодья – яркое разноцветье трав, столь любимых животными из стада.

–Хороший будет приплод от сытного пастбища, – потирал руки довольный выбором Куулар, улыбаясь своему столь родному и понятному миру вокруг.

Собрав за день юрту и все имущество в нанятый у соседа грузовик, Куулар переехал на новое место к реке. Юрту поставил уже к ночи, и стали сообща обживать.

Жена, его заботливая Чылтыс, оглядев новое место, похвалила Куулара за столь умное решение, отметив, что удобно будет брать воду в реке.

Куулар был доволен собой и смотрел с удовлетворением, как хлопчут жена и дети, устраиваясь на новом месте.

Обосновавшись, по старому обычаю пригласили соседей на праздник переезда.

Для гостей было решено приготовить хорхог из крупного барана, которого поймали и привели сыновья, соревнуясь друг с другом в ловкости обращения с арканом.

По традиции барана «усыпили», уложив на спину, придерживая за ноги. Вскрыв острым ножом брюшину настороженному, но

совершенно спокойному барану, рукой, проникшей через прорез на животе, Куулар остановил сердце безропотного животного.

Ни капли крови не потеряли при забое барана и разделке туши.

В казан уложили слоями куски мяса, корнеплоды, специи и... крупные окатыши-камни из реки, залили всё водой из родника и, растопив собранный в степи младшими детьми кизяк*, поставили казан на огонь. Сладкий прозрачный дым от бесшумно горевшего кизяка заструился над очагом, мягко заскользил над травой в низину к руслу реки, сроднившись с утренним туманом.

Степняки стали прибывать ко времени суутай чай со всех сторон речной долины. К их приезду суутай чай настоялся, набрал вкус и дал сытную в разводах жира пенку.

Ближний сосед Куулара – Узоло, уже посетивший его сразу после приезда, прибыл с большой бутылью архи**, весело убеждая хозяина, что такой праздник без пьянящего напитка обойтись не может. Куулар, смеясь, принял дар и тут же выставил его перед гостями.

Рассевшись кружком на кошме, гости стали угощаться суутай чай, принимая цветастые пиалы от хозяйки бережно двумя руками и кланяясь ей и хозяину, что чинно сидел теперь, поджав ноги и оглядывая со своего места гостей.

Гости по традиции молча и степенно пили суутай чай и, оглядывая жилище Куулара, учтиво кивали головами.

Когда все приглашенные собрались, старейший из гостей, грузный рассудительный и авторитетный человек среди пастухов Холуун, тяжело кряхтя, приподнялся с ковра и преподнёс

Куулару бирюзовый хадаг*** с пиалой, наполненной молоком молодой верблюдицы. Все гости почтительно склонились, а Холуун отметил:

– Пусть новое место стойбища примет тебя, твою семью и твоё стадо, Куулар, а твоя жизнь на новом месте будет сладкой, как молоко. Мы знали твоего отца – уважаемый был арат! Желаем и тебе быть достойным его памяти.

Куулар совершенно растрогался и, приняв хадаг с пиалой, по обычаю окуная пальцы, расплескал часть молока на землю в юрте во все стороны света, а оставшееся молоко степенно выпил и низко поклонился гостям.

После столь торжественного обряда дело дошло и до баранины.

Пышущий жаром казан сыновья Куулара поставили перед гостями, и хозяин взялся одаривать пастухов по старшинству сочными кусками мяса. Голову барана и самые лакомые куски вручались чинно самым старшим из присутствующих и уже остальные, не менее сочные куски, остальным гостям.

Каждому из гостей передавался с мясом и горячий камень из казана.

Гость учтиво ставил миску с мясом перед собой и, удерживая горячий камень в руке, крутил его, перекидывая в ладонях, охая и причитая: камень жег руки, и удержать его было непросто. Однако бросить камень было нельзя – следовало терпеть и, перекидывая камень из ладони в ладонь, ждать, когда увесистый пышущий жаром снаряд, остывая, отдаст свой жар рукам. Скоро у гостей от жара, которым наполнялись вены, текущая в них кровь, сухожилия и суставы, запылали руки и лица, и тепло

разлилось по всему телу, разгоняя кровь.

Отведав сытного хорхога, гости заговорили о том, как удачно выбрал хозяин место для стойбища и какое здоровое и ухоженное у него стадо. Выпив же преподнесённого в пиалах архи, пастухи стали общаться свободнее.

Первым отметился бойкий Олохоо, решившийся пошутить:

– У русских есть выражение – валять дурака.

Гости заинтересованно прислушались к шутнику Олохоо, ожидая острого словца, и в предвкушении уже загодя улыбались.

– И мы не прочь повалять... – Олохоо озорно прищурился, поглядывая на пастухов, – ...горячие камни в руках, и это не просто забава, это еще и полезно для здоровья, для прогревания суставов рук. А значит, даже валяя... дурака, мы заняты полезным делом, – закончил, улыбаясь Олохоо, щуря и без того узкие свои глаза, в которых всегда жил огонек-чертенок.

Все присутствующие в ответ сдержанно посмеялись, а старый Орхо ответил, учтиво кивая головой:

– Мудрый способ придумали наши предки. Так и мясо долго не остывает, особенно на холоде. Все успевают получить свою порцию горячего мяса, даже последние на кошме – самые молодые, а мясо и бульон по-прежнему остаются горячими. А что касается погреть кости и полечить суставы – самый полезный и недорогой способ, особенно в зимнюю стужу.

Закивав одобрительно головой, в разговор вступил Холуун:

– Помню я, как поехали мы на охоту несколько лет назад. Дело было в середине зимы, стояли

тогда лютые холода. Волки в голодный студеный год стали донимать так, что решили устроить на них облаву.

– Помнишь, Орхо? Задрали у меня тогда несколько овец и покалечили яка – пришлось забить.

Орхо утвердительно покачал седеющей головой, а Холуун продолжил:

– Мотались по степи целый день, отслеживая зверье, – замерзли-и-и. Наконец нашли логово, в распадке у реки встали, оставили коней и двоих готовить обед, а сами пошли с облавой – проехать дальше верхами было невозможно.

Отхлебнув из пиалы чай, Холуун продолжил свой рассказ:

– Окружили место, где прятались волки и крепко потрепали стаю, – добыли пять волков. Замерзли стра-а-ашно, пока по снегу за волками гонялись и уже без сил в темноте пришли назад. А парни приготовили нам горячий густой хорхог, да не поленились – добыли из занесенной снегом реки, из-подо льда, камни и каждому вручили по два-три горячих кругляка-окатыша из казана. Так я так замерз, что по камню засунул в сапоги и грел в сапогах вконец ооченевшие ноги, а руки просто спас, катая камень в ладонях. Так замерз, что горячий с пылу-жару камень казался теплым ягненком.

Вот так отогрелись, покушали горячего бульона с мясом, попили чай и все были совершенно здоровы. Вот такой удачной оказалась поездка на охоту, несмотря на лютый холод.

Высказался и Олонг, отметив, что валять дурака в степи получается нечасто, ведь и теперь они здесь не просто так, а чтобы поприветствовать на новом месте

Куулара, способного продолжателя дела своего отца. И одобрительно кивнул Куулару, подбадривая молодого арата.

Гости наперебой стали вспоминать случаи из своей жизни, когда им довелось в стужу спастись от болезней, валяя в руках камни.

После трапезы Куулар взял в руки чанз, доставшийся ему от отца – мастера исполнителя музыки на этом простом струнном инструменте, гриф которого венчала голова скакуна.

Тронув струны, Куулар затянул свою, столь любимую им песню приятными и порой грозными горловыми переливами. В звучании вибрирующих голосовых связок слышался вой ветра и шуршание листвы, крик коршуна и вой быков, шелест стеляющегося на ветру ковыля. К голосу мужа добавила свое мягкое звучание Чылтыс, и сразу над всем этим родным музыкальным ландшафтом проявился и осветил его расщепленный в облаках на множество расходящихся, распадающихся лучей солнечный свет.

Гости примолкли и слушали почтительно, и когда пение закончилось, закивали, степенно выражая своё уважительное отношение к редкому искусству горлового пения.

Обед закончился выпивкой архи, и немного пошатываясь и изрядно косолапя, пастухи довольные, весело переговариваясь, расселись на своих коней и разъехались по стойбищам, пожелав Куулару на прощание удачного стойбища на новом месте.

В юрте с женой обсудили обед и отметили, что так хорошо, с большим уважением, как доброго хозяина приняли Куулара соседи, а значит, все будет складываться удачно.

Обживаясь на новом месте, Куулар за пригорком отметил многочисленные сусличьи норы, а проходя мимо, увидел и одного из обитателей подземелья – толстого суслика, что, высунув голову из норы, следил внимательно за пришельцем.

Возвращаясь к юрте мимо норы, Куулар был несколько удивлен – суслик так яростно выкидывал землю из норы, что небольшие камни градом осыпали ноги пастуха.

– Вот шальной! Ты что кидаешься? – рассмеялся Куулар.

В следующий раз, прихватив с собой кусочек сыра, Куулар присел у норки и, дождавшись появления подземного жителя, угостил суслика. Тот невозмутимо принял дар и, обхватив лапками, взялся с ходу грызть твердый сыр.

На следующий день, снова проходя мимо норы знакомого суслика, Куулар стал свидетелем жизни грызуна. Из норки летел поток земли, и вдруг что-то сверкнуло озорно золотом, и к ногам Куулара подкатился земляной комок. Куулар поднял и раздавил землю пальцами, и в руке оказалась золотая монета, тусклая под слоем налипшей земли со свежей сверкающей царапиной: видимо, суслик оцарапал монетку когтем, выгребая землю из норы. Монета была круглая, с вязью незнакомых букв и неясным замысловатым рисунком.

Куулар взялся осматривать выброшенную сусликом землю в поисках других монет, но более ничего не нашел.

В юрте, очистив монету, Куулар внимательно изучил находку, натянув на глаза очки своего отца, и отметил, что монета явно несовременная, с незнакомой ему вя-

зью надписи и изображением загадочного узора.

Копать землю среди кочевников Азии считается недопустимым, ибо это загробный мир, в который живым хода нет, недаром араты носят сапоги с загнутыми носками, чтобы не вспахивать поверхность земли и не тревожить усопших. Куулар задумался об этом, но успокоил себя тем, что монета была выброшена из норы сусликом, а он всего лишь её подобрал.

Поделившись новостью о находке с Чылтыс, Куулар услышал от своей женщины предостережение о том, что не стоит ворошить землю, так как вековые традиции и устои нарушать опасно, а находку нужно вернуть, запрятав в нору, или бросить в реку, чтобы не гневить духов.

Но бесенок уже поселился в душе Куулара и теперь озорно сверкал золотым свечением своих бесстыжих глаз.

Как только наступила ночь и огромная луна вышла на небосклон, не сомкнувший глаз Куулар, вооружившись лопатой, отправился к норе и, стараясь не шуметь, взялся за раскопки. В норе забеспокоился его знакомый суслик со своей семьей, но Куулар продолжал копать, и когда, следуя за норой, погрузился в яму до пояса, лопата ударила о твердый предмет. Нашарив рукой, Куулар извлек расколотый глиняный кувшин, из которого выпал истлевший сверток и ручьем просыпались сверкающие при свете луны монеты.

Ползая по земле и подсвечивая себе фонариком, Куулар собрал монеты и уже в полном замешательстве отправился к юрте, еще до конца не понимая, что он оказался на развилке своей судьбы.

В юрте, прибрав находку в сундук, Куулар долго лежал в ознобе, не раздеваясь, с бешено бьющимся сердцем, размышляя о том, что он должен делать со свалившимся на него богатством.

За стенами юрты разразилась гроза.

Молнии неслись к земле стремительными всполохами, и где-то вдали лопался громовыми раскатами воздух. Каждый всполох молнии рождал смертельной бледности чахлый рассвет, который тут же умирал. Бездонное небо во время ночной грозы соединяется с землей, стирая границы пространств, и только стук падающих на купол юрты дождевых струй утверждал, что все это происходит не в космосе, а здесь – на земле.

Куулар вспомнил слова своего отца, о том, что они, степняки, вечные скитальцы-странники, гораздо ближе к космосу, чем жители городов и мелких селений. И действительно, если забраться ночью на холм, встать на вершине, запрокинув голову, открывалась необъятная, ничем не скрываемая звездная бездна, по размеру равная бескрайней степи. По небу двигались сверкающие точки, небосклон то и дело пронизывался сверкающей чертой: по мнению отца, это душа кочевника устремилась в небесное ханство.

В настоящий момент небеса и космос гневались.

Глубина темного неба была невероятной, и только всполохи огня и света, да раскаты катящихся по небосклону колесниц и топот коней владели миром.

К утру гроза улеглась, и только стремительно летели низко над степью взъерошенные и непрерывно меняющие свою форму облака, нагоняя тревогу.

Куулар направился к месту вчерашних раскопок. Яма, раскопанная им ночью, под струями дождя оплыла и обнажила осколки разбитого кувшина. Оглядев место и сверившись с тем, что случившееся ночью ему не приснилось, Куулар вернулся в юрту и встретил свою крайне обеспокоенную жену, которая, предчувствуя беду, с тревогой смотрела на мужа.

Потянулись дни раздумий о том, как поступить с найденным богатством. Было понятно, что древние монеты – клад, когда-то давно спрятанный кем-то на склоне холма. В связи с этим приходили мысли о том, что, возможно, есть в глубине холма другие спрятанные сокровища. Делиться с соседями Куулар опасался, решив сохранить в тайне свою находку.

При растущем беспокойстве в голову к Куулару пришли мысли о том, что еще несколько дней назад он был спокоен и занят своим делом, семьей, строил планы. Теперь же все переменялось: вся его размеренная, такая понятная, серьезная, наполненная обязанностями жизнь поблекла, и только зреющая тревога и мысли о постигшем его богатстве владели теперь им.

Через неделю, изрядно помучившись размышлениями, Куулар решил поехать с монетами в город, где жил родственник жены, чтобы посоветоваться.

С утра, подладив своего старенького Ниссана, Куулар отправился в путь и к вечеру уже сидел в старом доме на окраине города в компании родственника жены – Арана и его друзей, которые тут же набежали после вести о том, что Куулар «разжился» золотишком.

Аран, человек средних лет, сухой и неопрятный, вечно должный

всем азартный игрок без какой-либо профессии, как только услышал о найденном кладе, едва сдерживаясь, стал просить Куулару показать монеты.

Куулар, польщённый вниманием городских, выложил монеты на стол.

Эффект это произвело оглушительный. Все участники «смотринок» взялись наперебой разглядывать, тереть об одежду и надкусывать золотые кругляши, сойдясь в том, что это золотые, очень старые и ценные монеты.

После осмотра оказалось, что несколько монет пропало.

С утра по совету нетерпеливого Арана пошли к оценщику в ломбард, и тот предложил свои деньги за монеты, убеждая, явно лукавя, что большую сумму дать нельзя, так как деньги старые и в банке их не примут. Аран поддержал оценщика, спеша получить свою долю, и Куулар, уставший от последних событий в его жизни и крайне непривычной обстановки, отдал монеты в ломбард.

Получив деньги, часть из которых по уговору он отдал Арану, тут же по инициативе многочисленных друзей и подруг взялись отмечать сделку.

К утру пьяное застолье успокоилось, но тут в дверь громко постучали, и в комнату вошли угрюмые молодые люди в тесных костюмах с сосредоточенными взглядами пустых глаз.

– Ты, пастух?! Собирайся! Поедем, покажешь, где нашел монеты! Да живее давай! – обратился грубо без предисловий к Куулару коренастый парень в кожаной куртке с сердитыми серыми глазами и тронутыми седinou волосами на коротко стриженной голове.

Дорога к стойбищу на утробно рокочущем Ленд Крузере заняла несколько часов. Поздно вечером, уже на закате, Куулар увидел свою юрту, детей и жену, что стояли в ожидании подъезжавшего черного джипа. Испуганная Чылтыс очень удивилась, увидев вышедшего из машины вместе с незнакомыми людьми мужа. Улыбка приветствия только скользнула, едва зародившись, по губам женщины, но, оценив ситуацию, тут же сменилась выражением растерянности и страха.

Новые «друзья» Куулару не дали ему времени на объяснения с женой.

Старший приказал:

– Бери своего пацана и лопаты. Поедем – покажешь, где клад нашёл.

Куулар подчинился.

Осветив фарами автомобиля место, где была нора суслика и теперь зияла осыпавшаяся после дождя яма, бандиты приказали Куулару со старшим сыном копать глубже. Копали долго – до самого рассвета, но ничего кроме камней и многочисленных ходов сусличьей норы в глубине холма не нашли.

К утру изможденные, мокрые, грязные Куулар и сын сидели на дне большой ямы, а бандиты, посоветовавшись, решили ехать в город, собираясь посоветоваться и вернуться вновь со специальным прибором для поиска клада. Перед отъездом главарь предъявил претензию пастуху по поводу напрасно потраченного времени и, угрожая пистолетом, потребовал остатки денег, вырученных за продажу монет.

Куулару пришлось снова подчиниться, и бандиты, пыля по степи на своем джипе, скоро скрылись за холмом.

Так, стремительно рухнул родной, устоявшийся и казавшийся таким прочным мир степняка-арата Куулара.

Через несколько дней томительного ожидания новых событий, когда показалось, что все уже позади, к юрте подъехал полицейский УАЗ, и строгие молодые мужчины с автоматами, предъявив постановление с грозной синей печатью, увезли Куулара в город.

Отъезжая от юрты, через зарешеченное окно автомобиля Куулар видел свою плачущую жену и стоящих вокруг неё растерянных, испуганных детей, и по всему было видно, как к его юрте спешат непролазная беда и отчаянье.

Прошло кряду несколько лет.

Вернувшись в родные места после тюрьмы, Куулар стоял на вершине холма, под которым во все пределы раскинулась бескрайняя степь. Вызревший ковыль стелился волной под напором свежего молодого ветра, и то тут, то там над ковылем выглядывали головки любопытных сусликов и тарбаганов, а над ними парили в царственной грациозности коршуны и беркуты, выглядывая очередного замечтавшегося зеваку из ватаги пухлых хвостатых грызунов.

Все в этой его родной степи было по-прежнему, как и несколько лет назад, но жизнь ушла вперед неудержимо, как караван по Великому пути, оставив Куулара на опустевшем полустанке судьбы у сухого гулкого безжизненного колодца, который покинула вода.

Стадо, доставшееся Куулару от отца, судебные приставы угнали

за долги, возникшие после назначения большого штрафа за разоренный и утерянный клад исторически ценных артефактов, из которого только-то и удалось вернуть несколько монет в коллекцию для музея.

Детей и жену первое время приютили братья Куулара, а старший сын уехал в город и поступил работать на стройку, не надеясь продолжить дело своего рода, где пропал, связавшись с плохими людьми, не оставив и весточки.

Жена, его певунья Чылтыс, от отчаяния и тоски тяжело заболела и слегла и, не оправившись от свалившегося горя, угасла.

Младшие дети после смерти мамы оказались в семьях родственников, и это было лучшее, что с ними могло случиться в сложившихся условиях.

Куулар стоял на вершине холма, обдуваемый свежим ветром, и, оглядывая степь, обратил внимание на свои стоптанные тюремные ботинки. Выглядела тюремная обувь, так не похожая на его яркие с бодро задранными носами гутулы, ужасно и совершенно неуместной сейчас.

Ощувив растущее отвращение к себе и всему тому, что с ним случилось, Куулар присел и снял ботинки, оставшись босым.

Захотелось пуститься бегом с холма, так как он это делал в детстве, бегая наперегонки со своими братьями. Казалось, можно так разогнаться в беге навстречу ветру, что взлетишь над землей, чтобы парить как гриф, – свободно, без усилий опираясь на плотный поток несущегося навстречу воздуха. Куулар, собрав силы, кинулся вниз по склону по жесткой траве, по каменной осыпи, не чувствуя боли в

ногах, и так бежал, пока были силы, вдыхая такой знакомый, насыщенный ароматами трав воздух, словно хотел убежать от случившейся с ним беды, выскочить из крепких объятий неприятных и злых обстоятельств.

Взлететь и покинуть свои печальные мысли не удалось, и только боль в ступнях теперь несколько отвлекала от боли душевной.

А под холмом стояла покосившаяся и прохудившаяся юрта, как укор, напоминание о разрушенной Кууларом жизни его семьи, а на холме теперь валялись старые, брошенные им тюремные ботинки. И между этими предметами

была дистанция размером в потерянную жизнь.

Как оказалось, можно легко, наивно разрушить свой уклад, семью, достоинство и собственное достоинство, создаваемое годами своей жизни и поколениями, порой только одним неверным роковым шагом, оказавшись на развилке судьбы.

Тяжело и горько думал о своей жизни Куулар, присев на землю у юрты и склонившись к норе, что оказалась у его ног, и отметил молодого, нахального суслика, который бесстрашно сновал у его босых, истерзанных бегом ног, высматривая добычу.

* Кизяк – топливо для очага из навозных «лепешек», высушенных палящим солнцем в степи;

** Архи – водка, выгнанная из молока;

*** Хадаг – отрезок шелковой ленты, которая вручается в тождественный момент как знак гостеприимства и добрых пожеланий вместе с пиалой, в которую наливали до краев молоко. Подобный обычай есть и у славян, когда, принимая гостя или встречая молодожёнов, им подают рушники с караваем хлеба и солью.

Андрей ЭЙСМОНТ

ВЕСНОЙ ЕЩЁ НЕ ТО БЫВАЕТ

Кивнул подснежник головой,
счастливый к брустверу прижался.
Над ним смертельный жуткий бой,
А он как будто улыбался.

Визжали пули. Скрежет. Лязг.
Кровавый след на дне окопа.
А он далек от всяких дрызг –
зря беспокоится Европа.

Теплели синие глаза,
смотря на это чудо света.
И по щеке ползла слеза,
от солнца вешнего согрета.

Прониклась ясностью душа,
что хрупкий мир, нежнейше тонок.
И замерла, едва дыша,...
и потянулась, как ребёнок...

И смерть ушла, потупив взгляд.
Сто раз кукушка куковала.
Неразорвавшийся снаряд...
Пусть миг, но счастье ликовало...

И тишина. И ветерок.
Цветок на бруствере кивает.
Улыбка. В каске паренёк...
Весной ещё не то бывает...

Андрей Михайлович ЭЙСМОНТ родился в Омске в 1954 году. Стихи начал писать в детском возрасте. Огромное влияние на его творчество оказал детский поэт Белозёров Тимофей Максимович, в конце шестидесятых годов возглавлявший литературный кружок в Омске. Тридцать лет служил в армии, двадцать лет работал в кадетской школе. Автор двенадцати книг поэзии и прозы. Член Союза писателей России.

Живет в Бийске.

УДИВИТЕЛЬНО ВКУСНЫЙ

Снежинки кружились, смотрели в окошко.
На них из окошка посматривал Лёшка.
Укутан. Запутан. На шее компресс.
С трудом до окошка мальчишка долез.
У Лёшки ангина, а может быть, грипп.
Как жаль, но малыш основательно «влип».

«Не ешь!» – говорили и папа и мама,
а он их не слушал и кушал упрямо
снежок и сосульки лизал языком.
Дождался! Таблетки! Уколы и... Дом!

Смотрел он на горку, на санки, на лыжи...
И смех заразительный, видимо, слышал...
Сестрёнка спросила довольно ехидно:
«Ну как тебе, милый? Конечно, завидно?»

Охрипший, чихая, ответил сестрёнке
на этот вопрос удивительно тонкий:
«Противно болеть! Очень скучно и грустно!
А всё-таки снег УДИВИТЕЛЬНО ВКУСНЫЙ!!!»

ЗВЕЗДА СВЕТИЛА

Она ворчала, как всегда, – лишь для порядка...
Ушёл... тихонько в «никуда». Кресты. Оградки...
Сжимались нервно в кулачок до боли пальцы:
«Вот непутёвый! Дурачок... Ушёл скитаться...»

И слёзы медленно текли по подбородку,
А годы друг за другом шли, сменив походку.
Подумал бы, любимый мой: «С кем будут дети?
Как без тебя прожить одной на этом свете?»

С улыбкой детской так смотрел на старом фото,
Как будто ей сказать хотел смешное что-то.
И ждал, когда спадет накал наивной брани.
А если мог бы, то признал: «Любовью ранен!»

Он на ворчливую жену смотрел так нежно!
Любил всегда её одну, теперь и прежде.
Глаза закрыты. В забытии шептали губы:
«В мороз и холод не ходи ты ТАМ без шубы!».

Он, бестелесный, ей в ответ лишь улыбнулся:
«На небесах морозов нет!» И губ коснулся.
Она ругала, как всегда. Всегда любила!
Ей с неба яркая звезда в окно светила...

БОЛЬНО

Укрыта жухлая трава
нежнейшим снегом,
великий праздник Покрова
пропитан негой.

Но звон – как плач колоколов
по убиенным.
Им вереница пацанов
идет на смену.

Рыдает, стонет нынче Русь
в нападках фальши.
Врагов невиданный союз!
И как жить дальше?

Как будто сотню лет тому –
вновь брат на брата.
И бьются, бьются! Не поймут,
в чём виноваты.

И снова плачут на Руси
иконы в храмах...
В крови сыночек попросил:
«Не плачьте, мама!»

Глаза у тысяч матерей
взывают к Богу:
«Спаси от смерти сыновей!
Свет им в дорогу».

И Богородица с небес
всех окрестила.
И падал снег на храм, на лес,
и больно было...

ДВОЕ

Что ты, Серый, воешь на луну?
За крестами старого погоста
Песню заунывную одну...
Да, братишка, жить теперь непросто.

Понимаю... Тоже мать была.
Как тебя, меня собою грела.
Всё уходит. Вот и жизнь прошла,
Нынче стар и стал таким несмелым.

Дети подросли и разбрелись
По далеким весям и дорогам.
Им порою кликнешь: «Отзовись!»,
А в ответ – молчания тревога.

Всё равно, хоть вой, а хоть не вой,
Были дни, что радовали душу.
Кто-то рядом счастлив был с тобой
И смотрел с теплом, и песни слушал.

Ох, не рви ты сердце и не ной!
Что поделать, коль старЫ с тобою?
Обойди сегодня стороной,
А то я сильней тебя завою...

ПОД ВОЙ ОСИПШЕГО СНАРЯДА

Вздымали черти чернозём
на огороде бабы Нюры,
Вгрызались с визгом в отчий дом
упёртой дюже старой дуры.
Орали нервно в ухо ей
под вой осипшего снаряда:
«Беги! Ползи! Быстрее, быстрее!
Тебе теперь чего здесь надо?»

На образа перекрестясь,
она в окно клюкой махнула:
«Я здесь когда-то родилась,
впервые воздуха вдохнула.
Мне с материнским молоком
в далёком жутком сорок первом
Достались этот старый дом,
клочок земли, стальные нервы.

Молилась: «Господи, спаси
и сохрани больные души!
Открой им светлые пути!»
И Бог её печально слушал...
Слезой прозрачной по свече
тепло стекало прямо на пол.
Молилась днём, среди ночей...
Господь вникал. И с нею плакал.

МИМО

Свистели пули, визжали мины.
Пробиться было необходимо!
От страха сердце в комок сжималось,
И за секунду вся жизнь менялась.

В ушах звенело в той круговерти,
Стрелял, как снайпер, злой ангел смерти!
Искали пули свои мишени,
И подгибались в траве колени.

И напиталась земля кровью,
Убийца даже не дёрнул бровью.
Была та пуля быстрее ветра,
Полёт привычный – полкилометра...

И в то же время в далёком храме
За сына Бога молила мама.
Дрожало пламя внутри лампадки,
Струился ладан нежнейше-сладкий.

Шептали губы о грешных душах...
Господь был рядом. Тихонько слушал.
В словах – ни капли земной корысти,
Струились слёзы, как росы, чИсты.

В земном поклоне склонилась низко,
Родной сыночек так близко-близко.
Ему навстречу – шальная пуля...
Я умоляю, нагнись, Сынуля!

Бежал парнишка в цепи солдатом,
Он мамин голос услышал рядом.
И поскользнулся сынок любимый,
А пуля-дура промчалась мимо...

ТОЧКА

Солнышко встаёт над пепелищем,
Нежно гладит рыжего кота.
Одинокий кот – голодный хищник.
Жизнь – не жизнь – сплошная маята.

Разомлел на коврике, пропахшем
Дымом, гарью, проклятой войной.

Вместо дома – ветхий грязный ящик.
По ночам снарядов волчий вой.

Он дремал, вздыхал и долго думал:
Отчего всё так и почему.
Кто послал в счастливый тёплый угол
Гром и смерть с названьем «Точка-У».

Там, где солнышко встаёт над пепелищем,
Рыжий-рыжий опалённый кот.
Он не бродит, никого не ищет,
Просто так – домой хозяев ждёт.

СНАЙПЕР

Был снайпером – «стрелком от бога»,
своих побед не ведал счёт.
Таких, как он, совсем немного –
такие все наперечёт.
Вдруг чью-то старенькую маму
увидел в снайперский прицел...
«Стреляй!» – кричали так упрямо,
а он стрелять не захотел!
И встал, пошел, где мать у дома
в тени ветвистых тополей.
Как будто старым был знакомым,
винтовку бросил на земле...

Жестоки дикие законы,
(страшней зверей в ночном лесу).
И горлица с его ладони
пила холодную росу...

Игорь СЕРЕДЕНКО

ВЕЩИЙ СОН

Рассказ

1

Андрею Степановичу исполнилось семьдесят восемь лет. На следующее утро, после дня рождения, он сказал жене, что боли в груди прекратились и он чувствует себя на тридцать лет моложе. Жена, Люба, услышав, что мужу стало легче дышать и его не тревожат боли, прижалась к нему и стала поглаживать его руку под одеялом.

– Это всё лекарства для сердца, – сказала Люба.

– Нет, это сон, – твердо заявил муж.

– Сон! – удивилась она.

– Да.

– Я рада, что тебе наконец-то начали сниться сны. Они успокаивают. А что тебе приснилось, помнишь?

– Так же ясно, как это солнечное утро, – ответил он.

– Расскажи мне. Он был длинным?

– Не очень.

– Но приятным? Что ты делал во сне? – допытывалась жена, фантазируя в своих мыслях сон мужа.

– Я умер.

– Как это, умер? – она невольно затихла, с ужасом прислушиваясь к стонам за стенкой.

– Умер и все. Это просто, этого не надо бояться.

– Если ты умер во сне, значит, наяву все будет хорошо, – сказала жена, ближе прижимаясь к мужу.

– Глупая, неужели ты не пони-

маешь? – он забрал свою руку из ее объятий. – Это был вещий сон.

После минутной тишины он почувствовал влагу на своем плече, – жена тихо плакала, не говоря ничего.

Несмотря на то, что слова Андрея Степановича были сказаны в комнате рано утром, к вечеру уже вся коммунальная квартира, где проживали шесть соседей, знала о вещем сне. Весть о том, что в коммуне скоро появится покойник, – ибо никто из соседей не сомневался, что сон был вещим, так как все уже полгода знали о тяжелой болезни Андрея Степановича, знали и чувствовали скорый приход смерти, – никого не удивила и не напугала.

Смутила и расстроила новость лишь Бориса Петровича, у которого вот уже полгода не было напарника для игры в шахматы. Он нашел лишь одного игрока, способного сыграть с ним в ничью и даже выиграть, но Андрей Степанович заболел, и Борис Петрович, этот скряга и ворчливый пенсионер, бывший заведующий кафедрой математики, стал невыносимым молчуном. Он заперся в своей девятиметровой комнате, где окна выходили во внутренний двор, и не желал никого видеть, лишь изредка выходил по необходимости, когда в общем коридоре никого не было.

В шесть часов вечера в комнату Андрея и Любы постучались. Это была подруга Любы, Надежда

Абрамовна. После двадцатиминутного перешептывания в углу на диване, в процессе которого Андрей Степанович молча лежал на кровати, в другом углу комнаты, с закрытыми глазами, и спал или делал вид, что спит, подруга Любы вышла, озираясь на лежащего с загадочным выражением лица, словно она увидела святого.

Стоны за стенкой возобновились, и жене показалось, что это не ее муж готовится к смерти, а соседка, которой исполнилось семьдесят четыре, ее родственница. Арина, чьи стоны они слышали почти каждый день и ночь, болела ногами – проклятая подагра большого пальца левой ноги совсем замучила ее. Соседям было жаль одинокую соседку, и они навещали ее, из жалости к мучениям женщины они помогали ей, ходили за покупками. Но стоило им уйти, и в коридоре наставала тишина, стоны замолкали и вновь возобновлялись, когда кто-нибудь ходил по коридору.

На следующий день, после того как весть о вешем сне распространилась до самых темных и одиноких уголков коммунальной квартиры и пропитала все немногочисленные квадратные метры этого убого жилища, где ремонт уже сами жители забыли, когда делали, в комнату Андрея Степановича постучали дважды. По голосам Люба поняла, что это их друзья, супруги Гордиенко, Федор и Людмила.

Супруги сели за круглый стол, стоящий посередине комнаты, и, развернув стулья к кровати, где лежал умирающий, с нескрываемым любопытством паломников и с родниковой прозрачностью слепой веры уставились на Андрея Степановича.

– Тебе действительно приснился этот сон? – осторожно спросил Федор Александрович, хотя он не сомневался в новости, которую передала ему жена, узнавшая, в свою очередь, об

этом от Надежды Абрамовны.

Андрей Степанович выпятил губы и нахмурил брови, его взгляд буравил серый потолок, где местами паутиной нарисовались трещины.

Жена Федора облизывала губы, покусывая их, и с нарастающим интересом поглядывала то на мужа, то на Андрея Степановича.

Вместо Андрея Степановича заговорила его жена.

– Сон приснился в ночь после его дня рождения.

Андрей Степанович вынул руки из-под одеяла и опустил их на грудь.

– Даже болезнь отступила, – осторожно добавила Люба.

– Это правда?! – удивился Федор Александрович. – Такое случается раз на сто тысяч. Ты видел, как ты умер?

– Нет, но... я почувствовал... – начал Андрей Степанович неуверенно.

– Что, что ты почувствовал? – с нетерпением спросила Людмила.

– Не знаю, это было необычно, что-то легкое, – ответил, задумавшись, Андрей Степанович. – Какое-то сияние, – добавил он после минутной паузы.

– Это знак Господа, – сказала неуверенно Люда, вынимая из своей сумочки небольшую книжечку. И, разворачивая ее золотым крестом, изображенном на титульной стороне, к лежащему, произнесла твердым голосом: – Это Библия. Здесь об этом сказано. Это Господь. Он знает о нас, о наших земных муках, он все видит.

– Мы с женой, – сказал Федор Александрович, пенсионер и бывший инженер-строитель, – думаем, что Он послал тебе этот сон.

– И это неслучайно, – добавила Людмила, наклонившись к Любе, словно ей одной она хотела поведать свое открытие, которое ей пришло прошлой ночью. – Ваш муж, Люба, наш проводник.

– Что за проводник? – с пренебрежительным удивлением спросил Андрей Степанович.

– Проводник между нами и Богом, – пояснила Людмила.

– Что за... – возмутился умирающий.

– Зря не веришь, – настаивала женщина.

За каких-нибудь три года, которые она с мужем начала верить в Бога, когда поняла, что выше него нет никого, и все земные и семейные жалобы лишь он один может понять и выслушать, она завербовала в веру сто шесть человек и этим гордилась. Из всех ее близких знакомых лишь Андрей Степанович и Борис Петрович сопротивлялись, а точнее говоря, они прости не обращали на нее и ее витиеватые фразы внимания. Возможно, это из-за того, что они были увлечены игрой в шахматы, когда Людмила пыталась им объяснить смысл их существования. А когда они не играли, то, спасаясь от ее сладких и загадочных фраз, сбегали с общей кухни или коридора в свои комнаты, захлопывая перед оратором дверь. Но с появлением отдышки, которая нагло входила в грудь Андрея Степановича и мучила его по ночам, не давая покоя и днем, и возникновением сердечных болей он понемногу – одним ухом и одним глазом, – начал прислушиваться к этой странной женщине.

– Бог, говоришь, навестил меня? – переспросил Андрей Степанович, все еще прожевывая медленно ее слова.

– Я в этом уверена, – твердо сказала Людмила, кладя Библию на кровать, рядом с Андреем Степановичем.

– Я вчера тоже это почувствовал, – заметил Федор Александрович. – Мы с супругой ходили в церковь...

– Не в церковь, а в собор, – поправила его жена. – Я рассказала Господу о тебе и попросила, чтобы

он дал нам ответ.

– О чем? – спросила Люба, прижимая руки к груди от волнения.

– О том, что Андрей выбран им, он избранный.

– Наверное, это за все его мучения за последние полгода, – сказала Люба.

– И что? – спросил Андрей Степанович, все еще не веря в то, что он избранный. Единственное, во что он верил, – это было облегчение боли в груди, которая его терзала шесть месяцев.

– Что, лекарства не помогли? – ехидно сказала Люба. – Ни один врач не поможет. Они все дураки.

– Но кто же может вылечить больного? – с какой-то внутренней надеждой сказала Люба.

– Только тот, кто его и создал. Наш создатель и господин, – заявила Людмила.

После ухода супругов Гордиенко Андрей Степанович скрестил руки на груди и возвел задумчивый взгляд к потолку, изучая причудливые линии трещин.

– Черт его знает, может, она и права, – сказал он после раздумий.

Люба ничего не ответила, она лишь с блаженным взглядом послушницы незаметно взяла с кровати у изголовья Библию, которую оставила Людмила, и тихонько спрятала ее в карман халата, затем, пока муж таращился на потолок, задумавшись, словно полководец перед битвой, подошла тихонько к комоду и сунула книгу между сложенных в стопку простыней.

Не прошло и часа, как удалились к себе супруги Гордиенко, и в комнату кто-то осторожно постучал.

Это был Тимофей Савович, бывший школьный учитель химии, а ныне почетный пенсионер. Он единственный из всех жильцов коммуны, кто имел и умел обращаться с компьютером, знал, что такое андроид и как пользоваться

смартфоном. Все эти современные познания, без которых трудно представить нынешнего человека, он приобрел в общении с многочисленными внуками, навещавшими его. Перспективы начала двадцать первого века ему нарисовал подробно его старший внук, которому исполнилось двенадцать лет, а младший из шести сорванцов довершил описание, научив деда собирать урожай пшеницы с экрана планшета, подаренный дедом на семилетие любимого внука.

Тимофей Савович протянул Андрею Степановичу какой-то маленький овалный предмет. Умирающий с трудом нащупал его в своей руке.

– Что это, Тимоша? – спросил Андрей Степанович, глядя на вошедшего широко открытыми глазами.

Жены в комнате не было. Очевидно, пока муж дремал, пытаясь вновь увидеть продолжение вещего сна, чтобы лично услышать голос Всевышнего, она вышла к соседям.

Мутный взгляд Тимофея не рассеял вопроса, тогда он спросил еще раз.

– Что ты мне принес, Тимофей? – уже немного с раздражением поинтересовался хозяин комнаты, которому помешали заснуть.

Он поднес руку к самым глазам, все еще неясно, полусонным взглядом рассматривая мелкий овалный предмет.

– Это флешка, – сказал Тимофей.

– Флешка! – удивился Андрей Степанович. – Какую в компьютер вставляют? – догадался он.

– Да.

– Но зачем она мне?

– Это не тебе.

– А кому? – удивился Андрей Степанович, опуская утомленную дрожащую руку. Он уже хотел было вернуть ее обратно, как вдруг услышал:

– Это для Господа.

– Для кого?! – он не поверил своим ушам.

– Ну... для Бога, – неуверенно начал Тимофей Савович, разминая скрюченные, покрытые морщинами пальцы. – На ней мои... просьбы... советы, – невнятно произнес он.

– Что за советы? – все так же недоуменно спросил умирающий.

– Я подумал, что если дать это на бумаге, то будет ненадежно, ведь бумага может разорваться, сгореть, сгнить. Кроме того, он ведь там, – он показал пальцем в потолок, – и вряд ли поймет наш язык. А вот в электронном виде – другое дело. Это язык космоса. Весь мир наполнен электрическими волнами, – он на мгновение затих, – ну, в общем, я думаю, – нескладно продолжил он, – что это будет лучше бумаги. В конце концов, информация не зависит от носителя.

– И что в ней? – спросил Андрей Степанович, догадываясь, о чем идет речь.

– Ну, как бы тебе сказать, – он тяжело вздохнул, стал вновь мять руки. – Ты же сам видишь, мы не живем, а существуем. Пенсии ничтожны, восемьдесят процентов уходит на коммунальные услуги, которые все больше и больше. Правительство подняло пенсию на восемь процентов, а коммунальные услуги на отопление, свет и газ на триста процентов. Где справедливость, где равенство?! – возмутился он. – А ведь мы такие же люди, как и те, что в управлении. Бог ведь сделал нас одинаковыми, равными. А сколько у нас в Украине гробов-то приходит с востока? Почему гибнут невинные дети? Почему крестьянская земля пустеет? Скоро сеять некому будет, пока эти бандиты жиреют да на джипах разъезжают.

– Ну и что? Тебе то что?

– Да я... я всю жизнь честно проработал... – он замолчал, закрыл мутные от слез глаза уродливыми

старческими ладонями. Его тело содрогалось от бессилия, он не мог остановить этот поток мучительной боли, напавшей на него так внезапно.

Андрей Степанович, освободившись от флешки, положил левую руку на голову, склонившегося на табуретке и все еще содрогавшегося друга.

– Я передам, – сказал он, поглаживая старое друга.

Спустя некоторое время, когда неожиданный приступ прекратился и Тимофей Савович поднял голову, Андрей Степанович сказал:

– Я обязательно передам ее, если он возьмет.

– Возьмет, обязательно возьмет. Я, конечно, понимаю, что он наш создатель и ему не просто было сотворить нашу Землю и людей, но... если он будет так любезен и прочтет те малые мысли, которые я выразил в своем обращении к нему, то, может, все поменяется.

– Обязательно, – утешительно сказал Андрей Степанович.

– Я не для себя, я же понимаю, что стар. Мне это уже ни к чему. За всю свою жизнь школьным учителем, я так и не смог купить дом, машину. Ты не поверишь, я ни разу не водил машину.

– Но ведь права мы вместе получали, – возразил Андрей Степанович.

– Да, но машину я так и не смог купить. Когда умерла жена, все наши скудные сбережения ушли на ее похороны, а теперь и мечтать нечего. Цены взлетели до облаков.

– Это верно, для нас купить машину или самолет – одно и то же, невозможно. Но зачем тебе об этом думать?

– Это не для себя. Я смотрю на своих внуков, которые навещают меня, растут и цветут, как цветы. Но не пройдет и двадцати лет, как они станут взрослыми. Я не могу им ничем помочь, понимаешь?

– Ну и что, у них есть родители.

– Да, есть, – как-то грустно сказал Тимофей Савович. – Но они уже повторяют мою судьбу. Мои дети... Они повторяют меня... – Андрей Степанович почувствовал, что его старый друг вновь начнет плакать. – Я это вижу, они все бедные. Их дети... Они такие славные, юные, их улыбки лучезарны, а глаза такие чистые, как лесные родники – свежие и наивные. Что их ждет? Бедность, упреки, ссоры, тяжесть, невыносимость и боль. Нет справедливости на Земле. Кто понаглее, кто жестокий... тот подминает слабых, а они у меня не из воинов, честные и простые, как и я сам.

– Ты что хочешь сказать, что был учителем и ни разу не брал взятку?

– Ни разу.

– Не верю.

– Это твое дело, но перед Богом я чист. Я... я всю жизнь верил, что воровать плохо, грабить – преступление, обманывать – бесчестно.

– Вот и стал стариком, – упрекнул его Андрей Степанович.

– Я не жалею себя, мне просто обидно...

– За что?

– Что мир не увидел. За всю свою жизнь я был лишь раз в Словакии. Больше я нигде не был, денег не было. Четыреста евро поездка стоит, недавно прочитал в газете, и это самая дешевая. А моя пенсия после выплаты за коммунальные услуги составляет, после пересчета по курсу, десять долларов.

– Да... – только и вымолвил Андрей Степанович. – Ты думаешь, он прислушается к твоим советам?

– Я верю в это, в справедливость. Он ведь не жесток. Был один святой, который хотел сделать нашу жизнь без мук, но его застрелили или отравили. Не хотят они, чтобы были счастливыми все, ведь тогда им мало счастья достанется.

Он ушел, пожав на прощание руку Андрея Степановича. Когда он рассказал об этом визите жене, она сказала с какой-то грустной улыбкой:

– А мы ведь тоже нигде не

были. Может, хоть на том свете увидим мир. Людмила сказала, что смерть для тебя будет легкой, ты ничего не почувствуешь, потому что этого хочет Он.

2

В полдесятого, когда в коридоре затихла суета соседей, в дверь постучали три раза. Андрей Степанович, хоть и находился в кровати, пытаясь войти в контакт с Господом, читая Библию, принесенную Надеждой Абрамовной, все же узнал знакомый сигнал.

– Это Борис. Пришел навестить друга в последний час, – сказал он жене.

Люба впустила соседа, а сама пошла на кухню, сказав, что у нее там есть дела, на самом деле она хотела оставить друзей одних, чтобы они могли поговорить наедине.

– Что, помирать собрался? – все еще не веря в слухи, сказал Борис Петрович.

– Да, вот, как видишь, – он указал на Библию, лежащую слева от подушки. – Принесли Библию, советы для Бога, – он указал на маленькую флешку, лежащую справа от подушки. – Ты что принес, старый друг?

– Надежду на скорое выздоровление.

На утомленном и бледном лице Андрея Степановича заиграла тень улыбки.

– Ну, если чувство юмора есть, значит, и помирать нечего, – сказал Борис. – Ты как себя чувствуешь? Боль отпустила? – и тут же, вдогонку вопросам, ответил, – вижу, что легче.

– Говорят, что это божья сила.

– Ерунда! Бог давно уже забыл о нас. Вселенная ведь бесконечна. Сотворил людей, землю, а потом забыл, где и что сделал, ведь у нас миг жизни, а у него вечность. Так мы затерянные и плаваем тут, на этом камне, еще мокрым от его

слез. А флешку кто принес? Дай-ка угадаю. Тимофей?

– Он самый, жалуется в ней на тяжесть жизни и несправедливость судьбы, – сказал Андрей Степанович.

– Хм. Хочет справедливости?

– Он не хочет быть бедным.

– Если все будут богатые, то кто же тогда работать будет, кто землю пахать станет. Богатые ведь не привыкли землю буравить, им бы потреблять, да и то скукотища. Нет, Андрюша, все продумано до мельчайших деталей, как в шахматах: логично и разумно.

– Как в шахматах? А как же быть с болью?

– Боль испытывает лишь наше тело, оболочка. Душа же не материальна. С гибелью тела и память, хранящая боль, угаснет. Воспоминаний не останется.

– А как же душа?

– А вот душа страдает, это ее главное и единственное свойство – страдание, – после минутной паузы, в процессе которой каждый думал о своем, он сказал: – а не сыграть ли нам партию, напоследок.

– И то верно, последнюю, – согласился Андрей Степанович.

– Где они?

– Там, на подоконнике, за занавеской.

Борис Петрович взял доску, подошел к кровати.

– Ну, двигайся.

– Зачем, мне и так удобно.

– Хочу лечь с тобой рядом. Вместе жили, вместе играли, может, и умрем вместе.

Андрей Степанович посмотрел на друга взглядом, который появляется между друзьями, когда они

понимают друг друга без лишних слов.

Он пододвинулся, а Борис лег рядом, раскрыл доску, высыпав фигуры, и установил ее одной стороной на своей груди, а другой – на груди Андрея. Расставив шахматные фигуры, они стали играть, не раз ловя себя на мысли, что эту партию они уже когда-то играли.

Обменявшись пешками, а потом слоном на коня, Борис Петрович сказал:

– Расскажи о нашей жизни ему.

Рука Андрея Степановича зависла над шахматной доской, а взгляд пары туманных глаз невольно покосился в сторону Бориса.

– И ты туда же.

– Что поделаешь, я ведь тоже человек. Жить на земле и не страдать – невозможно. А мне так это надоело, мочи нет.

В этот момент тихонько открылась дверь, и вошла Люба. Этим партия и кончилась. Налетев, как птица, защищавшая свое гнездо, она прогнала Бориса Петровича, но интересную шахматную позицию друзьям все же удалось сохранить, хоть доска с расставленными на ней фигурами тихо и плавно переместилась на секретер. Друзья расстались, как джентльмены: отдав должное сильной позиции противника, но в мыслях сохранили преимущество комбинации за собой, в надежде разгромить соперника завтра.

Но завтра этому матчу не суждено было завершиться, так как ночью Андрею Степановичу стало тесно в груди, потом появился жар и нестерпимая боль. Когда перепуганные и полусонные соседи вызвали «скорую», больной уже ничего не чувствовал. Так, в беспомощности, его тело унесли на носилках. Все пять дней, в течение которых лучшие врачи Еврейской больницы Одессы боролись со смертью, все жильцы коммунальной квартиры,

где проживало восемь соседей в шести отдельных комнатах, думали о счастливом Андрее Степановиче, фантазируя его встречу с Богом, и каждый представлял, как о нем рассказывал избранник Бога, перечисляя все его хорошие стороны, вспоминая все земные муки души.

«Клиническая смерть?» – так сказал молодой доктор, привезший на машине «скорой помощи» возвратившегося с того света Андрея Степановича.

– Теперь ему нужен покой, – сказал он на прощание.

В комнате столпились все. Пришла даже Арина Семеновна, не выдержав своего годовичного заточения. Выйдя из своей скромной кельи, она, глядя на Людмилу, державшую на груди Библию, твердо заявила:

– Следующей буду я! Он мне приснился этой ночью.

Никто не придавал ее словам значения, ведь все взгляды и мысли были направлены в сторону Андрея Степановича, лежащего на своей кровати. Еще более бледное, чем до больницы, лицо Андрея Степановича ничего не выражало, оно было схоже с лицом Девы Марии с поднятыми глазами. Он смотрел на все, что его окружало сразу.

Казалось, что взгляд этого святого человека, побывавшего в замке Бога, объединял всё сущее. Его глаза искрились просветлением. Они были широко раскрыты и все еще хранили в себе частичку загробного мира.

– Ну что? Что молчишь? – первым, не выдержав, нарушил гробовую тишину Борис Петрович.

– Как там? – спросила Людмила. – Ты говорил с ним?

– Ты передал ему мои советы? – тихо, с глубокой надеждой, спросил Тимофей Савович.

Молчала лишь Люба, она сидела на табуретке у изножья кровати,

склонив голову и молча глотая слезы, медленно скатывающиеся по ее разрыхленному морщинами лицу.

– Нет, – наконец издал Андрей Степанович.

– Нет! – удивились в один голос супруги Гордиенко.

– Что, нет? – спросила Арина Семеновна, дотронувшись двумя пальцами до Библии, которую Людмила прижимала к груди все сильнее.

– Не тяни, Андрей! – не выдержал Борис Петрович, уставившись совиными глазами на просветленного друга.

Какая-то едва заметная злобная улыбка проскользнула на лице Андрея Степановича, но этого было достаточно, чтобы во всех присутствующих поселился безумных страх. Людмила перекрестилась. Андрей Степанович медленно обвел всех взглядом, теперь его лицо выражало насмешливую гримасу, от которой перекрестился дрожащей рукой Федор Александрович.

– А нет там никого, – сказал божий избранник.

Его лицо приняло обычный вид – ничего не выражающий. – Нет никакого Бога. Я был там, лишь пустота. Ясно вам! – с бессильной злобой выбросил он и вновь опустил голову, направив взгляд на потолок, где по-прежнему была очерчена картина из причудливых тонких линий трещин. Затем, словно не желая говорить, он закрыл глаза, скрестив на груди руки. Наступила гробовая тишина.

– Вот те раз! – воскликнул Борис Петрович.

– Этого не может быть! – раздраженно сказала Людмила, опуская руку с Библией и уползая прочь, захватив мужа.

– Чертовщина, – сказала Ари-

на Степановна, перекрестившись, и убралась прочь в свою комнату, откуда спустя пять минут начали раздаваться привычные для всех стоны умирающей.

Все разошлись, разочарованные, не верящие избраннику, со своими смутными и безумными мыслями. Но это и не удивительно, ведь сегодня им открылась тайна. Люба по-прежнему сидела у изножья кровати и тихо плакала.

Лишь один Андрей Степанович был спокоен. Он вспоминал, как во время операции, где его больное, измученное, дряхлое тело было оставлено для четырех мокрых от волнения утомленных врачей, безуспешно пытавшихся вернуть жизнь, а душа поднялась над комнатой, потом взлетела над больницей, облетела город, где он за миг вспомнил всю свою жизнь: детство, юность, зрелость и неизбежную мучительную старость. Когда он поднялся выше и кадры его прошедшей жизни испарились, он ощутил себя в объятиях белой, ослепительной, воздушной перины, схожей с облаками, рассеявшимися, как легкий туман. Теперь, после непродолжительного времени, которое показалось ему вечностью, его окружали вечные предрассветные сумерки и тишина, полная, абсолютная, без мук и тревог, без мыслей, без движений. Он вспомнил! Он вспомнил это состояние покоя, в котором находился. Это было потрясающе! Теперь, пребывая в своем прежнем облике, на своей вонючей кровати, от которой несло старостью, видя все эти измученные жизнью дряхлые больные тела с уродливыми морщинами и проклиная этих четырех аматоров, резавших его тело, он понял, как ему было там хорошо, как он блаженствовал в вечном покое божественной тишины.

Дина НАГОРНОВА

* * *

Я просто женщина. Такая же, как все,
С привычными проблемами земными.
По чёрной и по белой полосе
Петляет жизнь. И не взлететь над ними...
Простые и понятные мечты.
Да, можно осудить и посудачить...
Но приглядишься: возможно, это ты
В моих стихах грустишь, смеёшься, плачешь!

СЕГОДНЯ ДЕНЬ ТАКОЙ

Сегодня пишется, и мыслей фейерверк
Взрывается огнем, взлетает вспышкой в небо.
Сегодня слышится, душа стремится вверх
Из плена чепухи и ширпотреба.
Сегодня дышится и хочется парить,
Зевая ввергая в изумленный трепет.
Сегодня я способна сотворить
Слова из звезд, вплетая птичий щебет.
Сегодня видится такое, что нельзя
Таить в себе, скрывать от мирозданья.
Сегодня музы – лучшие друзья,
И Космоса волшебное дыханье.
Сегодня день такой. Такая я.
Поэзией наполнена Земля.

ЗИМНЯЯ ЗАРИСОВКА

Всё такое нежное:
кружевное, снежное.
На нарядных ветках –
белые салфетки,

Дина Абдулкабировна НАГОРНОВА(Собынина) – поэт, прозаик, автор девяти книг. Живет в Кемеровской области, с детских лет увлечена литературным творчеством и художественным чтением. Руководитель литературного объединения «Маяк», организатор Открытого областного поэтического фестиваля «Осеннее многоцветье» в г. Прокопьевске. Активный участник и неоднократный победитель поэтических конкурсов и фестивалей в Кузбассе и за его пределами. Более 20 лет прожила в Бийске и Барнауле.

На плечах рябинок –
 мягкий пух косынок.
Кустики сирени
 в лёгкой взбитой пене.
Занесло качели, замело дорожки.
Снежные узоры на моём окошке.
Очень постаралась Зимушка-хозяйка,
Разбросав сугробов серебристых стайки.
Машет стройный тополь белой пышной гривой,
Точно тонконогий гордый конь ретивый.
Кружится позёмка прима-балериной,
Спать ложится солнце в снежную перину.
Драгоценной сказкой,
 ледяною лаской
Ночь крадётся в двери,
 плачет блюз метели.
Мир в объятьях чуда,
 белый бархат всюду.
Кроткою овечкой
 спит послушно речка.
Кутают деревья кроны в полушалки,
И следов узором снег пятнать мне жалко.
Нас пленяет сумрак дрёмотным покоем,
Снежный витязь машет палицей-метлою.
Белым медвежонком выгнут бок сугроба.
Лавка – словно козлик вздорный, крутолобий.
Восхищая взоры праздничной картиной,
Щёголь-Бийск шикарным блещет палантином.

НА АЛТАЕ

Звенела музыка рассвета,
И я спешила пригубить
Хмельной настойю цветного лета.
Грибных дорог петляла нить.
Пижоны в красном – мухоморы –
Манили взор издалека.
Сурово возвышались горы,
Бушуя, пенилась река.
Вспугнув лесных певуний стаю,
Скользнул разведчик – солнца луч...

Вот я и дома – на Алтае,
Где дремлют горы в нимбах туч.

* * *

Спелый колос клонит ветер.
Над полями тишина.
Места лучше нет на свете,
Чем родная сторона.

Так и жил бы год за годом,
Чашу дней испив до дна,
Под лазурным небосводом.
Жил бы... Если б не война.

Вдруг осколками шрапнели
Полоснуло по душе.
Сорок первый. Я в шинели
На кровавом рубеже.
Смерти-ведьме в пасть глядели –
За детей, за мать с женой!
Сёла и хлеба чернели,
Опалённые войной.

Воевали, погибали...
Не жалеть себя – приказ!
Взрывы воздух сотрясали,
Как траву, косили нас...
Вот и смерть! Комбата голос
Затихает вдалеке...
Я сжимаю спелый колос
В окровавленной руке...

Дни парадов отшагали,
Не стыдясь счастливых слёз.
Мы своё отвоевали,
Тихо спим в тени берёз.
И в салюта взрывах тонет
Эхо горькое войны.
Спелый колос ветер клонит
На полях родной страны.

НЕ ВЕРНУВШИЙСЯ С ВОЙНЫ

В шуме ветра, в шорохе прибоя,
В ледяном молчанье тишины
Я всегда, любимая, с тобою,
Юный, не вернувшийся с войны.
Я в твоих, увы, не наших детях
Прорасти из самой глубины.
Я звезда, что в небе ночью светит,
Друг твой, не вернувшийся с войны.
Я в твоих невзгодах и морщинах.
В этом доля и моей вины!
Я живу во всех твоих мужчинах,
Нежный, не вернувшийся с войны.
Я в твоих мечтах и достижениях
На тебя смотрю со стороны
В зеркале туманным отраженьем,
Храбрый, не вернувшийся с войны.

Я в строю невыживших героев,
Ангелом взираю с вышины.
Я о жизни знаю больше вдвое,
Мёртвый, не вернувшийся с войны.

* * *

Если можешь, то не пиши.
А не можешь – дерзай!
Наши стихи – витражи,
В них потерянный рай.
Наши стихи – корабли,
Что явились с иных планет.
В них только капля Земли,
В них космический свет.
Если можешь, то промолчи.
А не можешь – кричи!
Наши стихи – палачи
И они же врачи.
Наши стихи – боль веков
И крупинки в песочных часах.
В них эликсир чудаков
И философов страх.
Если хочешь, то напиши.
Если сможешь – не лги!
Наши стихи – миражи,
Канут в Лету круги...
Наши стихи – виражи
Нами пройденных трасс.
Крик одинокой души.
Всё, что есть после нас.

СОЛНЦЕ НАДЕЖДЫ

Простите меня, я не верю, что мир обречён!
Мне хочется верить, что будет рассвет после бездны.
Не может исчезнуть Земля, словно карточный дом.
Не можем и мы, как бездарные куклы, исчезнуть.
Мне хочется верить – наступит чудесный рассвет,
И мир встрепенётся у самой отчаянной грани,
И в души прольётся невидимый ласковый свет,
И кто-то друзей не предаст и надежд не обманет.
Непросто поверить в такой непривычный исход...
Но я так устала от мрачных и жутких прогнозов.
Растает в сердцах сотни лет застывающий лёд,
Не будем вставать в агрессивно-враждебные позы.
Мне хочется верить – возможна Эпоха Любви!
Без войн и без боли, без злобы и зависти жгучей...
Что мир не разрушится и не утонет в крови,
Что Солнце надежды пробьётся сквозь черные тучи!

Светлана СЕРГЕЕВА

ЧЕМОДАН БЕЗ РУЧКИ

Рассказ

Однотипные дома – бетонные прямоугольники по обеим сторонам улицы – скука и серость.

Людей – толпы. Все какие-то безликие, одеты преимущественно в черное, глаза равнодушные. Зато очень острые локти. Мне достается часто, я не умею уворачиваться – то в бок толкнут, то в грудь, а бывает, что и в висок случайно рукой заедут. Никогда не извиняются.

Поворачиваю на соседнюю улицу. Все те же дома тянутся бесконечным коридором вдаль. Здесь народу поменьше, вздыхаю и иду дальше. Чемодан тяну за собой, на раздолбанной тележке. Заднее колесико жалобно скрипит, похоже, ему осталось недолго. Забинтованное запястье левой руки побаливает. Меняю руку.

Впереди билборд: «Чувствуете одиночество в толпе? Тогда вам нужно принять...» Что нужно принять от одиночества, прочитать не получается – самые главные слова написаны слишком мелким шрифтом, неразборчиво. Ну кто так оформляет рекламный баннер?! Я вот была бы рада что-нибудь принять от одиночества...

Поворот направо. Повернуть? Или пройти прямо? Может, за поворотом есть что-нибудь интереснее? После некоторых колебаний все же поворачиваю.

Увы! Все тот же пасмурный урбанистический пейзаж. Хотя... что-то там, вдали... Сквер? Лавочка под тенистым деревом – приют для уставшего путника?

Ускоряю шаг. Тележка скрипит и громыкает по тротуарным плиткам. Да, не ошиблась. Впереди небольшой зеленый пятачок, обсаженный высокими кустами сирени. Сирень уже отцвела, но запах цветов еще стоит в воздухе. Лавочка тоже имеется. Но радость находки «оазиса» омрачается – в метре от места долгожданного отдыха колесико тележки ломается окончательно – чемодан падает с нее и раскрывается.

Присаживаюсь на корточки, начинаю собирать выпавшие вещи. Зонт – мы любили гулять под дождем, ракушка с моря – из первой совместной поездки на отдых, бусы – подарок на 8 марта, белая с серыми ушками крыса Чуня – любимица, а вот две фенечки – это я плела из бисера для НАС. На глаза набегают слезы. Вытираюсь

Светлана СЕРГЕЕВА занимается научно-исследовательской работой в области экономики и занимается литературой. Пишет стихи и прозу. Публикуется в журналах и альманахах.

Живет в Белгороде.

мужским платком в клеточку – это его платок. Он мне дал его перед тем, как захлопнуть перед лицом дверь. С тех пор использую платок по назначению почти каждый день.

Ну вот, ценности снова уложены на место. Закрываю чемодан, беру в охапку – ручка давно отвалилась – и ставлю на лавочку. Присаживаюсь рядом.

В сквере довольно тихо. Людей нет совсем. Все они либо в центре, либо спешат с деловым видом по магистральным трассам. Большинство предпочитает прямые, хорошо освещенные дороги. В закоулки люди редко сворачивают и неохотно.

Отдохнув, иду дальше. Шагом медленным, тяжелым – тележка выброшена, груз тянет руки. Нести чемодан без ручки – то еще удовольствие! Да и рука под бинтом болит и одновременно немного чешется.

Мимо пролетают пушинки, похожие на снег. Пушинки-тополинки, как я называла их в детстве.

Когда он признался, что не видит будущего, тоже шел снег. Он стоял спиной, отвернувшись к окну, и созерцание падающих с неба белых кристаллов всё больше остужало взгляд. Я пыталась сказать ему... так много нужно было сказать... но он не желал слушать, он уже все решил за двоих.

Переулок закончился глухой кирпичной стеной. Как знала! Ну, зачем было сворачивать с проторенной дороги?! Повернула назад. Прошла пару метров... и рассердилась. Впервые за последний год! Не расплакалась, а всерьез разозлилась на него. И на себя. Упрямо сжала губы, повернулась лицом к стене. Не верю, что нет прохода!

Он очень нужен, он ДОЛЖЕН быть!

Я аккуратно опустила чемодан на землю. Внимательно осмотрела кирпичную кладку. Перелезть не получится – слишком высоко. Но вот есть щель, трещина между блоками. Я всунула тонкие пальцы между холодных кирпичей и потянула на себя. О чудо, кирпич стал крошиться по краям и сдвинулся с места! Еще немного усилий – и он выпал. Я заглянула в отверстие. За стеной был тот же город, и одновременно другой – какой-то праздничный, светлый, что ли. В нем было больше зелени, цветов и фонтанов. И люди все в разноцветных одеждах.

Я подняла выпавший кирпич и стала им выбивать соседние. Было тяжело. Но получалось! Вскоре образовался лаз, через который можно было просунуть голову и плечи. Но как быть с объемным чемоданом?

Я с озадаченным видом подошла к нему. Может, убрать из него... лишнее? Душа сопротивлялась. Что лишнее?! Нужнейший зонт, дорогие сердцу фенечки?! Крыса?! Животное распухло, начало разлагаться и очень дурно пахло.

Достала Чуню, погладила по свалявшейся шерстке. Мы ее купили на рынке, «в звериных рядах». Маленький пушистый комочек вырос в веселого и смышленного зверька, правда, весьма кусачего. Но домашние крысы живут всего 2-3 года... увы! И с ними так же сложно расставаться, как с любимыми людьми.

Из носа Чуни начала капать какая-то жижа. Да, пожалуй, Чуню, дальше не понесу...

После похорон крысы под кирпичной стеной я снова задумалась

– чемодан по-прежнему оставался крайне объемной и тяжелой ношей. Тогда из него были выложены ключи от квартиры – все равно он поменял замки, кофейный сервиз, который нам подарила на новоселье его мама, засушенный букет роз с первого свидания и еще несколько мелочей, напоминавших о годах совместной жизни.

Полегчавшая, на треть «сдувшаяся» поклажа кое-как пролезла через дыру в стене, а за ней протиснулась и я.

Отряхнувшись, взяла под мышку чемодан и пошла к фонтану. Дышать стало свободней.

Опустила руки в холодную чистую воду. Умывать лицо под струями фонтана не решилась, опасаясь, что смою след прощального поцелуя со своей щеки.

С любопытством – давно забытым чувством, оглянулась по сторонам. За фонтаном увидела кинотеатр.

А не сходить ли в кино?

Я уже год никуда из дома не выбиралась. Не считая сегодняшней поездки в этот странный город без названия.

В зале кинотеатра было темно и прохладно. Приятный контраст после жары и солнца.

Начался фильм. В главных ролях Я и ОН. Драматическая история о любви, не ставшей вечной, о боли предательства, о том, как руками ломается стекло, как под знакомую мелодию, НАШУ песню, режутся вены.

После завершающих фильм кадров расставания я ожидала увидеть титры, но их не последовало. Тяжелый и утомительный фильм начался заново!

Не в силах смотреть больше, я встала, забыв про стоявший под

креслом чемодан, и пошла к выходу.

Но двери оказались заперты! Я стала стучать, чтобы открыли. Снаружи никакой реакции, только зрители зашикали на меня: «Тише! Мешаешь! Разве не сама этого хотела?! Ты прокручиваешь в голове этот сюжет месяцами! Думаешь, нам не известно о чемодане и твоей дохлой крысе?!»

Я с ужасом стала вглядываться в лица, выхватываемые из темноты светом с экрана. Ближайшие подруги, родственники, папа с мамой...

Душа похолодела, и я еще громче и настойчивее стала колотить в двери. Прекратите показ! Хватит! Не желаю! Да пропади всё это пропадом!

Кинотеатр стал бледнеть, пока окончательно не растворился в воздухе. Яркий белый свет заполнил пространство.

Сеанс осознанного сновидения был окончен. Врач проверил давление, пульс, заглянул мне в зрачки. После заполнения формальных бумаг и выписки курса укрепляющих витаминов я тщательно вымылась под душем – в отделении гипнотической психотерапии предусмотрительно были поставлены душевые кабинки для пациентов. Во время сна чего только с ними не происходит. Смыть с себя холодный пот после курса экстренной психической реабилитации – не блажь, а необходимость.

Свежая, с легким сердцем, вышла из клиники. Родной город дружелюбно и деловито гудел. Носить в себе груз прошлого больше не хотелось. Хотелось кофе и сладкой булочки.

ОРДЕР НА СЧАСТЬЕ

Рассказ

— **В**ы последний?
— Крайний, — скрыто нервный, но внешне вежливый смешок.
— Извините, так вы крайний?
— Нет, после меня еще женщина. Но она отошла. Стойте пока за мной.

— Спасибо, — сказал я, а про себя подумал: «О тетке, как о покойнице, выразился: отошла. Хорошо, что не добавил в мир иной».

Очередь сегодня, впрочем, как и всегда, очень большая. Она идет по дуге и заворачивает за угол. Заветную дверь кабинета отсюда, где стою я, даже не видно. Здание Учреждения строил весьма затейливый архитектор. Внешне — это пирамида из металла, стекла и бетона, а внутри — лабиринт из лестниц, переходов и нескончаемых узких и длинных коридоров. Монументальная постройка, на века. Стояла и будет стоять, когда наш прах уже будет летать по ветру.

Спокойно, нужно набраться терпения. Но как же тут душно! Вот бы открыть окно! Но окна забиты наглухо, несмотря на то что на улице летний зной.

— Я стояла за тем мужчиной!
— резкий визгливый голос вырезал меня из тягучего марева.

— Да, да, конечно, вы за мужчиной, а я за вами, — отвечаю я и вжимаюсь в стенку.

Раздраженная толстая тетка протискивается вперед и занимает свое законное место, а я задыхаюсь от запаха ее пота и приторно-сладких духов. Господи, кто-нибудь, выберите к черту окно!

Очередь — это издыхающий

удав... Очередь — это издыхающий удав... В голове крутится одна и та же идиотская фраза.

Кто-то в спину: — Вы последний?

— Я крайний! — мстительно и нервно огрызаюсь я.

— Извините, так я буду за вами?

— Будьте, — буркнул я, не поворачиваясь. За спиной тяжело вздохнули. Еще всхлипни, подумал я. И зубы почисть... Ох, как же тут дурно пахнет! И не только людскими телами, но и самим Учреждением, точнее свежевыкрашенными в веселенький светло-зеленый стенами, пыльными шторами на окнах, пластиковыми фикусами, расставленными возле лестниц, папками со справками и документами, которые очередники теребят в своих вспотевших ладонях...

Я тоже невольно влажными пальцами перебрал свой пакет: ксерокопии всех страниц паспорта, свидетельство о рождении, справка о состоянии здоровья с приложением копий всех анализов и прививок, право на жизнь, право на труд, ксерокопия трудовой книжки, право на смерть, разрешение на захоронение, заключение о лояльности гражданина правящей партии, заключение о степени толерантности гражданина с тремя печатями и еще куча других, не менее важных документов... Все есть, вроде ничего не забыл...

Вдруг толпа заволновалась в робкой надежде: мимо взмысленных утомленных людей, легко и кокетливо виляя бедрами, пронеслась на высоких шпильках работница Учреждения. Очень стройная, с очень деловым видом. От

нее пахло свежевывмытыми волосами и канцелярским клеем. Она завернула за угол и скрылась из виду, но я отчего-то был уверен, что она зашла именно в ту нужную, заветную дверь... И действительно, стоящие впереди пронесли по толпе шепоток, что дамочка туда зашла, но принимать не будут, так как начался часовой перерыв.

Надежда на ускорение продвижения очереди угасла.

Горло пересохло. Вот бы сейчас стакан чистой холодной воды! Но я боюсь бросать очередь, чтобы сбегать вниз в буфет, так как после перерыва не найдешь уже кто за кем стоял. Впереди меня – человек пятьдесят, за мной накопились и дышат в затылок еще человек сорок. И они стойкие, как только что пришитые на пиджак пугови-

цы. Кто не выдержит и выйдет из очереди сейчас, после перерыва встанет снова в хвост. Ведь получить заветный Ордер на Счастье от Вершителей, что сейчас обедают за закрытой дверью, всем жизненно необходимо. Ведь как жить без Счастья? Выхода нет... Придется ждать.

Я где-то слышал, что есть люди, которым удастся стать счастливыми без Ордера, без разрешения от Вершителей, но это огромная редкость и отклонение от Нормы. А может, это очередная утка желтой прессы...

– Вы крайний? Что оглядываетесь? Я к вам обращаюсь! Да, да, вы, с книгой в руках! Определитесь уже, наконец! Видите, толпа подпирает! Так вы становитесь в очередь или нет?!

Галина КОЛЕСНИКОВА

* * *

Обречена? Обручена
С весной и осенью стозвонной.
Душой своей пригвождена
К твоим, как жизнь, глазам бездонным.
Мы по дождям, мы по гвоздям,
Через препятствия сквозные...
Но я минуты не отдам
Из лет, что мчат как скоростные,
Из сладкой ягодной тоски
По самому для нас родному...
Не отнимай своей руки
На полувыдохе от дома.

* * *

А надобно бы всё – через любовь.
А я воспринимала через муки.
И поздно горевать и хмурить бровь,
И опускать в бессильи руки...
Ещё, быть может, не один рассвет
Мне пластырем любви на сердце ляжет...
И добрые глаза посмотрят вслед
И, дай-то бог, без укоризны даже.

* * *

Оконной рамы переплёт
Моей судьбой давно живёт;
Коль солнце – он горит огнём,
Мороз – так изморозь на нём,
Дожди – до ниточки промочен,

Галина Дмитриевна КОЛЕСНИКОВА родилась в селе Мормыши Романовского района Алтайского края. С 1970 года живет и работает в Барнауле. Публиковалась на страницах журналов «Алтай», «Наши современник», «Волга. XXI век», «День и ночь», и др. С 2004 по 2010 гг. руководила Алтайской краевой писательской организацией. Награждена медалью «100-летие со дня рождения М.А. Шолохова» и медалью Николая Рубцова. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Автор десяти поэтических книг. Член Союза писателей России.

Живет в Барнауле.

Луной ночью позолочен...
На стыке событийных фаз,
Он в поэтический экстаз
Впадает строго до зари!..
...Но что там у него... внутри?!

* * *

Сяду рядышком с убогим
Возле церкви на бетон...
Нас таких у Бога много,
Разных наций и племён.
Буду шуриться на небо,
Что-то важное вещать...
Буду людям в праздник Вербный
Жизнь без смерти обещать.
Буду денежку в ладони,
Словно сердце, зажимать...
Буду-буду на бетоне
Рай небесный обживать.

* * *

Вы, конечно, всегда о высоком...
Да и я не о низком могла...
Бродит месяц в ночи одиноко,
До земли опустив удила...
Где черёмухи цвет подвенечный...
Где свечи поминальной смола...
Мы могли бы, наверно, о вечном...
Только жаль – я невечной была...

* * *

Судьба – что рельсы.
Шпалы – словно дни.
И я по ним уже полвека еду...
И говорю случайному соседу,
Что очень редки за окном огни,
Что хлопотно, безрадостно и скучно –
Под стук колёс один и тот пейзаж,
И горизонт не взять на бордаж,
И стрелочник горячкою измучен...
Но не признаюсь я наверняка –
Нет ничего страшнее тупика.

* * *

Ах, как всё это было давно!
Память медленно, ржаво вертится...
То не ветер, то время в окно,
Как случайная птица, стучится.

Здравствуй, время! Коль можешь – прости
Безрассудные прошлые траты.
Видишь, нежность в раскрытой горсти
Засветилась, как было когда-то?
К небу ближе я, значит, мудрей.
Жизнь моя – словно шар Скарабея...
Но чем ноша моя тяжелей,
Тем покладистей я и добрее.

* * *

Вне очереди и вне расписаний
Торопится душа моя любить...
Как путешественник на остров дальний,
Или маньяк – убить.
Но вымерли все жертвы на планете,
И поглотила острова вода...
И мечется душа моя по свету,
Не зная, прислониться ей куда.

* * *

Судьбы безлики,
Мы ли безвольны, как угадать?
Стелются в ноги цветы повилики –
Жалко помять...
Жалко всего,
Что с утра примечталось
И растворилось, как дым...
Я повиликою жадной прижалась
К будням твоим...
Солнце оплавилось
и растворилось
в сонной воде...
В сердце вплелась повиликою жалость.
Счастье, ты где?!

* * *

Глупейший шаг – навстречу злу
Открыть израненную душу...
И долго ворошить золу,
И приговор бесславный слушать.
Язык – мой враг! Молчать. Молчать!
Восходит день светло и немо...
Ему, безмолвному, решать
Мои кричащие проблемы.

Андрей КОВАЛЁВ

СИБИРСКАЯ НАРОДНАЯ ИКОНА: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

В статье рассматривается коллекция сибирских икон так называемого сузунского письма из частного собрания Андрея Владимировича Ковалёва с целью ввести ее в научный оборот, а также выявить некоторые характерные особенности икон, проанализировать систему средств художественной выразительности, вписать произведения в общий контекст сибирского иконописного искусства. Исследование значимо как для лучшего понимания феномена сибирской иконы, так и для выявления близких по стилистике произведений других иконописцев. В настоящее время в собрании находится 47 икон. В ряду многофигурных образов – иконы «Огненное восхождение пророка Илии», «Благовещение Богородицы», «Распятие Христа», «Святые Модест и Власий», «Святые мученики Кирик и Улита». Среди однофигурных икон широкое распространение получили образы: «Николай Чудотворец», «Спас Нерукотворный», «Богоматерь Знамение», «Богоматерь Одигитрия», «Святой Архангел Михаил Воевода», «Святая мученица Екатерина», «Георгий Победоносец». В результате сравнительного анализа ряда произведений выделены общие стилистические черты: иконы лишены мелких деталей, им присущи лаконичность образов, использование темного фона, общие черты в изображении образа Христа в абрисе лица, в написании крестчатого нимба.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья ставит своей главной целью ввести в научный оборот уже значительную коллекцию сибирских икон, которые, скорее всего, были исполнены в конце XIX – первой трети XX века. Они поступали в наше собрание из разных источников и чаще всего в весьма сложном состоянии. Благодаря опыту профессиональных реставраторов, удалось остановить процесс деградации, зафиксировать и в определенном смысле вернуть им первоначальный вид. Эти усилия подтвердили первоначальное предположение, что мы имеем дело с большим пластом духовной и художественной культуры, которая была значительно распространена в Юго-Западной Сибири.

Надо сказать, что собирание народных, как их зачастую называют, сибирских икон стало естественным продолжением формирования ныне уже значительной нашей коллекции сибирского искусства. В поисках истоков регионального искусства обращение к самобытной

крестьянской иконе было логичным шагом. Им сейчас уделяют внимание многие государственные и негосударственные художественные галереи. В процессе коллекционирования не только приобретаются иконы, но и часто ведутся реставрационные и исследовательские работы, иконы публикуются в различных изданиях, выпускаются масштабные альбомы, проводятся выставки [1; 2; 3].

Представляя коллекцию, хотелось бы не только познакомить с ней специалистов и любителей искусства, но и постараться выявить некоторые характерные особенности икон, попробовать вписать их в общий контекст сибирского иконописного творчества, что мы считаем одной из важных задач.

Надо сказать, что основания теоретико-искусствоведческого анализа этого обширного, как выяснилось, пласта художественной культуры уже успешно заложены. Большой вклад в это внесли ряд искусствоведов. Так, Н.Г. Велижанина подробно рассмотрела народную икону Новосибирской области и в том числе писала об иконописце из села Сузун Иване Васильевиче Крестьянникове (Крестьянинове) [4]. Т.В. Прохорова и В.В. Борисов рассматривают историю изучения и новые материалы по сузунской иконе [5]. Т.А. Бычкова в своей статье рассмотрела иконописцев бийских мастерских конца XIX – начала XX столетия и высказала интересную идею о том, что часть так называемых сузунских икон могла быть выполнена бийскими иконописцами и среди произведений могут быть обнаружены принадлежащие кисти одного из первых профессиональных художников Алтая Г.И. Гуркина [6]. Сотрудником Государственного художественного музея Алтайского края Л.Г. Красноцветовой удалось открыть имя одного из иконописцев из села Залесово Викулы Фёдоровича Былыкина [7], данное исследование было продолжено Е.В. Школиной [8; 9].

Очевидно, что дальнейшее изучение коллекций икон в собраниях государственных музеев Барнаула, Бийска, Новокузнецка, Новосибирска, Томска и других городов поможет лучше понять сам феномен сибирской иконы и, безусловно, выявить близкие по стилистике произведения других иконописцев.

«СУЗУНСКАЯ ИКОНА»: ИСТОРИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ АТРИБУТЫ

Изучение собранной коллекции, трудов искусствоведов, знакомство с музейными собраниями икон в Сибири позволяет сделать предварительный вывод о том, что существовало несколько крупных центров, мастерских, в которых создавались те или иные иконописные образы. Поэтому термин «сузунская икона», хотя и прижился и определяет круг памятников культуры, но, видимо, не точен – под этим термином зачастую понимаются иконы, возникшие, например, в Бийске или других городах. Поэтому наиболее вероятна версия полицентричного происхождения сибирских икон – в них обнаруживаются как общие стилистические черты, так и особенности, характерные, предположительно, для того или иного мастера или иконописной мастерской. Некоторые исследователи всё же выделяют общие черты, которые присущи сузунской манере письма. Так, Т.Б. Емельянова, исследуя сузунскую икону, пишет, что в первую очередь следует обратить внимание на основу ико-

ны – «это ровная и хорошо обработанная сосновая доска с толстыми, около одного сантиметра, торцевыми шпонками в виде трапеции. Причиной идеальной обработки досок, которые сохранили свою форму, несмотря на возраст, мог быть заводской, промышленный характер ее обработки. <...> Второй отличительной чертой сузунской иконы является ее цветовая гамма. Традиционными колорами, которые использовали местные художники, были: терракотово-красный, оливковый, черный, желтый, синий, белый и коричневый, «причем заметно преобладание оливкового и красного, которые часто использовались, также и в цвете опуши». Сюжетная линия, которую чаще всего выбирали иконописцы, также была ограничена. Самый распространенный образ – это «Архангел Михаил грозных сил воевода». <...> Не менее важны были образы Спасителя (Господь Вседержитель и Спас Нерукотворный): простонародны, отличаются мягкостью и душевностью трактовки. <...> Распространенным образом Богоматери чаще были Одигитрия, Знамение, но особенно почитали на сузунской земле икону Божией Матери «Неопалимая Купина» как сильный и глубокий образ иконы от пожара. <...> Отдельную группу составляли почитаемые избранные Святые. Очень часто изображали сузунские мастера Николая Чудотворца, который является покровителем странствующих. Святую Екатерину, покровительницу женщин, молили о скором и удачном замужестве, здоровых и крепких детях. Георгий, Кирик и Улита – также часто изображаемые святые в Сузуне. Важной и отличительной особенностью сузунских икон среди других местных центров является их каноничность, строгое следование традициям древней живописи, а также наличие признаков «древлеправославной веры» – титулы Спасителя, двоеперстия, восьмиконечного креста и ряда других, что, безусловно, связывает их со старообрядческой средой. <...> Таким образом, высококачественная доска для иконы, скудность красок, своеобразие сюжетной линии и черты старообрядческой веры – это основные характеристики сузунской манеры письма» [10, с. 276–277].

Постараемся в описании и анализе некоторых наиболее важных, по нашему мнению, образов в первую очередь остановиться на иконографических и художественно-стилистических чертах.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛЛЕКЦИИ ИКОН А.В. КОВАЛЁВА

В настоящее время в нашем собрании находится 47 икон. Поскольку по времени они принадлежат фактически одному периоду, то наиболее перспективной представляется их дифференциация не по хронологическому, а по иконографическому признаку и по системе средств художественной выразительности.

Остановимся сначала на многофигурных образах. К ним относятся: «Огненное восхождение пророка Илии», «Благовещение Богородицы», «Распятие Христа», «Святые Модест и Власий», «Святые мученики Кирик и Улита».

Рассмотрим икону «Огненное восхождение пророка Илии». Пророк Илия занимает особое место среди других ветхозаветных пророков в христианском мире. Источником информации об этом святом являются книги Ветхого Завета, а именно Третья и Четвертая книги Царств. На Руси пророк Илия почитался как святой-громовержец, к которому обращались с молитвами о благоприятной погоде или о дожде. Ильин день был одним из самых значимых праздников народного календаря, в который устраивались крестные ходы, проводилось освящение воды, к святому обращались и в случае стихийных бедствий. Вероятно, именно поэтому иконография «Огненное восхождение пророка Илии» получила такое широкое распространение. «Пророку Илье на Руси было посвящено огромное количество храмов, приделов и часовен; иконы с его изображением были практически в каждом доме, включая и жилища беднейших крестьян. Соответственно, большое количество образов Ильи, в первую очередь – извода с его огненным вознесением, как наиболее типичного и распространенного, встречается именно в народной иконе» [11, с. 33].

В нижней части иконы изображены пророк Илия и его ученик Елисей, между ними река Иордан. Над Ильёй кружит ворон, который по легенде спас его от голодной смерти, когда пророк жил в пустыне. Возле Ильи – своеобразно написанные иконные горки, символизирующие духовное восхождение пророка. Вверху в огненном облаке изображена колесница, запряженная крылатыми лошадьми, на которой Илья покидает землю и сбрасывает свою милоть (плащ мехом наружу, который изготавливали из шкуры овцы, считается, что в древности его носили пророки) Елисею. В иконе словно представлены два мира – мир горный, в который устремляется пророк, и мир дольний, где он еще на земле с Елисеем. Пространство иконы предельно лаконично, на ней нет лишних, второстепенных деталей, это сосредоточивает взгляд зрителя на главном действии. Способствуют этому и цветовые пятна: желтые, красные и белые, они расположены на темном фоне так, чтобы выделить главных действующих лиц. На лик пророка Илии иконописец положил оживки, мазки белого цвета, которые символизируют преисполненность пророка Фаворским светом и придают образу убедительность и силу.

«Святые Модест и Власий» считались на Руси покровителями домашнего скота. На иконе они изображены крупно, в полный рост, с Евангелиями в руках. Над ними в облаке написана оплечная фигура Христа. Фон иконы, как и в предыдущем сюжете, написан темной краской, нет ни пейзажа, ни горок, но святые изображены стоящими на земле, что подчеркивает их земное происхождение. Можно заметить, что икона обладает высокой художественной выразительностью. Тщательно проработаны лики святых, их одеяния выполнены по канону. Крупные светлые пятна выделяют Модеста и Власия и, контрастируя с темным фоном, как бы приближают к зрителю.

Икона «Святые мученики Кирик и Улита» была широко распространена в старообрядческой среде. Написана также предельно лаконично, на ней две фигуры – Кирик и Улита (Иулита), которые приняли

мученическую смерть во времена жестоких гонений на христиан. Им молились о благополучии в семье и выздоровлении детей. Женщины обращались к Иулитте о помощи в горе, скорби и печали. Фигуры изображены немного справа, слева же церковь и вверху лик Христа, которому они молятся.

Среди однофигурных икон широкое распространение получили образы: «Николай Чудотворец», «Спас Нерукотворный», «Богоматерь Знамение», «Богоматерь Одигитрия», «Святой Архангел Михаил Воевода», «Святая мученица Екатерина», «Георгий Победоносец».

Образы Богоматери в коллекции представлены в двух иконографических изводах – «Богоматерь Знамение» и «Богоматерь Казанская». На обеих иконах Богоматерь изображена в алом мафории, который дан локальным цветом, без светотеневой моделировки. На изображении нет также и восьмиконечных звезд, которые обычно изображаются на челе и плечах Богоматери, как знак ее Вечного Девства – до, во время и после Рождества Христова. На нимбе Христа в иконе «Богоматерь Знамения» также нет обозначения креста и монограмм, на другой иконе красочный слой на нимбе настолько поврежден, что нельзя сказать, было ли там какое-то обозначение. Фон иконы темный.

Распространенным образом в сибирской иконописи является изображение Архангела Михаила Архистратига, который считается в христианстве защитником верующих, а также покровителем русского воинства. В «среднерусском» варианте иконографии дан «образ красноликого архангела, летящего на красном крылатом коне. В верхней части композиции в облачных сегментах изображаются престол и медальон со Спасом Эммануилом. Архангел облачен в доспехи, на голове – венец, в руках он держит книгу, крест, кадило и копье, которым попирает сатану, лежащего под ногами коня. Руки архангела расставлены в стороны, между ними изображается радуга, у его уст – труба, у ног – клубящееся облако».

Одним из основных типов изображения Христа является его Нерукотворный Образ, или Святой Убрус. По преданию убрус, или плат, с изображением Христа появляется еще при Его жизни. Эти изводы представляют собой изображение лика Христа в возрасте Тайной вечери в окружении крестчатого нимба на плате квадратной формы или на керамических плитах. В византийской традиции волосы Христа симметрично расчесаны на обе стороны, а мягкая борода на конце разделяется на две пряди. Позднее в русской иконографии появляется «Спас Мокрая Борода», который отличается тем, что борода приобретает клинообразную форму [12]. В иконах «Спас Нерукотворный» из данного собрания мы наблюдаем византийскую традицию изображения. На первой иконе Христос дан на убрусе, который поддерживают за верхние концы два ангела. Во втором варианте иконы «Спас Нерукотворный» на черном фоне изображен белый убрус, складки которого акцентированы красными мазками.

Сравнение двух икон позволяет заметить много важных особенностей. Очевидно, что первая из них выполнена на высоком уровне:

исполнение Лица, складок убруса, золотистого фона, фигур ангелов показывает мастерство иконописца, большой иконописный опыт.

Сравнивая иконы «Спас Нерукотворный» и «Господь Вседержитель», можно заметить, что эти два образа имеют ряд общих стилистических черт. Лик на них написан очень схоже. Так, можно отметить, что линия носа здесь плавно перерастает в линию бровей и уходит по боковым линиям, очерчивая лик и спускаясь к линии подбородка. Заметно сходство в написании губ, а также в изображении тени под нижней губой. В начертании букв на нимбах также несут черты сходства на обеих иконах. В нимбах, изображенных вокруг головы Христа, также можно отметить один и тот же прием изображения креста. Конечно, этот сравнительный стилистический анализ должен быть дополнен технологическим (химический состав красок, грунта, способ подготовки доски и т. д.), архивными изысканиями и сопоставительным анализом похожих икон из других собраний. Однако этот предварительный подход позволяет сделать не только вывод о высоком уровне исполнительского мастерства, но и предположение, что мы имеем дело с одним мастером, или с мастером и его учениками, или же мастерской, которой были присущи схожие стилистические приемы.

В плане мастерства написания обращают на себя внимание и иконы с образом «Николая Чудотворца». Очень хорошо прописан лик святого, тонкой кистью тщательно дается разделка прядей бороды и волос на голове святого. Линия бровей, носа и изображение глаз на этих двух иконах очень схожи по форме с выполненными на иконе «Господь Вседержитель». Это подтверждает возможность определить их принадлежность одному мастеру или иконописной мастерской.

ВЫВОДЫ

Изучение собранной коллекции икон позволяет сделать вывод, что иконописным образам из нашего собрания, с одной стороны, присущи общие стилистические черты сибирской народной иконы: лаконичность раскрытия образа, стремление к обобщению, исключение мелких деталей, темный фон икон, частое использование оливкового и красного цветов. В иконографии мастера строго следуют иконописному канону, вместе с тем заметно и стремление к упрощению в многофигурных композициях. С другой стороны, предварительный анализ позволяет выделить среди пока неизвестных иконописцев круг одаренных мастеров, обладающих серьезной профессиональной художественной подготовкой. Среди всего собрания выделяются иконы «Спас Нерукотворный» и «Господь Вседержитель». Это, в свою очередь, закладывает основания для более углубленного изучения подобных икон из других собраний. Предполагаем, что это поможет выделить круг мастеров и, возможно, откроет новые имена иконописцев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прохорова Т.В. Сибирская икона XVI–XIX вв.: становление и развитие иконографической традиции: дис. канд. искусствоведения. Новосибирск, 2012. 242 С.
2. Сибирская икона / редкол.: Е.В. Байдин, С.В. Голынец, Н.Д. Зольникова, Б.Б. Овчинникова. Омск: Иртыш-92 ltd, 1999. 270 С.
3. Гришанова Т.В., Сокольская Т.Е. Сибирская икона: территория открытий // Православное искусство в современном мире: сб. материалов научно-практической конференции. Красноярск: издательский дом «Восточная сибирь», 2013. С. 66–75.
4. Велижанина Н.Г. К истории иконописания в западной Сибири // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов сибиряков / отв. ред. Л.М. Русакова, Н.А. Миненко. Новосибирск: Наука, 1987. С. 125–141.
5. Прохорова Т.В., Борисов В.В. Сузунская икона: история изучения и новые материалы // Иконопись и народные промыслы: их связь и взаимное влияние / отв. ред. Я.Е. Смирнов. М.: Северный паломник, 2023. С. 219–238.
6. Бычкова Т.А. Алтайский иконописец Г.И. Гуркин // Искусство Евразии. 2022. № 2 (25). С. 64–79. <https://doi.org/10.46748/Arteuras.2022.02.006>.
7. Красноцветова Л.Г. Алтайский иконописец В.Ф. Балыкин // Древнерусская традиция в культуре Урала: материалы науч.-практ. конф. (г. Челябинск, 28–30 апреля 1992 г.) / сост. Г.И. Пантелеева. Челябинск: [Б.И.], 1992. С. 96–102.
8. Школина Е.В. Народный иконописец В.Ф. Балыкин: страницы биографии и творчества // Манускрипт. 2018. № 5 (91). С. 147–150. <https://doi.org/10.30853/Manuscript.2018-5.33>.
9. Школина Е.В. Новые факты биографии алтайского иконописца В.Ф. Балыкина // Искусство Евразии. 2022. № 2 (25). С. 180–187. <https://doi.org/10.46748/Arteuras.2022.02.018>.
10. Емельянова Т.Б. Иконописный промысел в Сузуне // Этнография Западной Сибири XVIII–XX вв. и современные этнокультурные процессы: материалы региональной научно-практической конференции (г. Куйбышев Новосибирской области, 10 декабря 2019 г.) / отв. ред. И.Н. Шульгина. Куйбышев: МКУК «Музейный комплекс», 2022. С. 274–279.
11. Чернов М. «Огненное вознесение пророка Илии» в народной иконописи // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2012. № 99. С. 30–43.
12. Бобров Ю.Г. Основы иконографии древнерусской живописи. СПб.: Мифрил, 1995. 256 С.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ковалёв А.В. Сибирская народная икона: опыт изучения частной коллекции // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2023. № 4 (31). С. 92–111. <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2023.04.005>. URL: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1054>.

Андрей Владимирович КОВАЛЁВ,
коллекционер, просветитель, меценат, почетный член Российской академии художеств. Новосибирск, Российская Федерация. kav001@bk.ru.

Анастасия ЮШКИНА

ПИСАТЕЛИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ В.М. ШУКШИНА

Василий Макарович Шукшин – выдающийся русский писатель, актёр, сценарист и режиссер, чье творчество оставило глубокий след в отечественной литературе и кинематографе.

На формирование художественно-эстетического вкуса В.М. Шукшина оказали влияния не только жизнь и традиции деревни, природа родного села, односельчане, но и книги, которые он читал.

Парень крестьянского происхождения из сибирской глубинки, сын репрессированного, благодаря своему упорству и стремлению, стал для своего времени образованнейшим человеком. Всё началось с голодного и тяжёлого военного детства, когда единственной отдушиной было чтение, к которому мальчик рано пристрастился.

Книга в жизни Василия Макаровича сыграла огромную роль. Она явилась смыслом его жизни, читая книгу, он узнавал интересное и необыкновенное, переносился в неведомые миры и страны.

Первая жена В.М. Шукшина Мария Шумская вспоминает его слова: «Многому можно научиться от книги. Книга тоже учитель жизни» [12, стр.2].

Детское чтение В.М. Шукшина было разнообразным и беспорядочным.

Так, позже Василий Макарович в автобиографическом рассказе «Гоголь и Райка» напишет: «Читал я действительно чёрт знает что: вплоть до трудов академика Лысенко» [5, стр. 157].

Его друг и односельчанин Александр Куксин вспоминал: «Часто после школы я приходил к Поповым. Василия я заставал, как всегда, у окна, за чтением книг. Книги мне тогда казались очень большими. Это Жюль Верн «Таинственный остров», «Дети капитана Гранта», Лермонтов в прозе, «Алтайские робинзоны», «Маленький оборвыш» и другие...» [11, стр.3].

По признанию Василия Макаровича, с 12 лет ему стали помогать выбирать, что читать. Сперва это была эвакуированная ленинградская учительница в сrostинской школе колхозной молодежи. Затем, в Севастопольской библиотеке, во время службы в армии, пожилая библиотекарьша – опять чуть ли не со списком. Наконец список был составлен и М.И. Роммом, в мастерскую которого он пришел учиться во ВГИК.

Можно смело утверждать, что большое место в читательских пристрастиях В.М. Шукшина занимала русская классика.

По мнению А. Куксина, именно Анна Павловна Тиссаревская, первая учительница писателя, поддержала в Васе необычную тягу к чтению. Он вспоминал: «Литературу, особенно классическую, Вася любил.

Когда он по списку Анны Павловны дошел до Горького и прочитал один из его ранних рассказов «Счастье», то был поражен описанием в нем природы» [3, стр. 44].

В книге «Василий Шукшин: Вещее слово» В.И. Коробов приводит воспоминания матери писателя о том, как Василий обнимал, как целовал мать, когда ей удалось, по просьбе сына, достать через деревенского почтальона несколько довоенных однотомников русских писателей. Увы, кроме трилогии Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты» и стихов Некрасова, мать Василия Макаровича назвать что-либо наверняка не решилась.

В школьные годы книги Вася Шукшин брал не только в библиотеке, их для него покупала и учительница. По воспоминаниям сестры В.М. Шукшина Н.М. Зиновьевой, дома у них были сочинения А.Н. Островского и Н.А. Некрасова.

В автобиографическом рассказе «Гоголь и Райка» Шукшин описывает один из вечеров своего детства: «... мы читали «Вия»... Вот так книга! Учительница отметила на листочке, какие читать в сборнике, а эту не отметила. А я почему-то (запретный плод, что ли?) начал именно с «Вия». И вот, пожалуйста: сразу непостижимый, душу сосущий, захватывающий ужас. И сил нет оторваться, и жутко» [5, стр.158].

На службе во флоте, в городе Севастополе, матрос Шукшин попусту тоже не тратил свободное время. Посещал библиотеку, интерес сосредоточил на книгах Джека Лондона. В ноябре 1951 года сестре написал: «Ты не читала «Мартин Иден» Джека Лондона? Если будет свободное время, непременно прочти» [9, стр. 225]. Судьба героя Джека Лондона поразила Василия с детства и на всю жизнь.

Много лет спустя, весной 1974 года, разговаривая с корреспондентом газеты «Правда» о фильме «Калина красная», Шукшин вспомнит эту книгу: «Но тут же вспоминаю, допустим, книгу своей юности. Мартин Иден, человек огромной воли, много испытавший, и вдруг, когда уже столько сделано, выбрасывается в иллюминатор» [4, стр.79].

У В. Шукшина и его друзей-молодых матросов вызвали интерес также роман Макаренко «Флаги на башнях», исторический роман Георгия Саакадзе «Великий Моурави». Проводили диспут и по книге Василия Ажаева «Далеко от Москвы» и поставленному по ней в 1950 году одноимённому фильму.

По воспоминаниям Марии Шумской, Василием Макаровичем в годы молодости также была прочитана книга Михаила Буббенова «Белая береза». Для неё же он однажды принёс книгу Алексея Толстого «Князь серебряный».

В.М. Шукшин увлекался чтением не только художественной литературы, читал, а точнее сказать, изучал труды Владимира Ильича Ленина. Восхищался умом великого человека, его дальновзоркостью, умением заглядывать далеко вперёд.

В 1952 году В.М. Шукшин был демобилизован с флота из-за язвы желудка, вернулся в село Сростки. Сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости.

Учительница сростинской средней школы Зоя Васильевна Беякова принимала у В. Шукшина экзамен по литературе. Она вспоминает:

«Любил Толстого, Шолохова, пытался разобраться в Достоевском, но я ему тогда ничем не могла помочь. Сама еще молодая была, неопытная, а Достоевского в программе школы не было».

Будучи студентом кинематографии, свободное время проводил в Ленинской библиотеке и восполнял упущенное по искусству чтением книг.

Сергей Тепляков в книге «Василий Шукшин: А любить надо» пишет, что М. Ромм составил список для всех своих студентов. В списке были русские классики, а также Хемингуэй, Стейнбек, даже Жюль Ромэн, которого Ромм ставил очень высоко. «Кто не прочитал всего, с тем он отказывался разговаривать. Немного жестоко, но – спасибо ему!» – писал Шукшин [4, стр. 130].

Из письма Шумской: «Есть книга Фрейлиха «Искусство кинорежиссера». Прочитай очень интересно» [9, стр.232]. Эта книга тоже из рекомендованных М.И. Роммом.

В книге В. Коробова приводятся свидетельства В. Ковердяева, А. Дивочкина о читательских интересах В.М. Шукшина. Автор пишет, что с большим удовольствием Шукшин читал К.Г. Паустовского, Л.С. Соболева, А.С. Грина и других маринистов. Зачитывался морскими рассказами К. Станюковича [12, стр.3].

По воспоминаниям ассистентки М.И. Ромма Ирины Александровны Жигалко, Шукшин брал читать из ее библиотеки множество отнюдь не «распространенных» книг. Среди них были, например, «История цивилизации» Бокля, Коран. Позднее, и уже на более долгий срок, он брал из библиотеки И. Жигалко двухтомник «Крестьянская война под предводительством С.Т. Разина». Он прочитал в студенческие годы и Библию, и собрания сочинений Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Глеба и Николая Успенских, Ф.М. Решетникова, И.Ф. Горбунова, Н.С. Лескова, М. Горького и многих – многих других.

В рассказе В.М. Шукшина «Психопат» есть упоминания об этих писателях: «Лескова надо читать, Лескова! Еще Лескова не прочитали, а уж... слюни насчет неореализма пустили. Лескова, Чехова, Короленку... Потом Толстого, Льва Николаевича» [8, стр.55].

Отношение В. Шукшина к писателям классической литературы можно проиллюстрировать его рабочей записью: „Патриарх литературы русской – Лев Толстой. Это – Казбек или что там? – самое высокое. В общем, отец. Пушкин – сын, Лермонтов – внучек, Белинский, Некрасов, Добролюбов, Чернышевский – племянники. Есенин – незаконнорожденный сын. Все, что дальше, – воришки, которые залезли в графский сад за яблоками. Их поймали, высекли, и они стали петь в хоре – на клиросе. Достоевский и Чехов – мелкопоместные, достаточно самолюбивые соседи. Были еще: Глеб и Николай Успенские, Решетников, Лесков, Слепцов, Горбунов, Писемский, Писарев – это разночинцы» [9, стр. 323].

Заметим, именно Л. Толстого В.М. Шукшин ставит во главу литературной иерархии. Это подтверждает письмо Н.М. Зиновьевой от декабря 1961 года. В.М. Шукшин пишет: «Читай что ни попадет. Лучше – умные книжки. Толстого Льва» [9, стр.248].

В рабочих записях В.Шукшина, в его произведениях тоже можно найти упоминания о писателях-классиках.

Особенно близок Шукшину был Достоевский. О нём В.М. Шукшин писал: «Перескажите сюжет любого романа Достоевского – вам не

удастся передать глубину произведения: не в сюжете дело... Может быть, сюжет служил Достоевскому только поводом, чтобы начать разговор. Потом повод исчезал, а начинала говорить душа, мудрость, ум, чувство» [11, стр.3].

Рабочая запись В.М. Шукшина 1974 года об А.П. Чехове: «Чехов-то? Чехов работал страшнее Льва Толстого. Чехов показал несостоятельность чиновника, после чего народ (не сразу; конечно) довольно безболезненно убрал его, чиновника, из общественной жизни. Да и из жизни вообще» [9, стр. 318].

Особое отношение у В.М. Шукшина к В.Г. Белинскому: «Читайте, братцы, Белинского. Читайте хоть тайно – ночами. Днем высказывайте его мысли, как свои, а ночами читайте его. Из него бы евангелие сделать!» [9, стр. 312].

Любимым поэтом у Василия Макаровича был Сергей Есенин. Мария Сергеевна вспоминала: «О Есенине-то Вася не просто говорил, а любил даже его. И стихи мне его читал. Не успеешь послушать, а он их уже на память знает» [11, стр. 3].

В рассказе «Верую» есть строка о Есенине: «Вот жалеют: Есенин мало прожил. Ровно – с песню. Будь она, эта песня, длинней, она не была бы такой щемящей. Длинных песен не бывает» [6, стр. 228].

В киноповести «Калина красная» только что вышедший на волю Егор Прокудин читает стихи Есенина:

*...в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй, ты, моя черная гибель,
Я навстречу тебе выхожу..*

Читает Егор и стихотворение А.С. Пушкина «Узник», во время пребывания в бане вместе с Петром.

В рассказе В. Шукшина «Забуксовал» главный герой произведения – ничем не примечательный Роман Звягин – простой механик в совхозе – слушает, как его сын учит наизусть отрывок из произведения Н.В. Гоголя «Русь-тройка» из «Мертвых душ». 30 лет назад Роман тоже учил эту самую «Русь-Тройку», а вот сегодня вдруг задумался: а кого эта самая Русь везёт?

В.М. Шукшин интересовался и творчеством писателей – современников, со многими состоял в переписке.

Известно, что В.И. Белов и В.М. Шукшин были большими и закадычными друзьями, и причин той дружбе немало. Во-первых, жили в одно время в Москве в общежитии, во-вторых, оба носят имя Василий, оба из деревни приехали покорять Москву, оба играли на гармошке, оба любили баню, но главное, оба писали примерно об одном – о русском селе.

«Я легко и просто подчиняюсь правде беловских героев... Когда они разговаривают, слышу их интонации, знаю, почему молчат, если замолчали, порой – до иллюзии – вдруг пахнет на тебя баннным духом...»

[10, стр.156].

На вопрос корреспондента новосибирской газеты «Молодость Сибири» И. Бодрова в 1970 году о том, что ему нравится в современной советской прозе и о любимых авторах, Шукшин ответил: «Так называемая

«деревенская» советская проза. Она обещает вырасти. Василий Белов, Федор Абрамов. Подает надежды молодой сибиряк Валентин Распутин. Стоит за ним последить. Нравится Виктор Некрасов...»

Рабочая запись Шукшина 1971 года: «В рассказах В.Некрасова происходит то, что в них происходит, но в ваших-то, Марковы, Баруздины, совсем же ничего не происходит, потому-то все – ложь и беспомощность» [9, стр. 316].

Общался Шукшин и с К.А. Фединым, писателем и журналистом. Именно его Василий Макарович просит написать предисловие к однотомнику рассказов: «Уважаемый Константин Александрович! В 1973 г. в издательстве «Советская Россия» должен выйти однотомник моих рассказов. Первый. Большой – 20 л <истов>. Встал вопрос, кто напишет предисловие. Я сказал, что попрошу Вас. И, честно говоря, до сих пор не знаю: может, я на себя много взял? Если так, то не придавайте этому письму значения, этой моей просьбе, и даже не отвечайте: я отчетливо сознаю, сколько мало у Вас времени и как дорого оно Вам. Во всяком случае, простите. Здоровья Вам!» [9, стр. 279].

С советским прозаиком, редактором и журналистом Глебом Александровичем Горышиным у В. Шукшина завязалась переписка после съёмки фильма «Живет такой парень», где Горышин снялся в эпизодической роли. В письмах они обсуждали и произведения других авторов.

Из письма В.М. Шукшина Горышину (1974 г.): «Глебушка! Держу в руках прекраснейший рассказ Артура Макарова – <...> – прочитай! Рассказ удивительный, ты сам увидишь... Жму руку! [9, стр.295].

Юрий Скоп был, наряду с Василием Беловым и Глебом Горышиным, одним из немногих шукшинских друзей в писательском мире, возможно, не столь близким, как те двое, о чем косвенно говорит отсутствие между ними переписки (или же письма пока не опубликованы). Но эти отношения были примечательны тем, что иркутский журналист и начинающий писатель, впоследствии работавший и в литературе, и в кино, прославившийся романом «Техника безопасности» и ставший лауреатом Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых (той же награды, которую получил в свое время Василий Макарович), смотрел на Шукшина как на мэтра, как на человека, добившегося успеха, о котором и сам мечтал, и Шукшин это чувствовал и сочувствовал. Скоп чем-то ему понравился, пришелся по душе, совпал с ним, и Василий Макарович помогал ему пробиться, сделался для него наставником, советчиком, литературным опекуном.

Шукшин пристраивал произведения Ю. Скопа в журналы. Сохранилось письмо 1971 года известному критику, литературоведу, главному редактору журнала «Сибирские огни» Николаю Николаевичу Яновскому: «Николай Николаевич! Пользуюсь случаем – здравствуйте! И вот: наш земляк Юрий Скоп (иркутянин) написал повесть «Волчья дробь»... Он не новичок в литературе, и это не тот случай, когда надо рекомендовать автора или нахваливать его вещь. Моя задача проще: прочтите. Не сгодится ли?» [9, стр.278].

Из писателей-современников высоко ценил Шукшин и творчество М.А. Шолохова: «Шолохов перевернул меня. Он мне внушил – не словами, а присутствием своим в Вешенской и в литературе, – что нельзя

торопиться, гоняться за рекордами в искусстве, что нужно глубоко осмыслить судьбу народа...» [9, стр. 202].

Трудно сказать, случайное это совпадение или нет, но в высшей степени символичное: Шукшин отдал свои рассказы в «Новый мир» после того, как в журнале была опубликована повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», которая не могла не произвести на него огромного личного впечатления, о чем Шукшин говорил во время обсуждения сценария своего первого фильма в 1963 году, а затем – отвечая на анкету журнала «Вопросы литературы» в 1967-м. Эти ответы не вошли в публикацию, но остались в черновиках: «Меня в свое время поразил «Иван Денисович» Солженицына. Один день... Долгий день. Просто и необычно сложный... Это большая радость (если в данном случае уместно это слово) – читать такое. Тут – горячая, живая, чуткая сила слова. Думаю, что никакая другая «система словесного искусства», кроме как «нагая простота», не могла бы так «сработать» – до слез» [1, стр.155].

И в рабочих записях этого же времени появилось: «Судя по всему, работает только дальнобойная артиллерия (Солженицын). И это хорошо!» [9, стр.315].

В 1972 году в журнале «Новый мир» выходит рецензия Василий Макаровича «На одном дыхании» на повесть А. Скалона «Живые деньги», впервые вышедшую в 1972 году в журнале «Наш современник».

«Повесть втянула в себя и уже не выпустила». «Она как пружина в руках: держишь и чувствуешь ее скрученную энергию, отпусти – больно ударит. И бьет-то в самое сердце, в самую нежную мякоть его». А ведь это уже отзвуки чтения, какой же в таком случае силы и отдачи было само живое «первичное» восприятие повести!.. «Втянула» и «не выпустила», но при этом – все недочеты замечены, каждая мысль оценена и по отдельности, и в связи с целым, вполне понятно и для чего написано произведение, и «как сделано», каждое меткое слово услышано и «попробовано на зуб» [2, стр.284].

В письме И.П. Попову, художнику и троюродному брату, в 1957 г. В. Шукшин интересуется его отношением к писателю Владимиру Фёдоровичу Тендрякову. Вопрос вполне закономерен, так как отражает шукшинский интерес к современной литературе.

В фондах нашего музея находятся книги из личной библиотеки Шукшина, отражающие его разнообразные читательские и творческие интересы. Всего коллекция музея Шукшина насчитывает 48 книг, и 7 книг находятся на временном хранении. Большую часть коллекции составляют фотокопии книг.

В советские времена был распространён самиздат – это неофициальные и неподцензурные издания в рукописном или отпечатанном виде произведений художественного, поэтического, публицистического, философского и других жанров. Василий Шукшин был активным читателем самиздата и нередко приобретал непрошедшие цензуру экземпляры.

Личная библиотека В.М. Шукшина содержит труды отечественных и зарубежных философов, таких как В.В. Розанов, С. Кьеркегор, Л.И. Шестов, Н.А. Бердяев, издания по истории, религии, книги русской и зарубежной литературы, в том числе произведения репрессированных

писателей: Александра Исаевича Солженицына, Бориса Пильняка, Осипа Эмильевича Мандельштама, а также книги редких изданий.

Ведя разговор о Шукшине – читателе, уместно вспомнить высказывание философа-эмигранта Ивана Ильина: «По чтению можно узнавать и определять человека. Ибо каждый из нас есть то, что он читает; и каждый человек есть то, как он читает; и все мы становимся незаметно тем, что мы вычитываем из прочтенного, – как бы букетом собранных нами в чтении цветов» («О чтении», 1958). Действительно, «букет» самых разных и прекрасных цветов – это о творческой многогранности Василия Шукшина, глубине и красоте его жизненной философии.

*Анастасия Сергеевна ЮШКИНА,
младший научный сотрудник Всероссийского мемориального
музея-заповедника В.М. Шукшина*

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Варламов Алексей. Василий Шукшин / Алексей Варламов; Упр. Алт. края по культуре и арх. делу; Алт.краев.универс.науч.б-ка им В.Я. Шишкова. – Барнаул: ОАО «ИПП «Алтай», 2016. – 488 с. – (Алтай. Судьба. Эпоха).
2. Коробов В.И. Василий Шукшин: Вещее слово. – М.: Мол. гвардия; 1999. – 405 (11) с., ил. – (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 768).
3. Он похож на свою родину: земляки о Шукшине / Сост. В.И. Ащеулов, Ю.Г. Егоров; вступит. статья Ю.Г. Егорова. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. – 248 с., ил.
4. Сергей Тепляков. Василий Шукшин: «А любить надо». – г. Барнаул: ОАО «Алтайский Дом печати», 2018. – 380 стр.
5. Собрание сочинений: в 9 томах/ Шукшин В.М.; [сост., подгот. текста, комм. О.Г. Левашова] / под общ. ред. Д.В. Марьина. – Барнаул: Барнаул, 2014. Том 3: Рассказы 1966-1968 гг. Ваш сын и брат. Там, вдали. Точка зрения. Странные люди. – 376 с.
6. Собрание сочинений: в 9 томах/ Шукшин В.М.; [сост., подгот. текста, комм. А.Г. Милюкова] / под общ. ред. Д.В. Марьина. – Барнаул: Барнаул, 2014. Том 5: Рассказы 1969-1971 гг. Печки-лавочки. Иван Степанович. – 408 с.
7. Собрание сочинений: в 9 томах/ Шукшин В.М.; [сост., подгот. текста, комм. А.И. Куляпин] / под общ. ред. Д.В. Марьина. – Барнаул: Барнаул, 2014. Том 6: Рассказы 1972-1973 гг. Калина красная. Позови меня в даль светлую... – 360 с.
8. Собрание сочинений: в 9 томах/ Шукшин В.М.; [сост., подгот. текста, комм. В.В. Десятов] / под общ. ред. Д.В. Марьина. – Барнаул: Барнаул, 2014. Том 7: Рассказы 1973-1974 гг. Брат мой... Энергичные люди. До третьих петухов. А поутру они проснулись... – 336 с.
9. Собрание сочинений: в 9 томах/ Шукшин В.М.; [сост., подгот. текста, комм. Д.В. Марьин] / под общ. ред. Д.В. Марьина. – Барнаул: Барнаул, 2014. Том 8: Публицистика. Письма. Рабочие записи. – 512 с.
10. Шукшин В.М. Вопросы к самому себе / Сост. Л.Н. Федосеева-Шукшина; Предисл. Л.А. Аннинского; Коммент. Л.А. Аннинского и Л.Н. Федосеевой-Шукшиной. – М.: Мол.гвардия, 1981 – 256 с., фотогр. – (Писатель – молодёжь – жизнь).
11. ВММЗШ ОФ 2255. Газета. Бийский рабочий. 23 июля 1994, № 142.
12. ВММЗШ ОФ 7653. Газета. Бийский рабочий. 26 декабря 1998, № 248.
13. ВММЗШ ОФ 14248. Письмо Шукшина Василия Макаровича Попову Ивану Петровичу. Январь 1957 г. Москва.

Валерий СУХОВ

НАШ ШУКШИН

Говорят, что некрасивым
В рай дороги нет.
Горевать придёт Россия
На гору Пикет.

Не пускают Русь в Европу,
В «заповедный край»...
Чтобы были ближе к Богу,
Бог нам дал Алтай!

Дотянись рукой до неба.
На Берлин наплюй!
Обмелеет летом Эльба,
Только не Катунь.

Посмотри, какая воля!
Встанешь – и летишь!
А леса шумят, как море.
И зачем Париж?

«Звон вечерний» тянем хором –
Праздник для души!
Что дороже: евро-доллар –
Или наш Шукшин?!

Валерий Алексеевич СУХОВ родился в 1959 году в с. Архангельское Городищенского района Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт им. В.Г. Белинского и аспирантуру при Московском областном университете. Защитил кандидатскую диссертацию «Сергей Есенин и имажинизм». Член Союза писателей России, редактор отдела поэзии журнала «Сура». Автор нескольких поэтических сборников и публикаций в журналах «Сура», «Молодая гвардия», «Подъём», «Русское эхо», «Простор», «Аргатак», «Нижний Новгород», «День и ночь». Лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова, международной премии имени С.А. Есенина «О Русь, взмахни крылами...», Всероссийской премии имени Бориса Корнилова «На встречу дня!».

Живёт в Пензе.

Перед смертью на берёзке
Кровью распишусь:
«Чудики мы все – и Сrostки –
Это наша Русь!»

ОДИНОКИЙ ШУКШИН НА ЗАКАТЕ

Обращается в пепел свет.
Во врагов превращаются братья.
Обезлюдев, пустеет Пикет
После праздника на закате.

И на камне сидит Шукшин.
Он один на горе остался.
Горе – праздник русской души!
В жизни досыта им нахлебался...

Терпят русские до поры –
Топоры перерубят поводья!..
Речка Шукша – приток Суры –
Колобродит и то в половодье.

Далеко видать Русь с горы.
Не Европа она, а – Азия!
В ней – Прокудина Горе-надрыв.
Забубённая воля Разина.

Так пусть слышит весь белый свет:
«Дать вам волю пришёл я, братья!»
Но молчит на горе Пикет
Одинокий Шукшин на закате.

КРЕСТ И МЕЧ

Московское государство «родилось на Куликовом поле,
а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты»
В.О. Ключевский

Сергий и Дмитрий.
Святитель и князь.
Креста и меча –
Неразрывна связь.

Под радугой
Окропились дождём,
Крестным на небо
Идя путём.

Поднимается
Русь святая
Биться с поганой
Ордой Мамая.

На траве –
Серебро сентября.
Битва
Занялась, как заря.

Лик грозы
По-татарски раскос.
Русский
Яростен сенокос!

На Куликовом поле
Полки
К вечеру
Полегли, как валки.

Стал на закате
Кровавым Дон.
Раненый князь
Поднялся с трудом...

Калики
Над Куликовым полем –
Кричат «кур – лы»
С неизбывным горем...

В памяти
Остались людской
Святитель Сергей
И князь Донской.

ХЛЕБ

Подать рукою
До коммунизма.
На клубе плакат
До гротеска нелеп.
В селе открыли
«Дом атеизма».
И пропал
В магазине
Хлеб.

Очередь
Под осенним небом
Босых
Сапожников без сапог.
Мать посылала
Меня за хлебом.
Лошадь его подвозила
К «Сельпо».

На машине –
В село не проехать.
Оттепель.
Ты из грязи –
Князь.
Мат на Руси –
Это с горя утеха.
Пьют и работают –
Матерясь.

Власть народ свой
Берёт измором.
Но не оставят
«Железных коней»
Трактористы
И комбайнёры,
Соляркой пропахшие
До костей.

Хлеба неслыханное
Богатство –
По головам.
Хлеб –
Всему голова.
Взорвана церковь.
Христова
Паства
Хлеб уносит,
Как носят дрова.

Буханка ржаного –
Шестнадцать копеек.
Всухомятку
Застрянет ком.
Когда молоденок,
Так мало денег.
Голод
Запивал молоком.

Жизни
Перемолото жито.
Остался – на поле
Несжатый клочок.
Сколько
К старости пережито.
Мелочь
Детский сжал кулачок...

КНИГОНОША

«Бога нет,
А душам нужен лекарь».
Верил мой отец –
Библиотекарь,
Только в книги –
Истово-светло.
Окормлял
Родимое село.

В помыслах своих
Высок и чист –
Коммунист
И ярый атеист!

Из библиотеки
По пороше
Книги разносил он
Книгоношей,
Глубоко
В сугробах увязая, –
Пищею духовною
Питая.

И когда по улицам мело,
Классику
Читало всё село.
Шолохов, Есенин и Шукшин –
Литургия
Страждущей души!..

Грянули большие перемены.
Проросли над крышами
Антенны –
Скорбно-поминальные
Кресты.
Души-шишки
Шелушат клесты.

РУБАХА

На двери висит рубаха
Без малого сорок дней.
И не могу без страха
Я прикоснуться к ней.

Отец на память повесил
Перед тем, как уйти...
Врывается в окна
ветер –
Рубаха по дому летит.

Гнусавит осень –
старуха
«Сорокоуст» на помин.
«Слава Отцу и Сыну
И Святому духу...
Аминь».

Ложится рубаха
На пол,
Тепло храня
До конца.
Пота родного запах
Переживёт отца.

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА

Память озаряется туманная
От лучины, вставленной в светец.
Вспомнилась вдруг
Школа деревянная,
Где ещё учился
Мой отец.

Дети фронтового
Поколения.
Выпали им
Горе и нужда.
В печке дымной
Вспыхнули поленья –
И отстала
От стекла слюда.

Ждали и боялись
Почтальонки.
А её то, бедной,
В чём вина?!

Жёлтый треугольник
Похоронки,
Как осколок,
В грудь вонзит война!

И тогда в селе
На всём порядке
Бабы начинали
Голосить!
И играть бросали
Дети в прятки,
Подходили –
Горе разделить...

Всё – сердечком
Детским понимали,
Чёрный видя
На вдове платок.
Лёши, Маши, Гриши,
Саши, Вани
На всю жизнь
Запомнили урок.

Азбуки
Начальная основа.
Состраданием
И жив народ!
Школа деревянная
Сурова.
Сорок первый –
Сорок пятый год.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС «МОЙ ШУКШИН»

Впервые Бийский городской открытый заочный литературный конкурс школьников «МОЙ ШУКШИН» состоялся в 2017 году. Инициатором и организатором выступили литературная студия «Аспект» (г. Бийск), Алтайское региональное отделение Союза писателей России, Любовь Казарцева и Дмитрий Каюшкин.

Конкурс получил такое звучное название – «МОЙ ШУКШИН» потому, что на конкурс принимаются работы школьников, созвучные литературному наследию В.М. Шукшина: выражение патриотических чувств, особенности современных настроений в обществе, семейные отношения, нравственные приоритеты. Организаторы с удовлетворением наблюдают, как меняются акценты юных литераторов. В их произведениях всё ярче звучит тема не только малой родины, но и мотив ответственности за судьбу Отечества.

Сегодня, анализируя обретённый опыт пробуждения у молодёжи творческих способностей, организаторы отмечают, что конкурсное движение развивается и его география значительно расширяется. К участию в конкурсе привлечены теперь не только ребята, живущие в Бийске, но и школьники из Барнаула и отдалённых районов Алтайского края.

Победители награждаются дипломами и грамотами, а лучшие из лучших работ публикуются в профессиональных журналах и альманахах, что, несомненно, поддерживает увлечение юных литераторов и усиливает их мотивацию.

Виктория РОГОВАЯ

*16 лет. МБОУ «СОШ №78». г. Барнаул
Педагог-куратор Калашиникова Ольга Геннадьевна*

ПОТОМУ ЧТО ЦВЕТЫ, И ЛЮБОВЬ, И МЕЧТЫ – ЭТО СЧАСТЬЕ, ДОБЫТОЕ НАМИ...

...**Я** держу в руках небольшую тетрадь в клетку. Самодельная потрепанная обложка, химическим карандашом старательно записаны какие-то стихи... «В землянке», «Вечер на рейде», «В лесу прифронтовом»... Да это не просто стихи – это тексты песен! Песен, которые мы все хорошо знаем, песен, которые родились в годы Великой Отечественной войны! И тетрадь эта – уникальный экспонат нашего школьного музея, рукописный песенник санитарного инструктора 9 отдела воздушно-десантной гвардейской разведывательной роты 315

Мелитопольской Краснознаменной стрелковой дивизии Таисьи Цветухиной. Этот блокнот она вела в годы войны, а в 1972 году подарила школьному музею.

Давайте перелистаем страницы песенника! Чем жила восемнадцатилетняя девушка, чем дорожила, что чувствовала, о чем мечтала в годы войны? Только очень осторожно: этим страницам больше семидесяти лет! Они о многом могут рассказать внимательному читателю...

В тетради Таисьи Цветухиной записано 68 песен. При детальном изучении текстов мы увидели, что все песни можно условно разделить на несколько тематических групп: патриотические песни – в них поётся о доблести наших солдат, о стремлении к победе над врагом, о прославлении нашей Отчизны; песни о мужской дружбе и солдатской службе; лирические песни, главным смыслом которых является поддержка боевого духа солдат близкими людьми, которые берегут свою любовь к ним и ждут их; песни о любви.

Удивительное дело! В условиях фронта самыми востребованными стали не песни с описанием героических будней солдата, его подвигов, а лирические песни, песни о любви. Их в сборнике 52! В некоторых песнях слово «война» не упоминается вообще! Это можно объяснить тем, что именно песни о доме, о семье, любви, дружбе поддерживали боевой дух, помогали сохранить человеческое в нечеловеческих условиях, помогали высказать самые сокровенные мысли и чувства. Потребность в задушевной песне у усталых и измотанных долгими годами нелёгкой фронтовой жизни людей была очень велика. Именно поэтому в годы войны родилось столько песен о любви, о разлуке, о верности. Они пелись бойцами в землянках, в лесу у костра, от них становилось теплее, от них утихала боль разлуки. «Тёмная ночь», «Офицерский вальс», «Огонек», «Голубой конверт», «В землянке»... Эти песни, такие светлые, нежные, рассказывают о том, что пережили тогда миллионы людей – расставание с любимыми людьми, с родными местами. Именно поэтому в «песеннике» Таисьи Цветухиной, своеобразном поэтическом дневнике, так много лирических песен. Хотя патриотические песни о мужестве, о героических буднях войны тоже присутствуют: «Песня артиллеристов», «Прощайте», «Под звездами балканскими», «Родина», «Прощайте, скалистые горы»...

Песни, записанные в тетради Таисьи Цветухиной, в жанровом отношении многообразны. Особое место среди них занимает фронтовой фольклор: песни-ответы, лирические песни-письма – в годы войны создавались многочисленные подтекстовки на мелодии популярных песен профессиональных авторов.

Так, песня «Синий платочек» стала настоящим символом Великой Отечественной войны, воплощавшим в себе представление о том, за что стоит бороться и, при необходимости, отдать свою жизнь. Песня была очень любима и существовала в разных народных вариантах. В блокноте Таисьи Цветухиной мы видим одну из таких песен-переделок. Из нее мы узнаем о том, как

*Нежненький, грязный платочек
Немец в деревне украл.
Долгие ночи, черные ночи
Спину он им прикрывал.*

И вот уже «сжавшись в комочек, бросив платочек, мерзнет фашист под Москвой».

Финал известен:

*И вот, зимой, получен
Удар под Москвой.
В панике фрицы
Бегут от столицы,
Им не вернуться домой.*

А вот еще, тоже переделка, автор неизвестен:

*На крыльце мы простились с тобою,
Ты на фронт проводила меня.
И склонившись ко мне головою,
Поклялась, что навеки моя.
На прощанье платочек дарила,
Что такого нигде не найдешь.
Эх, платочек мой шелковый красный,
Ты со мною по фронту пройдешь.*

И хотя ритмически песня не совсем похожа на знаменитый «Синий платочек», отсылка к этой песне очевидна. Не случаен выбранный автором из народа цвет платочка – красный. Видимо, это цвет, олицетворяющий горячую и сильную любовь героев.

Горячая и сильная любовь... Что ж... Таисья Цветухина ушла на войну с призывного пункта Барнаула в 18 лет... Вместе с дивизией вступила в бой в самый разгар Сталинградской битвы, участвовала в сражении на Мамаевом кургане, освобождала Донбасс, Севастополь. Была награждена медалью «За боевые заслуги». В выписке из наградного листа от августа – сентября 1942 года читаем: «Одно тяжелое и одно легкое ранение получила под Сталинградом при выполнении боевого задания – при перевязке раненого младшего командира на поле боя во время наступления наших войск на Северо-Западной окраине гор. Сталинграда. 362 стрелковый полк ходатайствует о представлении Таисьи Цветухиной к правительственной награде».

О чем можно мечтать в 18 лет? О доме, о семье, о любви... Мне кажется, что эта тетрадка, эти стихи, эти песни помогали ей идти тяжкими и страшными дорогами войны. Они хранили девочку с красивой фамилией Цветухина и ее веру в то, что война закончится и вот тогда все будет как в записанной ею песне:

*И зимой, и весной
Аромат полевой
И цветочная пыль в магазине.
И влюбленный пилот
От меня не уйдет
Без фиалок в плетеной корзине.
Пулеметчик, радист
И безусый танкист –
Все приходят ко мне за цветами,
Потому что цветы,
И любовь, и мечты –
Это счастье, добытое нами.*

БЕССМЕРТИЕ и тайны души русской

Эссе

«Даже в прекраснейших своих грезах человек
не может вообразить ничего прекраснее природы»
Альфонс де Ламартин

Когда слышишь слово Россия, воображение невольно рисует золотые купола церкви на фоне голубого неба с белыми пушистыми облаками и летящую мимо них птицу, разрезающую своими могучими крыльями воздух, и звон колоколов, или капища с идолами и волхвами; бескрайние золотые моря пшеницы и деревянные резные избы, из труб которых вырывается дым, стремящийся обогнать облака. Просторные степи и белые снежные пустыни, вязкие болота и неприступная тайга, молодые поля и, конечно же, берёзы и дубы. Ну и как же не представится русская баня?

Но это всё лишь внешняя поверхность. Если же смотреть дальше, то на картине, нарисованной художником-воображением, можно разглядеть на тех резных избах замысловатые узоры, тайные знаки, видно, как лучи восходящего солнца играют с коловратом – со своим маленьким братом – домашним солнышком, которое оберегает дом от нечисти, бережёт спокойствие, тепло и уют. Вдоль плетёных заборчиков склонили тяжёлые головы подсолнухи. Возле тропок, убегающих куда-то в бесконечность, колышутся колоски подорожника, и огромные листья мать-и-мачехи покачиваются в тени можжевельных кустов; полевые ромашки тянут свои головки к ясному солнышку, и васильки ловят тёплые светлые лучики. А радуга после дождя перекинулась мостиком, как говорят сказки, от мира людей до мира предков. Как прекрасна она!.. Так и хочется пробежаться по радуге, почувствовать тепло и влагу, заглянуть за ее завесу, узреть тайны, которые она хранит...

И вдруг раздаются какие-то неясные звуки... Кажется, они похожи на криканье... Конечно! Оглянись! Это же утки летят косяком... А это что за оглушающий слух хор со стороны реки? Кто это там прыгает на берегу, в траве? Ах, это лягушки! Только поглядите – настоящие акробаты, прямо как в цирке, только маленькие!.. Ивушки полощут свои продолговатые листочки в реке, и, будто слёзы скатываются с ланит, катятся капли воды с их листиков и падают в реку. В поле, пестрящем разными цветами чертополоха, лютиков, полыни, кукушкиных слёзок, сурепки, цикория, тысячелистника, кровохлёбки, пастушьей сумки, огоньков, бессмертника, зверобоя, душицы, иван-чая, едет могучий богатырь на своём богатырском коне... Белея, светлая берёзовая роща разделила эти пёстрые поля, откуда доносится жужжание диких пчёл и звонкое мычанье рыжих коров и блеянье овец, на две части. Маленькие свежие резные листочки берёз блестят на улыбающемся солнышке, шуршат тонкие длинные ветви, точно как волосы, развеваемые ветром. А сколько больших дружных семеек подберёзовиков и опят живёт здесь! И улавливается тихое фырканье лисиц...

А вон, поглядите! Молодые девушки, сидя на прибрежных камнях, плетут венки и поют прекрасные песни, под которые мужики, чуть поодаль, закатав по колено штанины и по локоть рукава, косят высокую зелёную траву. А вон рядом резвятся и малые дети, а у реки женщины полощут на мостках бельё, подпевая молодым. Выводят свои трели птицы, заводят песни кузнечики, сливаясь в единое целое с песней девушек, такое гармоничное и многоцветное... А вон маленькая озорная девчонка, забравшись на стог сена, уставилась в небо, где кружат в воздушном вальсе под восхитительную музыку своих братьев и сестёр по матери-природе ласточки, а на земле вокруг цветов порхают бабочки и мотыльки...

В полдень такого не увидишь. В это время все расходятся с полей, где гуляет лишь Полудница – одетая в белоснежное платье прекрасная дева, охраняющая посевы от жаркого полудневого солнца и вредителей... И как прекрасен закат, когда утомившееся солнце прячется за горизонт, окрашивая небо в бордовый, оранжевый, розовый и жёлтый цвета, когда его прощальные лучи, восхитительно золотистого оттенка, скользят по гладкой поверхности воды, прорезая отражение невероятно красивого неба и закатного солнца... И с каждой минутой лучей всё меньше и меньше... и вот уже скрывается последний, и небо поглощает синева такого необыкновенно тёмного, насыщенного цвета. А вот уже и звёзды усыпали всё небо и всплыли откуда-то из глубины реки... И миллиарды небесных глаз проснувшейся ночи теперь наблюдают за дыханием спящей земли и переглядываются с речными звездами...

А где-то там, далеко-далеко, в самой глухой, тёмной чаще непроходимого леса, на болотистой местности, где повсюду рассыпаны маленькие и большие, стройные и коренастые, прячущиеся от чужих глаз грибы: подосиновики, лисички, подтопольники, сыроежки, рыжики, свинки, грузди, моховики, горькушки, дубовики, зеленушки, поганки и ярко-красные мухоморы, красующиеся перед пробегающим рысцой зайцем, где возвышается, величаво и гордо раскинувшись, мудрый дуб с огромным, кажется, бездонным дуплом, окружаемый стройными, осанистыми ёлками, и раздаётся уханье сов и филинов, стоит избушка на курьих ножках, где живёт хранительница двух миров – яви и нави – Баба Яга. И где-то бродит сильный, бесстрашный медведь. А где-то среди горных хребтов бессмертный король нави – Кощей – над золотом чахнет... И эти горы... их резкие обрывы и плавные скаты, их узкие тропки и широкие выступы... их недостижимая высота... Если покорить вершины, какие пейзажи можно увидеть! Их красота сводит с ума... и где-то на берегу реки или моря сидит русалка, расчёсывая свои длинные волосы и маня заплутавшего путника... И откуда-то издали доносятся волчьи песни, или это леший резвится, или это вой оборотня; и катится каретой ярко-белая полная луна, или проглядывает среди ветвей тоненький золотистый месяц... маленькие лёгкие ночные облачка кружат вокруг ночного светила... А реки укрывает молочный туман, и ветер слегка покачивает камыши, шуршащие ему в ответ... тут-то и просыпается Полночица, начинает свою охоту на сны...

Всё это Россия. Всё это всплывает в омуте мыслей и ассоциаций каждого человека.

Но где же та Россия сейчас? Где же та её красота? Где её тайны, тревожащие сердце и разум каждого? Они здесь... Здесь, спрячутся среди серых асфальта и многоэтажек, среди шумных машин и быстроходных лайнеров. Они здесь, среди нас. Просто нужно уметь видеть их. Одинокое безмолвное дерево, стоящее среди высоток, смотрит на нас и ждёт хоть одного доброго слова, но услышит ли оно его? Ведь мы его не замечаем... И, несмотря на это, оно цветёт и благоухает. Оно прекрасно. Его причудливые ветви прекрасны. В природе нет ни одного одинакового дерева. Стоит помнить о том, что, если мы чего-то не видим, это не значит, что этого нет. А вон и два маленьких жёлтых глаза – первые одуванчики. А редкие звёздочки на ночном небе! Как прекрасны они! Откройте глаза и увидите, как прекрасен полёт бабочки или пчёлки! А как прекрасны зимние деревья, покрытые инеем! А вот уже и первая весенняя травка на обочине, пусть и среди угрюмого асфальта и пыли. Она украшает городской пейзаж. А как солнце прячется за многоэтажками, как небо багровеет!.. Нет, эту красоту не скрыть!.. Конечно, воздух и земля уже не те, скажут многие, но ведь это человек загубил их. Я не раз слышала слова: «Что же стало с природой?» или «всё уже не то, природа уже не та»... Но нет. Природа всё та и всё так же прекрасна, как и была. Её красота бессмертна, её загубить не сможет никто. Как бы её ни уродовали и как бы её ни губили, она всё так же прекрасна. Да, она изменяется, то есть её меняют люди, но она хранит свою красоту. Но стоит и нам относиться к ней бережно и заботливо. Каждый любит восхищаться красотой, так надо научиться её искренне ценить и оберегать. И может, не стоит равняться с западом и подчинять себе природу, а стоит жить с ней в гармонии? Лев Николаевич Толстой говорил: «В безнравственном обществе все изобретения, увеличивающие власть человека над природою, – не только не блага, но несомненное и очевидное зло». А чтобы увидеть красоту в современном мире, нужно смотреть сердцем. Ведь не зря же Антуан де Сент-Экзюпери писал: «Зорко одно лишь сердце – самого главного глазами не увидишь... Глаза слепы, искать надо сердцем».

Почему те иностранцы, которые побывали в России, так безоглядно влюбляются в неё? Чем же она так восхищает их, что им хочется вернуться? Её достопримечательности, созданные руками людей или же самой природой русской? Что так тянет всех в Россию? Кажется, они и сами не знают... А может, не просто красота так притягательна всем, но ещё и душа нашей страны? Душа нашей матери, что возвращает столько веков героев, которые преданы ей и непобедимы в бою? Многие не могут сказать, за что они любят Россию. Иногда невозможно подобрать слов, чтобы выразить свои чувства. А может, они и не нужны... ведь любят не словами...

В чем же причина бессмертия Русской природы, красоты? Может, бессмертные сказки, хранящие в себе быт и душу русичей? Или, может, бессмертные Кощей и Баба Яга, что живут, прячась от глаз людских? Или память о великих людях, что породила или воспитала наша страна? Их бессмертные произведения? Или её собственная душа, которая является истоком всего, что есть на земле? Что есть тогда душа России?

И где она? Мне кажется, что эта душа безгранична. Ведь в каком бы самом отдалённом уголке мы ни находились, всё равно чувствуем любовь к Отечеству, душу России, даже будучи в других странах, мы тоскуем и всё ещё чувствуем её своим сердцем. Именно Русскую, родную нам душу. Она нас тревожит и успокаивает, волнует и любит. Мы должны быть ей благодарными за её тепло, за её любовь, щедрость, защиту, радушие, за её воспитание. Эта душа бессмертна, а пока жива душа – живёт и красота.

Мы живём в России. Мы живём Россией. Мы любим её, любили и будем любить всегда. Наши души вплетены в её душу, как цветы, вплетённые в девичью косу. Наши души неразделимы с её душой, поэтому нас так и тянет назад – на Родину. Стоя на площадке Эйфелевой башни или у Биг Бена, близ Великой Китайской стены или Пизанской башни, у египетских пирамид или Колизея, восхищаясь ими, мы так и хотим вернуться домой, где наше сердце будет согрето.

Валерия НОВИКОВА

*13 лет. «Бийский центр помощи детям,
оставшимся без попечения родителей»*

О САМОМ ГЛАВНОМ, что есть на свете

Эссе

Кто-то из взрослых и очень умных людей, правда, я не знаю кто, однажды сказал, что «детство – это самая счастливая и беззаботная пора в жизни человека». Но, на мой взгляд, это правило работает не для всех. Взять, например, меня и моих младших сестер – да, мы сейчас дети, но вот детство наше проходит не самым счастливым образом. И многим моим подругам тоже трудно назвать свое детство «самым счастливым периодом». Да, мы здоровы, сыты, нас учат и развлекают, нам предоставлено много возможностей в этой жизни, но назвать себя абсолютно счастливыми детьми мы не можем. А всё потому, что рядом с нами нет самых главных и дорогих людей на свете – наших родителей.

Дети, оставшиеся без родителей по разным причинам, относятся к потере по-разному. Для кого-то мама и папа – это вся жизнь, а кто-то считает, что жизнь без родителей даже лучше. У всех все по-разному, да и судьбы у нас тоже разные. Не всем повезло родиться в

благополучных семьях, но все равно, какими бы ни были наши матери и отцы и какими бы их теперь ни считали мои друзья и подруги, они, как могли, заботились о нас, проявляли к нам всю свою любовь и теперь это самые счастливые воспоминания нашего детства, несмотря ни на что! У некоторых счастье ушло в тот момент, когда не стало родителей, кому-то даже страшно об этом вспоминать, потому что гибель даже одного из родителей очень сложно пережить. Кто-то попал в аварию, кто-то погиб по другим, более страшным причинам; многие дети винят себя в смерти родителей, в том, что не спасли, недоглядели, не «достучались».

Может, это и правда, но этого уже не исправить.

В нашей стране для детей, оставшихся без попечения родителей, есть специальные приюты и центры, которые государство создало для того, чтобы заменить детям родной дом. Я и мои друзья, как никто другой, знаем, как хорошо и комфортно нам здесь живется. Нас здесь обучают, развлекают, возят в санатории и лагеря, стараются создать такие условия, чтобы мы были довольны и счастливы, но, несмотря на всё это, ни один центр или приют не в состоянии заменить настоящий родной дом! У меня есть подруги, которые оказались в таких центрах по разным причинам: у кого-то родители погибли в автокатастрофе, а у кого-то скончались от жутких болезней, но всё-таки у большинства из нас родители живы и здоровы, но вот воспитывать нас самостоятельно они уже не могут.

Мы все постоянно вспоминаем о своих родителях и пытаемся пережить свое горе, ведь это очень больно и обидно осознавать, что у твоего друга или одноклассника есть мама, а у тебя нет...Я понимаю, что на этом жизнь не заканчивается и нужно пытаться находить в себе силы, чтобы жить дальше. Многим из нас подбирают приёмные семьи, в которых детям живётся намного лучше и комфортнее, чем в приюте или центре, но бывает и так, что приёмная семья не может заменить настоящую, и тогда на душе будет тяжело от осознания того, что ты сейчас не со своей мамой, а с чужой женщиной. Иногда в школе от своих одноклассников я слышу о том, что у них не складываются отношения с родителями, что они их не понимают или не покупают какие-то дорогие и модные гаджеты, а кто-то даже говорит о том, что ненавидит своих родителей...Вот в такие моменты мне хочется кричать во весь голос о том, как они не правы! Ведь только потеряв маму и папу, начинаешь понимать, что никакие смартфоны или модные вещи никогда не заменят это ощущение неземного счастья и радости от прикосновения нежных маминых рук и что самое большое счастье на свете – это жить со своей родной семьей!

Алёна ИСКАНДАРОВА

*16 лет. МБОУ «СОШ №4 им. В.В. Бианки»
Педагог-куратор Вера Владимировна Руколеева*

ЧУДАК ИЗ ГЛУБИНКИ

Чистая деревенская улица, залитая ярким солнечным светом, вела в самую глубь села. Свежая майская зелень украшала обочины и радовала редких в столь ранний час прохожих.

Вот уже десять лет уверенным шагом по этой дороге добирался Пётр Ильин с окраины в центр села, где на пригорке возвышалось скромное одноэтажное строение, ранее именуемое Дворцом пионеров. Сейчас в этом здании работал только один кружок авиамоделирования. Несмотря на ветхость постройки, жизнь здесь кипела не только внутри, но и снаружи. Ребятишки с удовольствием прибегали к Петру после уроков (или перед ними), мастерили несложные летающие модели и запускали их, наблюдая с пригорка горящими от восторга глазами за полётом своих «детищ». Ильин умело воодушевлял мальчишек (и даже девчонок), и они с энтузиазмом преодолевали путь от простых технических расчётов до пробных запусков. Каждый рабочий день проходил в хороводе ребячьих рук и голосов. С детской искренней радостью воспринимал Ильин победы своих учеников на районных и областных конкурсах. Уже несколько лет он не получал финансирования и на свою (весьма скромную) зарплату закупал материал для моделей, по-мужски умело за свой счёт ремонтировал здание. Все эти затраты с лихвой окупались блеском в глазах деревенских ребятишек. Но вот окружающие его не понимали, называли, в лучшем случае, чудаком. Все его одноклассники давно уже осели в городе: кто-то занимался бизнесом, кто-то устроился поскромнее, но в родное бесперспективное село возвращаться никого не тянуло. Постоянно звала Петра в город и жена его Ольга. Она и без мужа несколько раз пробовала вырваться из глуши, но, понимая, что не потянет одна дорогую городскую жизнь, оставляла свои попытки. Радовал Петра толькомышлёный пятилетний сынок, уже в этом возрасте заболевший любовью к техническому творчеству. Долгими зимними вечерами рассматривал он с отцом красочные иллюстрации авиамodelей, и пытливый ум рождал многообразие вопросов, которое согревало сердце Петра.

Вот и сейчас, быстро шагая по-весеннему нарядной улице, Ильин думал о сыне, но эта мысль была прервана, когда, подойдя к зданию

любимой работы, Пётр увидел машину директора местной школы. Ему сразу показалось, что Ефим Борисович приехал для серьёзного разговора, но тот начал издали:

– Здравствуй, трудяга. Как семья? Огород, поди, уже посадили?

Поздоровавшись, Ильин ответил:

– Семья хорошо: никто не болеет. А с огородом справимся потихоньку. Но ты не темни, Ефим Борисыч, говори, по какому вопросу приехал.

– Так это... оптимизация: объединяемся, то есть. Здание теперь твоё к школе относится. Но ты сам понимаешь, что организация наша бедная, поэтому ремонт здесь не потянуть. Ну и тебе зарплату платить нечем, – директор развёл руками, а Пётр почувствовал, как земля уходит из-под ног.

– И что же мне теперь делать?

– Как что? Ты молод, тебе только слегка за тридцать. А что видел ты? Пару лет в городе проучился да ещё два года в армии, а потом всё здесь прозябал.

– Меня-то здесь всё устраивает!

– Устраивает? Да ты по восемь километров до работы добираться ежедневно! Поезжай в город, найдёшь место с лучшими условиями. О жене да о сыне подумай.

– А об этих ребятишках кто подумает? Они же ждут. У нас столько незавершённых проектов. Кто с ними-то будет заниматься? – растерянно спросил Ильин.

– Никто не будет, никому это не нужно. Ты один у нас чудак такой был. И добро своё забери отсюда. За летний период надо здание разобрать, а то совсем развалится, ещё покалечится кто-то на вверенной мне теперь территории. Срок у тебя до конца мая.

– Так это ж неделя всего... Неужели ничего нельзя сделать?

– Ничего! А вот тебе надо прививку сделать от всех этих сантиментов. Слишком уж ты чувствителен. Думаешь, ребятня долго тебя помнить будет? Да дети сейчас другие: и помнят, и любят они тех, кто добился чего-то в жизни да в начальники вырвался, а не тех, кто самолётики запускает и в заплатках ходит. Заканчивай свои чудачества! Для себя жить следует, для себя! – вскричал Ефим Борисович и встряхнул Петра за плечи.

Ильину нечего было ответить. Он стоял, глядя в безоблачное небо, безрезультатно пытаясь понять, как жить «для себя».

– Мне некогда: дел на сегодня немерено, – сказал уже спокойнее директор и сел в машину.

Пётр долго ещё стоял и смотрел, как оседает на дорогу поднявшееся облако пыли.

Весь оставшийся день Ильин чувствовал, как саднила душа, растерянно отвечал детям относительно планов на будущий год, так и не шившись сказать, что занятий больше не будет.

Вернувшись домой, он не застал жену и сына. Скорее всего, Ольга узнала об оптимизации (ведь деревенские новости разносятся быстро) и пошла делиться радостью с родственниками. Петру было тягостно находиться одному в звенящей тишине. Он сел за свой рабочий стол. Во всём доме было слышно только однообразное, убивающе невозмутимое

тикание настенных часов, а внутри Петра всё kloкотало, лопалось и разрывалось. Он чувствовал, как отчаяние гнетёт душу... За окном опустилась мгла, а Ильин всё сидел неподвижно, обхватив голову руками.

Оставшаяся неделя прошла в весёлых Ольгиных сборах и трогательных сценах прощания Петра Васильевича с детьми.

В последний рабочий день пятиклассник Максимка принёс рисунок, на котором очень реалистично были изображены ребята, окружившие своего любимого учителя.

– Это Вам на долгую память, а мы Вас никогда не забудем, – произнёс дрогнувшим голосом Максим и посмотрел на Петра Васильевича полными печальной искренности глазами.

Этот взгляд застывшей картинкой сопровождал Ильина всюду: и когда он собирал вещи, и когда вся семья отправилась ночным рейсом в город. Пётр ни на минуту не сомкнул глаз в старом трясушемся ПАЗике, смотрел на безмятежно спящую жену, поправлял постоянно падающую голову заснувшего сынишки и думал о том, что он сейчас простился не с работой, ведь она настолько плотно переплелась с его жизнью, что стала частью его самого. Он частичку себя оставил там, в селе. И как ему жить дальше, он не знал.

На рассвете въехали они в город. Первые солнечные лучи разбудили сынишку, и он принялся на запотевшем стекле рисовать самолёты. Пётр с любовью следил за движением маленьких пальчиков и ясно осознавал, что директор всё же не прав: пусть другие и живут для себя, а ему, как бы ни было трудно, нужно идти вперёд, нужно находить в себе силы и строить жизнь заново. Жизнь, в основе которой созидание, забота о подрастающем поколении и искренняя увлечённость любимым делом.

Анастасия ЕРОХИНА

17 лет. МБОУ «СОШ № 5». г. Бийск

СИРОТКА МАША

Приют встретил меня тоскливым одиночеством и холодом полуразрушенных стен, от которого кожа покрывается мурашками. Я прошел в полуоткрытые старые двери, на ходу стягивая пальто и фуражку, засовывая неряшливо перчатки в карман, чуть не обронив одну по дороге. Каблуки моей обуви четко отстукивали ритм, что оглушающим треском бился о стены, и я громко вздохнул от непонятных мне переживаний.

Вот, наконец, и нужные двери.

Несколько секунд я переводил дух, не решаясь постучать. Я прекрасно знал, что меня ждет за этими дверьми. Знал и предвкушал, и это

предвкушение волновало мое измученное сердце. Сжимая перчатки, я боролся с гаммой самых тоскливых чувств, навеянных воспоминаниями и видом этого здания. Мне было грустно до того, что я вдруг резко почувствовал недомогание, капелька пота прошла по моему наморщенному лбу, а кончики пальцев рук и ног похолодели.

Но я упрямо стоял, потому что дал обещание Витьке. Я до боли закусил губы, закрыл на несколько минут глаза и досчитал чётко, в одном темпе до ста. Прочитал пару любимых стихотворений, пропел куплет первой пришедшей на ум песенки себе под нос. И, наверное, выглядел как полный кретин, но это действительно помогло мне успокоиться.

Наконец я нашел в себе силы и решился. Аккуратно постучал, но мне никто не ответил. На этот раз я не испугался и сам открыл двери. Полусонные глаза нянечки встретили меня, обдав нежным теплом, на ее руках лежал маленький белый сверток. Ещё десяток малышей и детей постарше ютились в холодных кроватях, некоторые лежали по двое или даже по трое, чтобы было теплее.

Я остановился в нерешительности. Нянечка вопросительно подняла на меня глаза. После того, как мною была озвучена фамилия, лицо ее расцвело улыбкой. Я удосужился предупредить о своем приезде накануне. Мои попытки улыбнуться в ответ ничем не увенчались, улыбка вышла кривая, и мне вслед посмотрели как-то даже сочувственно. Я это отчетливо почувствовал. Ещё раз окинув взглядом сверток с младенцем на руках няни, я двинулся сквозь ряды серых, смятых кроваток, вглядываясь в лицо каждого ребенка, попадавшего мне на глаза. Как я её узнаю? Я ведь видел Машку только однажды, и то на фотографии. Витька показывал мне как-то, давно, ещё на фронте.

Измученные детские лица, казавшиеся слишком взрослыми для своих лет, вызывали жалость. Каждый раз мое сердце сжималось все больнее и больнее, когда я замечал суровые шрамы или ожоги, которые так не шли к нежной детской коже. А их маленькие тельца под потрепанными байковыми одеялами приподнимались, дыша, в пугающе мертвом спокойствии. Но они были живы. И тепло этой жизни, даже под воздействием пугающего образа, ощущалось отчетливо.

Я не ожидал, что дойду до нужной койки так быстро. Девочка, лет шести, спала одна в своей кровати в обнимку лишь с порванной в некоторых местах старенькой плюшевой собачкой. Вид этой игрушки заставил мои легкие тяжело и болезненно выпустить воздух в напряженном выдохе. Я сморгнул выступившие на глаза слёзы, присел на край кровати и несколько секунд напряженно теребил и ломал козырек фуражки. Мне было стыдно за свою нерешительность и страх, но я ничего не мог с собой поделать.

Наконец, только я решился разбудить девочку, малышка неожиданно шевельнулась сама. Её глаза сонно приоткрылись, губы дрогнули, и маленькая худенькая рука произвольно сжала уцелевшее ухо плюшевого друга. Маленькая Машка пролежала так несколько секунд, в сонливом непонимании происходящего, потом белокурая её головка повернулась в мою сторону, и я замер, встретившись с голубизной выразительных детских глаз.

Я поразился сходству дочери с отцом. Тот же вздёрнутый нос, с изредка разбросанными веснушками, как у Витьки, те же глаза, наполненные неприсущей такому маленькому человечку серьёзностью, светлые волосы, заплетенные в косички, и брови – все это было точной копией, отпечатком моего фронтowego товарища, умершего месяц назад в госпитале от тяжёлого ранения, уже после долгожданной победы. Что поделаться? Война... Я улыбнулся неловко, словно видел перед собой не его родную кровиночку, а самого Витьку, ладного светловолосого парня, с детски-наивным взглядом ясных голубых глаз. Девочка ответила мне тоже улыбкой, слегка растерянной и вымученной.

– Здравствуйте, – тонкий голосок был хриплым и тихим. – Вы кто?

– Я дядя Леша, друг твоего...

Я замолчал, не зная, что сказать дальше. Как сказать этой девчужке о её сиротстве, о том, что её отца больше нет? Она недослушала, соскочила с кровати, болезненно поморщилась, неловко ударившись о металлическую сетку. Я неловко улыбнулся, ласково пробормотав слова сочувствия.

– Мне говорили, что вы придете!

– Правда? Это очень хорошо, – я замолчал в смущении, не зная, какие слова найти дальше. Из головы вдруг исчезли все мысли, и осталась лишь пустота. Машкины нетерпеливые, совершенно отцовские глаза горели лишь желанием услышать об отце хоть что-нибудь. Я выругался про себя от безысходности. Как же я мог сказать этому ангелу горькую правду?

Девочка присела вновь на край кровати, та заскрипела. Не знаю, может, она поняла всё без слов, а может, лишь терпеливо ждала ответа, но приумолкла. Я тоже решил не поднимать тему, оставив для лучших (в данном случае – худших) времён. Лишь пробормотал:

– Твой папка попросил приглядеть за тобой, пока его... нет... рядом, – последние слова были сказаны мной с такой давящей горечью в душе, что я стиснул кулак, спрятав его за спину.

– Папка? – Машка удивленно распахнула глаза, потом нахмурила светлые брови. – Он приедет?

Девочка не дождалась ответа.

– А где же мы будем жить? Вернемся домой? – продолжала расспросы Маша.

– Нет, – ответил я. – Нет, пока нет. Поживешь у меня. Я думаю, тебе понравится. У тебя будет много новых друзей, своя комната...

Я не знал, что добавить еще.

– А наш дом? – требовательный голос Маши дрогнул. Казалось, она была не особо рада тому, что я расписывал в своих обещаниях.

– А дом... После будет, когда папа вернется. Хорошо? – девочка глянула подозрительно, надув губы. Потом, наконец, одобрительно, словно я упрасивал её о чём-то, с особым самодовольством пролепетала: «Ну, хорошо».

Как будто обдумывая что-то очень тщательно, Маша вдруг снова вспыхнула, глаза её загорелись, и девочка опять придвинулась ко мне ближе:

– Дядя Леша, – вдруг нерешительно попросила Маша. Я повернулся к ней и слушал с особым вниманием: – А хлеб у вас там... есть?

– Конечно... И хлеб, и баранки... да хоть что... Сейчас, сейчас, – заторопился я, вытаскивая из кармана трофейный шоколад, который нёс девочке. Немецкий.

Машка взяла несмело, развернула плитку, зашуршала звонко серебряной оберткой. Такое светлое воодушевление загорелось в моей душе, что стало трудно дышать. Но девочка нахмурилась.

– Хлеб точно-точно есть? – недоверчиво спросила Маша. Я попридержал свою радость, замер в замешательстве, потом мои губы предательски дрогнули от жалости к бедному ребенку, еще не осознавшему свое сиротство.

– Конечно.

– И вы не принесли? Ни кусочка?

Ну, конечно, зачем этому ребенку войны шоколад? Кусок хлеба дороже всяких конфет, особенно для того, кто никогда их и не пробовал. Только слышал в сетованиях няnek, в детских книжках рассматривал картинки или хранил довоенные фантики-закладки. Я грустно усмехнулся своим невесёлым мыслям. Осознание накатило с головой. Какой же из меня отец, если непорочные глаза ребёнка смотрят взрослее, грубее, серьёзнее?

– Хлеба хочется, дядя Лёша, – она прижалась к моему тёплому боку, и я обхватил ее покрепче. – Расскажите побольше обо всём... О доме новом, хорошо?

– Хорошо.

И мой голос шершавой колыбелью начал свой рассказ.

Владимир СМАГИН

14 лет. МБОУ «Николаевская СОШ», филиал «Новообинская СОШ»

Педагог-куратор Марина Валентиновна Фокина

ПАМЯТЬ ВЕЧНО ЖИВА

Всем огромный привет! Я, армейский штык солдата Ивана, который погиб в страшном, жестоком сражении 1943 года под Сталинградом. Меня откопали в 1950 году молодые ребята и бережно привезли сюда, в этот школьный музей Боевой и трудовой славы села. Я был ржавый, грязный, с каплями высохшей крови, но сейчас нахожусь в теплом, уютном, чистом месте, на центральной полке.

Наш музей – это обычный кабинет, в котором, кроме экскурсий, проходят уроки истории и литературы. Здесь мне не скучно, потому что рядом много экспонатов: фляжка, лопата, каска, нож. Это мои верные друзья. Когда я появился здесь впервые, очень волновался, слышал шипение и недовольный стук толстопузых глиняных кувшинов с нижней полки. Они толкали друг друга блестящими коричневыми боками и недовольно ворчали. А когда услышал громкий звонок на урок, то так испугался, что чуть не свалился на пол, но старая ржавая лопата справа меня успокоила и сказала: «Не бойся, это звонок для детей, а не взрывы, которые ты слышал с ужасом давно». Когда я услышал топот и увидел в первый раз учеников, то подумал, что они будут плохо с нами обращаться, но они стали протирать полки и стенды, а учитель им рассказывал про экспонаты, государства, войны, известных людей, героев, отдавших свои жизни во имя Родины. Когда дети оставались одни, конечно, громко шумели и иногда трогали экспонаты, говорили о том, как жалко им погибшего Ивана, которому я принадлежал. Зачастую они даже пугали меня очень громким смехом и визгом. Но вечером было тихо и иногда скучно, лишь приятно пахло историей. Полка, на которой я стою, находится около окна, его часто приоткрывают, и мне слышно пение птиц, шуршание листочков. А когда в окно заглядывают лучи солнца, то в кабинете становится светло и тепло. А экспонаты сразу начинают блестеть и делаются ярче. Мне очень нравится, когда про меня рассказывают, ведь мой хозяин – воин смелый и самоотверженный, погиб, защищая свою страну, и об этом должны знать все. Чаще всего, конечно, мы лежим без надобности, а дети играют или читают в этом просторном помещении, где на стенах портреты известных жителей села – орденосцев, участников ВОВ и ветеранов педагогического труда, но все же они обращаются к нам всегда с уважением и благодарностью.

Мне здесь очень нравится, думаю, что никому сильно не мешаю, ведь я небольшого размера. Очень рад, что попал в этот музей, где всегда теплая душевная атмосфера. Глядя на меня, вспоминают все отважного бойца Ивана, героически сражавшегося за свою Родину. Я очень хочу, чтобы не было больше войн, а только мирное небо и ласковое солнце заглядывало с улыбкой всем в окна.

Александр РОДИЧЕВ

16 лет, МБОУ «СОШ № 6»

НА ЗЕМЛЕ ШУКШИНА

Земля моя, что можешь ты взрастить?
Гречиху али рожь густую?
Но ничего не может погасить
В душе любовь к тебе людскую.
Зимой, когда природа спит,
Ты тихо дремлешь, отдыхая,
Тепло в тебе огнём горит
И жаждет наступленья мая.
Природы наступило утро,
По лужам бегают шальная детвора,
Шукшин сидит и вдаль взирает мудро –
Настала вдохновенная пора.
Пропитан воздух летним зноем,
На солнце нежится зелёная трава.
Творец судьбой земли обеспокоен,
Задумчиво опущена глава.
С деревьев листья полетели,
И птицы устремились вдаль.
Чредой идут унылые недели,
За окнами тоска, печаль.
И где бы ни был ты,
Повсюду видишь дали,
Простые, но красивые черты.
Ты веришь в то, что листья не опали
В забытом памятью краю мечты.

Виктор НЕВЕРОВ

*14 лет, «Бийский центр помощи детям,
оставшимся без попечения родителей»,*

БАБА МАША

Вечерами алтайскими стелется
Дымка возле степного села,
Баба Маша, соседка, надеется:
«Мил, Господь, ещё б год прожила».
И герань на окне её домика
Расцвела ярким цветом опять,
И надежды осталась лишь толика, –
Снова ей поезда провожать.

Покосился забор у околицы,
На бурьяне ночная роса,
И, читая молитвы глаголицы,
Поспешит, есть ещё полчаса...
Полчаса до стоянки минутной,
До мизерной надежды её, –
И опять на машине попуточной
До пролеска через жнивье...
На погост к старику Николаичу
Прибежит – упадёт и навзрыд...
Накрошит воронью калача ещё
И под вечер к домишку спешит.
У свечи пред иконой Матрёниной
Прочитает христианский завет
И с надеждой, почти похороненной,
Лампы восковой выключит свет.
А предтече истории давнее:
На Афганских суровых горах
Николаич-солдат, так бесправнее,
Был расстрелян в цветущих полях.
А сынишка Матвей, отслужив уже,
Послан в огненный батальон,
И пропавшим числится на рубеже, –
В лике памяти матери он...
Так и ждёт баба Маша усталая
У вагона его каждый год,
И печали рубцы на кровавая
Ей уснуть по ночам не даёт.

ПРИЕДУ К БАБУШКЕ В ДЕРЕВНЮ

Среди полей в тумане стойком,
Идя по утренней росе,
Неподалёку слышал сойку,
Что пела в лесополосе.
Я оглянулся – пред глазами
Стояла русская сосна,
К ней подошёл, обнял руками
И вспомнил слово «Родина»...
В моей душе большая гордость
За русский дух и за страну.
В ней стати мощь и непокорность,
Здесь чтят и помнят старину.
Приеду к бабушке в деревню,
Раскинусь и вздремну слегка, –
Воспоминаньям детства внемлю,
Попью парного молока.
Устал от городского шума,
От резкой громкой суеты,

От безнадёжного разгула,
От запыленных глаз мечты.
Зайду в церквушку близ погоста,
Душой приму святой урок,
И под лучом багряным солнца
Ветшалый окроплю порог.
Приеду к бабушке в деревню,
Она прозрение несёт:
Природы миру свято внемлю, –
Глубинка Родину спасёт...

ДЕРЕВЕНСКИЙ ВЕЧЕР

Зайду в чулан, возьму пальто,
Накину и пойду гулять.
Ногами стаптывать газон,
Дождливым воздухом дышать.
Смотрю, уж вечер на дворе,
Но на природу сильно тянет,
Взгляну на пух от тополей,
Берёзку обниму руками...
В июльский вечер ненароком
Не замолкает птичий гам:
Всё трясогузки да сороки
Спешат куда-то по дворам.
Пройду и я вдоль метров сто,
Увижу поле, мяч, ворота,
Но не играет здесь никто,
И мне сегодня неохота...
От поля поплетусь к реке
На глади вод блины пускать,
Увижу там невдалеке –
Сосед идёт грибы искать...
И надышавшись кислородом,
Пойду уставшим спать домой.
С деревни я, с Алтая родом,
Алтайский край – мой край родной.

ВЕСНА

Посмотри, какой блеск выдают
Наши горы, леса и поля –
Это края родного уют
Породила Алтая земля.
Спину ветер сквозной продувает,
Но весной нет желанья болеть:
– Куда спрятаться?
– Кто его знает?..

Вот и дальше придётся терпеть.
Утром холодно, лёд промерзает,
На восходе является солнце,
И дорогу ручей омывает,
Лужа – зеркало, воздух – оконце...
Край родной и великая Родина
Мне надежду внушают сполна,
И в ответ по-сыновьи заботливо
Нужно время отвести им для сна.
Наберут они за зиму сил,
И природа быстрее оживает...
Дождь весенний заморосил,
Он покровы зимы омывает.
На стволах заживляются раны,
Всё свежее лесная трава,
Возвышаются почек курганы, –
Благосклонно приходит весна.

Артём БОЯРОВ

17 лет, «Бийский лицей-интернат Алтайского края»

ЭГОИЗМ

Рай на Земле есть,
Просто он не по наши души.
Нам снова выпали шесть
Причин не делаться лучше:

Первая? Страхи, наверное.
Мы боимся себя и мнений.
С годами растёт непомерное
Избегание ответвлений.

Всё быть должно и возможно,
Исключительно, в чьей-то системе,
За нас кем-то заложенной,
Непонятой. Принятой всеми.

Вторая причина – жажда.
Нам всего и всегда не хватает.
Где не нужно, мы думаем дважды,
Надеясь, что время не тает.

Третья причина – злоба.
На кота, на друзей, на родных.

Мы злимся на всех без разбора,
С детства до самых седых.

Четвёртая в списке – зависть.
Нас сблизила ненависть к сильным.
В великих минутная слабость
Никогда нам не кажется мигом.

Им стоит лишь раз оступиться,
Запнуться об свой же шнурок,
И нам до конца будет сниться
Этот «смертельный порок».

Пятая? Конечно же, ложь.
Мы пытаемся врать даже Богу.
Перед зеркалом пряча дрожь,
И себе мы врём понемногу:

Что завтра мы будем лучше,
С понедельника новая жизнь,
Что город совсем не душит.
Под очами привычная синь.

По ночам мы давно уж не спим.
Мы устали от жизни и книг,
Что пытаются сделать другим
Почерневший и выгнивший мир.

Шестая причина – люди.
Виноват, кто угодно, не я.
Уж слишком с вами мы любим
Беспощадно и нежно себя.

Но пусти ты всё это сквозь призму.
Посмотри на себя под углом.
Ты увидишь лишь эгоиста,
Что ищет причины в другом.

НОЧЬ

Я – сломанный механизм.
Не часы и не метроном.
Я состою из призм,
Из переменных норм.

Вам-то покажется странным,
Но я жизнь живу наугад.
Не имея в душе константы,
Всегда говорю невпопад...

Я восхищаюсь Ночью.
Её платье – система звёзд...
У неё непрерывистый почерк...
Немая художница грёз.

Она обнимает холодом,
Чёрной вуалью волос.
И забирает молодость
Поцелуем, что был не всерьёз.

Она коронует голову
Полумесяцем белой луны.
На всех наступает поровну,
Выпивая людей и огни.

Её лик убелённее снега,
Ланиты рубином дрожат,
Перья ворона тьмою у века,
Что сокрыло вечерний агат.

Я жду, чтобы Ночь осталась,
Я бы стал от Неё считать.
Я хочу, чтобы Ночь осталась...
Я люблю...
Не могу признать.

С НЕЁ СОТВОРИЛИ МИР

С улицы тянуло костром,
Мне весна наступала на пятки.
Хотелось опять босиком
Бежать по траве без оглядки.

Похоже, я снова влюблён
В бессонное воинство звёзд.
Я снова по-детски пленён
Той, что бежала из грёз.

Она с неба послана Богом
Сделать счастливым того,
Кто о крыльях мечтал понемногу
И свято верил в Него.

Она послужила натурой
При сотворении Мира.
С Её ваяли фигуры
Райское нежное диво.

Её косы мне кажутся солнцем,
А в улыбке сокрыта весна.
От слёз Её море солёно,
А в звёздах – Её нагота.

Я воспеваю реки
В бездонных девичьих очах.
Теперь лишь в одном человеке
Я вижу начало начал.

Анжела ИВАНОВА, 15 лет

ЗНАМЕНИТОМУ ЗЕМЛЯКУ

Гора Пикет под Бийском, Сростки...
Здесь он родился – наш Шукшин.
Здесь бегал босиком подростком
Под грохот тракторов, машин.

Здесь в страшные сороковые
С сестрой и мамой ждал отца.
Не дождались. Но даже в горе
Не очерствели их сердца.

Он рано повзрослел – так вышло:
Уж слишком сложной жизнь была.
А повзрослев, оставил Сростки –
Мечта в дорогу позвала.

Но и живя в самой столице,
Село родное не забыл.
О нем писал в своих рассказах,
Его он помнил и любил.

Успел и сделал он немало:
Учитель, сценарист, актёр,
Писатель (Мастер!), режиссёр –
Он свою Родину прославил!

*Публикацию подготовил
Дмитрий КАЮШКИН*

«ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦА, ЦАРИЦА НЕБЕСНАЯ – ЭТО И ЕСТЬ НАША РОССИЯ»

В журнале «Бийский Вестник», на родине великого Василия Шукшина, публикуется произведение Елены Крюковой «Знаменный распев».

О чём новая работа поэта? Как она соотносится с жизнью старой России, Древней Руси, с её символами и традициями? В чём её новизна и архаичность? Как этот текст вписывается в непростую жизнь современной культуры? Об этом беседуют поэт, прозаик, сценарист Владимир Хохлев (Санкт-Петербург) и поэт, прозаик, культуролог, автор «Знаменного распева» Елена Крюкова (Нижний Новгород).

– Елена, что натолкнуло вас на мысль – создать именно такую вещь? Книгу, где русская архаика переплеталась бы с насущными, остро-болезненными вопросами нынешнего времени, где личное мгновенно становилось бы соборным?

– Владимир, это удивительная траектория жизни, судьбы. Чем дальше ты движешься по дороге жизни, углубляешься во Время, тем больше тебе раскрывается и прошлое, древние драгоценности и воздух родных стародавних обычаев, и будущее, которое без прошлого ведь не может существовать. История – мать, голова всему, всем процессам Земли, и научным, и культурным, и бытовым. Но я даже не про важность истории и нашего взгляда в глубины веков. Я про своё ощущение Времени. А внутри него – религии, веры, Бога. Народа без Бога нет. Это моё убеждение. Есть много людей, которые легко могут меня опровергнуть – с точки зрения философии, психологии, социологии. Но великое чувство Бога для меня безусловно. Оно сильнее меня. Да, это народное, соборное чувство – вера.

А «Знаменный распев» явился на свет ещё и как продолжение моей музыки. Жизни в музыке. Я, музыкант по первой профессии, годами жила в необъятном море древнерусской богослужебной музыки, сама пела в храме – и занимаясь в Консерватории, и позже, когда ушла в литературу. Церковная служба – это синтез: слово звучащее, музыка, порою абсолютно надмирная, поднебесная, и, конечно, свет и цвет. Лазурный хитон Богородицы, алые одежды Господа Христа на Голгофе, чисто-белые, сияющие – при Преображении Господнем... густо-синяя, с золотыми звездами, космическая, Вселенская роспись купола... Мир под храмовым куполом звучит, дышит, трепещет, поёт. Преображается. Мне до боли захотелось успеть спеть свой личный Осмоглас. Создать свое Демество – из мотивов пережитого, пройденного. Вот так отважилась на этот, прямо скажем, непростой труд.

– Но ведь вы не повторяете древние богослужebные тексты, только берёте их эпиграфами к стихотворным массивам, и иной раз в поэтической ткани всплывают фразы, обороты из канонических кондаков, тропарей, ирмосов, стихир...

– Перед каждым стихотворением я даю фрагмент из песнопений канонического Осмогласия. Помещаю его перед авторским лирическим высказыванием именно потому, что мне важно тут стать живым зеркалом – отразить собой Время, но отразить его уже по-иному, нежели это было там, в глубине веков, быть может, более нервно, неистово, трагично... С другим словесным рядом, внутри иной, авторской лексики... В этом тексте много оттенков, контрастов, то форте, то пиано, то перламутровые, неуловимые переливы внутренней динамики. Я побыла здесь – от всей души! – гораздо более музыкантом, певицей на клиросе, нежели свободным поэтом.

В самой стиховой моей славянской вязи тоже там и сям всплывают древние слова. Здесь без них нельзя. Это живая, необходимая архаика. Это как Леонардовское sfumato, воздушная дымка вокруг предмета или явления трёхмерного мира.

Для меня словесная русская, древнеславянская архаика – это настоящее чудо. Она свята, священна, музыкальна, неизъяснима, она связует Мiры – дольний и горний, землю и небо.

И в то же самое время «Знаменный распев» – текст глубоко дышащий, свободный. Я, насколько это возможно в подобной вещи для русского верующего человека, оказалась свободна от строгих канонов, от вереницы необходимых и традиционных внутри храма запретов; ведь эта книга – не богослужebная, не молитвослов, а книга поэта; и, думаю, это не грех, а обыкновенное рабочее состояние художника. Если ты не смелый, если ты осторожно и хитро подкрадываешься к изображаемому или робеешь нарушить некие предустановленные правила, ты перестаёшь быть художником и впадаешь в церковную риторику. Риторических, похожих друг на друга текстов о Божественном и Боге – сколько угодно. А важно художником пребыть – и остаться.

Свобода не означает анархии или открытой, грубой ереси. Свобода в искусстве – необходимое условие его жизни. Иначе оно дышать не станет.

Тут важно понять одно: «Знаменный распев» не храмовое пространство, а пространство искусства.

– Вы упомянули о музыке, о том, что это произведение для вас напрямую соотносится с ней. Скажите, Елена, удастся ли вам работать с музыкантами, с композиторами, которые поддерживают вас своим искусством, пишут музыку на ваши стихи, а быть может, на прозу?

– Владимир, замечательный вопрос! Много лет в моем авторском арт-проекте «Театр Елены Крюковой» я сама играла – рояль, орган, – и сама пела песни на свои стихи. И мне меня-исполнителя, в этом контексте сочетания искусств, уже было мало. Однако Бог есть, и Он услышал мои молитвы – недавно мне были посланы судьбой великолепные

музыканты, композиторы и исполнители – из Новосибирска, Москвы, Нижнего Новгорода... Уже мы сделали ряд концертов в Москве и Нижнем в 2023-м, договорились с прекрасными залами на этот год. В концертах прозвучит и «Знаменный распев» – премьерные показы мы уже сделали с композитором и певицей Светланой Дьяковой...

– Елена, в чем вы видите жизнеспособность, жизненную силу русской церковной архаики? Разве церковнославянский язык такой уж понятный? Как языковая сила древности воздействует на современную лексику, иллюстрирует современную символику? Или тут только колористический момент, экзотика старины?

– Конечно, не только! Я просто влюблена в мощнейшую русскую архаику. Любимые книги – с детства! – Библия на церковнославянском, «Слово о полку Игореве», «Житие Авраамия Смоленского», «Слово о погибели земли Русской», «Сказание об Индийском царстве»... Прабабушкины Четьи-Миней... Псалтырь, над которой просто трясусь, множество псалмов пою внутри себя, на тайную музыку свою... «Житие протопопа Аввакума» наизусть знаю. И горжусь невероятно, что он наш, что тут, рядышком с Нижним, в селе Григорове, родился... Вторая фреска «Знаменного распева» – «Демество» – создана внутри свободной ритмики и образного насыщения древнерусского силлабического стиха и Аввакумовой словесной музыки. Вдруг я стала интенсивно, с превеликим наслаждением и радостью жить внутри этого родного, канувшего в вечность мира. Этой утраченной жизни. А может, не вдруг! И не утрачена она! Она, Древняя Русь, – это мы. И, как можем, мы несём этот факел дальше. По иным временам.

Считаю, что архаика – не изысканная интеллектуальная приправа, а подлинная, могучая жизнь языка, народа, только тайная, не публичная. Да ведь и церковь, вера – это личная, сокрытая тайна души. Церковь объединяет народ не снаружи, а изнутри. И этот процесс для меня согрет мощью языковой и храмовой архаики; это и есть та опора на вечность народа, которая сейчас всё больше будет вставать на место идеологии.

– Елена, будете ли вы делать запись концерта «Знаменный распев» вместе со Светланой Дьяковой?

– Такие записи уже существуют! Вместе с нами ладья «Знаменного распева» плывёт по бурному морю наших дней и по алмазным снегам баснословных веков. Пусть звучит заново рождённая, возрождённая наша святая архаика, и пусть дерзкая новация современного литературного бытия не заслонит от нас Серафима Саровского, Нила Сорского, Евфросинью Полоцкую, Ксению Петербургскую. Господь Бог наш – это наше небо, купол над головой. Пресвятая Богородица, Царица Небесная – это и есть наша Россия.

Елена КРЮКОВА

ЗНАМЕННЫЙ РАСПЕВ

Фрагменты

– Ирмосы канонов Св. Пасхи «Воскресения день, просветимся, людие»

– Воскресения день, просветимся, людие: Пасха, Господня Пасха!
От смерти бо к жизни, и от земли к Небеси, Христос Бог нас преведе,
победную поющая.

Христос воскресе из мертвых.

Очистим чувства, и узрим неприступным светом воскресения Христа
блистающая, и радуйтеся рекуща ясно да услышим, победную поюще.

Христос воскресе из мертвых.

Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует
же мир, видимый же весь и невидимый: Христос бо воста, веселие вечное.

* * *

Воскресения день, просветимся, людие!
Я Миръ ваш безбрежный несу вам на блюде –
Беспредельный, бесщётный, бесстрашный, бессмертный:
Упованный, упорный, безумный, безмерный.
Вся толпа, да, под куполом мощным и грозным –
Замалёванным синью святой, многозвёздной,
Каждый лик то в потоках солёных рыданий,
То улыбкой горящий во мраке преданий...
Люди, люди! Округ изумлённо толпитесь.
А вас солнечно вяжут сиянием нити –
Тот полярный уток, тот – в зените – мафорий,
Серафимы крылатые в чёрном просторе...

Елена КРЮКОВА, прозаик, поэт, искусствовед. Родилась в Самаре. Член Союза писателей России и член Творческого Союза художников России. Профессиональный музыкант: пианист, органист, выпускник Московской консерватории им. П.И. Чайковского. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького, семинар А.В. Жигулина. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат многих литературных премий. Создатель авторского «Театра Елены Крюковой».

Живет в Нижнем Новгороде.

Я во храме стою! Среди вас, дорогие!
Всяк одеждой окутан – сердца лишь нагие,
Дорогие, стучат обречённую кровью:
Колыбельным левкасом – к небес изголовью...
Всяк мне дорог, хотя никого тут не знаю!
Человек или зверь, или роза шальная
Запредельного снега, посмертного лика,
Вспоминального века, последнего мига!
Всяк мне близок – слепым волосёнком на коже,
Кто со мною стоит?.. именую Тя, Боже!
Ты вот в этом, в ушанке замурзанной, старце –
А в кармане – бутылъ – для сугреву – что Святцы...
Ты вот в этой лукавой, две коски, девчужке –
Тонких русских кудряшек сосновые стружки:
Привела её бабка под купол за ручку –
Ах, смертельно больную, любимую внучку...
Ты вон там, далеко, у планетной апериды,
Все кометами вспыхнут немые обиды –
Тихо крестится, плачет мужик бородатый,
Будто завтра, в метели, идёт во солдаты...
Да мы все, о, мы все во солдаты уходим!
Мы ревём при народе! Блажим при народе!
А расстреляны – вспыхнем безвинным весельем,
Неприступным, победным костром Воскресенья!
Вы не бойтесь, мои легкокрылые люди!
Непомерно-грядущее мёртвых разбудит!
Вот катит из-под купола – раннюю ранью –
Так давай же обнимемся, до задыханья!
Всяк из нас хоть во Пасху – и любит, и верит!
Всяк из нас хоть во Пасху не помнит потери!
Вот монахиня рядом тихонечко плачет –
Обнимаю её всей душою горячей,
Так притисну к груди, жизнь мою удалую,
Троекратно, прощально и встречно целую!
Вы родные мои! Ледоходные льдины!
Вы пройдете, растаяв – а непобедимы!
Я девчонка, юница, старуха меж вами –
Обнимаю вас крепко огнями-руками!
Осенённо крещу вас кострами-глазами!
Обливаю слепыми дождями-слезами!
Вы собор мой, ночной, незабвенный, суровый,
Праздник мой, налетающий снова и снова,
Купол мой, раскрывающий Рая ворота,
Стон и смех мой, звезда золотого полёта!
И, пока мощный хор нам гремит Аллилую,
Я тебя обниму, я тебя поцелую –
Мой Пасхальный, погибший в пылающих войнах,
О, воскресший мой Миръ, так улыбка спокойна,

Мой скуластый, в поту, седина и ушанка,
Уходящий в бессмертие с нищей гулянки,
Ну же, шаг лишь ко мне деревянной ногою,
Пуст рукав, пусть я буду твоею рукою,
Твоей памятью, светлой водою ирмоса,
Твоей заметью северной, белые косы,
Бормотаньем твоим и спиртовым дыханьем,
Всем забвеньем твоим, всем твоим вспоминаньем,
Видишь, дед, обняла тебя крепко, навеки –
Крепко небо! Целуемся мы, человеки.
И никто нас на куполе том не напишет.
И никто не поднимет нас выше и выше.
Стой себе на земле, обнимайся с родными,
Бормочи, умирая, любимое имя.
Повторяй, воскресая, предвечную ноту
В лучезарном кондаке большого полёта!

...и во храме пред тем стариком на колени
Я встаю, посередь заревых песнопений,
Многоликого хора, толпы моей кровной,
Деревянная церковь, тяжёлые бревна,
Светозарная роспись, рекой льется фреска,
Мой ты бакенщик, бедный рыбак, где же леска,
Обвяжи нас, Господь, Твоей сетью насущной,
Я лишь рыба Твоя, во народе плывуща,
Я лишь свечка Твоя, блюдо паникадила,
Я сандаля Твоя, я с Тобою ходила
Вдоль по нашим снегам, по чащобам печальным,
Дай мне нынче во храме кулич Твой Пасхальный,
Кус мне радости дай, что для всех, для народа,
Для любви, для ее непостижной свободы.

**– Ирмос канона Рождеству Христову «Христос раждается, сла-
вите»**

*– Христос раждается – славите! Христос с Небес – срящите! Хри-
стос на земли – возноситеся! Пойте Господеви, вся земля, и веселием
воспойте, людие, яко прославися.*

* * *

Мой род и род. Как всё, как все, прейдет.
Мой древний род, во время уходящий.
Мой солон рот. Опять иду в поход –
За днесь любимым, вечно настоящим.

О, божество, мой Род. О как же ты силён.
Из тыщи лиц. Палит их смех, и слёзы
Текут по ним, в ночь родов, похорон,
В ночь войн и во грядущие морозы.

Мой род... Я вижу сотни, тысячи фигур.
Я зрю толпу, затылков миллионы.
Они идут, тьма умников и дур,
Тьмы тем юродивых, пророчеством спалённых.

Мой род... Катает тесто на столе,
О, на доске, в муке, святая бабка
Моя... Очки на лоб... читала на земле
Акафист Ксенье Петербургской, ёжась зябко.

Мой род... Отец мой. Палуба стальная корабля.
Ещё не живописец, не художник,
А штурман-рулевой. Вдали земля.
Неравный бой. И он, ещё безбожник,

А имя Бога шепчет... на губах
Мальчишских – имя – пламенем победы...
И палуба кренится. И во льдах –
Мой призрак – Время – страшную торпедой.

Мой род! Ах, тётки в ситчиках мои
На танцплощадках, и баян играет...
Ещё не знаете вы – от любви
Кто воскресает, кто и умирает!

Мой род во мне рождается – Христос:
Пока жива, пока шепчу словами
Вас всех... вся изойду лучами слёз,
Раскатанная тестом между вами,

Печённая блином и беляшом,
Вся выпитая грозной рюмкой водки,
Забыта в зимней баньке я ковшом,
Я вбита, гвоздь, в сапожную колодку,

Снарядом всажена в орудие войны –
Да чтобы победить!.. и порвана струною
В моём рояле, чтобы видеть сны,
Чтоб всё сыграть, что деялось со мною...

Мой род... я лишь твой алый, талый рот...
Да старческий уже... в морщинах-сетях...
Кривится он... о счастья поет...
О том, чего не будет уж на свете...

Но и о том, что только лишь придёт!
О том крылатом Ангеле, что снидет
И раскатает тесто, и замрёт
Над белою мукой, и вдруг увидит

Над колченогим кухонным столом
Меня – с очами византийских списков,
А дома нет, пошёл давно на слом,
А океан нахлынул слишком близко,

На стёкла окон – бешенством снегов,
Волнами вьюги горестной и кроткой...
Родные, вот она и вся любовь,
Всё масло, соль, равнина сковородки...

– Тропарь Нерукотворенному образу «Пречистому Твоему образу поклоняемся, Благий»

Пречистому Твоему Образу поклоняемся, Благий, просяще прощения прегрешений наших, Христе Боже: волею бо благоволил еси плотию взыти на Крест, да избавиши яже создал еси от работы вражия. Тем благодарственно вопием Ти: радости исполнил еси вся, Спасе наш, пришедший спасти мир.

* * *

Ах, обнять бы всех!.. времена на смех
Не поднять... таковы неисходные...
По дороге идти между мук и утех...
Поминая шаги Господние...
Ах, да смейтесь вы!.. не сносить головы.
Хулиганила, непотребничала,
Во грехах, что гуще черной травы,
Все валялась – пьяной царевною...
Ах ты, путь мой, путь!.. Вот возьму на грудь
Я тебя, мой путь, – истомилась!..
Так мне больно, путь... отдохну чуть-чуть...
Дай забвения сладкой милости...
Шире руки раскинь!.. Вьется синь-полынь
Да по ветру – вьюгой серебряной...
Я кричу: отзынь!.. визг: на кичку сарынь!..
Глотку жгу напевами древними...
Да, я древняя вся! И живу, не прося!
И живу, на ветру скитаючись!
Утром щиколки мне целует роса...
Плачет тучею небо усталое...
Ах, иду-иду!.. Сколько раз в году
Вы в меня – то снежки, то булыжники?..
А мою ли песенную страду
Не услышите, вы, чернокнижники!..
Я и солнечных книг, я и лунных книг
До пяти смертей начиталась...
А ко мне щекой снег седой приник,
В лучезарной, холодной жалости...

Ах ты, снег мой, снег!.. Может, ты человек!..
Лишь под коркою льда блестящего...
Да и я человек!.. Да и Мирь – человек!..
До конца своего... настоящего...
Да и Бог – человек!.. не умрёт вовек...
А умрёт – воскреснет... под пыткой...
Вот он, свет мой, свет из-под тяжких век!
Век, зашитый белою ниткою!
Вот погибель моя!.. А танцую я!..
Шире, шире руки раскинула!
Эх, народ-народ!.. вся моя семья!..
Серебристый мой ствол осинового!..
Иглы сосен-пихт!.. я – живая пицаль –
Вдоль по рельсам, да по серебряным!
Мне канатом – сталь! Ничего не жаль!
И ни верности... и ни ревности...
Образ Твой Пречист... Боже, палый лист...
Боже, светишься весь прощением...
Там, за далью рельс, Ты для всех воскрес –
Из кадила времен каждением!
Наваждение мне... ах, гореть в огне...
Я согласна, в мешке-моем-рубище –
Вдоль по рельсам идти, Боже-Боже, прости,
Всерыдающей и вселюбящей!
Я устала молчать! Я хочу кричать!
На весь мир Твой, Боже, неистовый,
И босою стопой прожигать Твою гать,
Мчатся по ветру медными листьями!
Я согласна всем – да, всем! – умереть!
Каждой кошкою, каждой мышенькой...
Всем родиться! Всеми глотками петь!
Не споешь всего... не надышишься...
Ах бы, жить да жить!.. Целый век или два!..
Что за шум за спиною?.. поезд ли?..
Ах, задавит... и пусть... я останусь жива
С нежным, Живым в помощи, поясом...
Ах, сомнёт – и пусть... и не обернусь...
Голова не гола – свечусь кикою...
Не мешок – парча... низка перлов-бус...
А рубины с плеча – земляникою...
Не руби мя сплеча!.. я ж твоя свеча...
Я ж ещё погорю... не гаси меня...
Дикий, смертный гудок... как жизнь горяча...
Только пламя... ни воли... ни имени...
И на рельсы серебряные так упаду,
Распластаюсь... снега узорные...

...задавили бродяжку... загасили звезду...
Безымянную... беспризорную...

* * *

Ты мой маленький, щеник мой, гриб-боровик,
Ты ведёшь через жизнь мя, прекрасен твой лик,
Ты ведь Ангел, кудрявый ты мой Ангелок,
Видишь, алым окрасился нежный Восток,
Ты ведешь мя, мой свет, через Ад, через Рай,
Ты мне шепчешь неслышно: тётенька, не умирай,
Ты такая ведь добрая... знаю, грешна,
Кто не грешен, а жизнь драгоценна, одна...
Он мой маленький Данте, рыбацкий костёр,
Через реку мой брод, мой святой Христофор,
Мой младенец Христос, Миръ не зрю я от слёз,
Нежный шёпот, мой ландыш, сквозь осень пророс,
Он качается, тает позолотой икон,
Знаком ИХТИС, ладьёй, где индиговый звон
С колокольни над ясной закатной рекой,
Он ведет мя, он мне в руку вцепился рукой,
И послушно за ним я иду, я молчу,
Жги, мой Ангел последний, надежду-свечу,
Нам осталось гореть, нам осталось идти
Лишь вперёд, жизнь сжигая в горячей горсти,
Ты веди мя, мой Ангел, туда лишь, вперёд,
Где никто, о, никто никогда не умрёт,
Ну а я, так и быть, я согласна, умру,
Улечу я листвой на осеннем ветру,
Золотого сиянья у небес не отнять,
Ты веди мя, мой сын, свою бедную мать,
Я покорно молчу, я иду за тобой,
Повторяя кондак пересохшей губой,
Повторяя тропарь кровеносной душой,
Повторяя любовь обожжённой рукой.

– Тропарь священномученику Пантелеимону «Страстотерпче святыи»

Страстотерпче святыи и целебниче Пантелеимоне, моли Милостиваго Бога, да прегрешений оставление подаст душам нашим.

* * *

Тебе Богом дана эта земля – её повоюй!
Ты её расстреляй с корабля потоками струй
Лютых стрел! Ты не пел её гимны – учи!
Стань дрожаньем сиротской её свечи!
Слышишь ты... не молчи...

Захвати её силой. Мужчин – мечом
Порази. Её дев носи за плечом,
На загорбок взвали и тащи туда,

Где солёная, слёзная плачет вода,
Где в огне города.

А детей и скот ты добычей бери.
Этот стингер, он жжёт её изнутри,
Этот шаттл, ножом-крылом режет вдоль
Море, вопли и соль,
Всю чужую юдоль.

А любовь – тож набег! Всяк войною спалён!
Ниневия, Ассирия и Вавилон!
Ты крылатых быков на закланье кидай,
Пусть твой жертвенник кровью залется в край,
Что стоишь-то? Стреляй!

Как стремглав подчиняешь святые края!
Вот, мой царь, все первейшая радость твоя!
Вся услада последняя! Зевы могил!
Зри лежащих, недвижимых... о, ты их убил.
Счастье! Ты победил!

Боязлив, малодушен... серей, чеммышь,
Перебил тьму народу... ты просто мстишь.
Пережёл тучи туч пеших сириян...
Потерял счет казням, от крови пьян...
Чу, труба... Иерихон... туман...

Ах, война, прегрешенье, зловещий марш!
Ритуал Голиафа, полночный фарш,
Мясорубка и крики, и копий лес,
И с зенита – кровь – стеною, отвес,
И не жди чудес.

Рукопашная. Парни с размахом плеч.
И друг другу под ребра вонзили меч.
Ты стоишь и глядишь, во жужжанье стрел.
Ты приказ им отдал, будто песню спел:
Им не быть – повелел.

Наступи на шею ему, врагу!..
Попирай!.. Повесь его на суку!
Сладко так рыданье народа испить,
Оборвать пуповины кручёную нить.
Навсегда – отомстить.

Ты стоишь. Округ головы – дымы.
На тебя взираем безумные мы,
Все в кровище, лохмотьями – камуфляж,
За спиной – гора Фавор, вечный страж,
Что молчишь... вождь ты наш...

И внезапно откуда-то, будто плот
Наплывает живой, весь живой идёт

Человек и держит крепко в руке
Свет, он рвется на мировом сквозняке,
Гаснет, гибнет в тоске.

Ближе, ближе. Нет, то не светильник! Сосуд
Красной глины. Так снадобье к ранам несут.
Так к далёким странам плывут ладьи,
Чтоб спасти, чтоб в горсти унести
Боль и стоны твои.

Ближе, ближе! Подходит он вгрань и вплоть.
Тихо шепчет: меня вам послал Господь
Из иных пламён, из глухих времён,
Развернул плодом из ночных пелён,
Я один. Утомлён.

О, ты волен сто раз меня, царь, убить.
Я тебе никто. Разреши, дам пить,
Наложу повязки на раны нам –
Насекомым, людям, птицам, зверям,
И богам, и царям.

Как тебя зовут? А тебя... в ночи
Средь в крови убитых – живой, не молчи!
Я хочу твое имя навеки знать!
Повторить, и любить, и плетью стегать,
И с тобой – умирать!

...и стоял пред царём царь грядущих лет,
Паренёк кудрявый, худой, на просвет,
Тот военный скелет, тот святой обет,
Тот в ладони зажатый предвечный свет,
Все изрезаны камнем босые стопы,
Удивленно идут от судьбы до судьбы,
Тот бродячий лекарь, курчавый врач,
А вокруг во шлемах – солдаты – вскачь,
Кто лежит бревном, кто хрипит навстречь,
Кто орёт, воздетый на вертел-меч,
А он все стоял, все стоял-молчал,
Древний шепот голодный, начало начал,
Пантелеймон-целитель, пришед к царю:
Нам войну подарил?.. тебе Мирь подарю –
Целый Мирь, царёк, у твоих он ног:
Плачь, живи, ты в нем живи, одиночек.

– Тропарь святителю Николаю «Правило веры и образ кротости»

*Правило веры и образ кротости, воздержания учителя яви тя ста-
ду твоему яже вещей истина; сего ради стяжал еси смирением высо-
кая, ницетою богатая. Отче священноначальниче Николае, моли Хри-
ста Бога спастися душам нашим.*

* * *

Чем ближе к святому – тем тише шаг.
Празднуй, возвеселися, душа.
Свечи в паникадиле, как в пироге.
Одна свеча тает в руке.
Праздник, напрасна давняя боль,
Снег сыплет на раны раннюю соль,
Никола зимний, так, на него
Отец опочил, пой ему демество,
Никола вешний, а на него
Отец родился – моё торжество!
Празднуй, святитель ты Николай,
Отца ты увел за руку в Рай,
За руку, пробитую пулей на дне
Войны ледовитой, вьявь ли, во сне,
Она контрактурой весь век сведена,
Палитру держал, подносила жена
Упрямую рюмку, на вилке кусок
Военной тушёнки, последний глоток,
Последняя пайка, последней слезой
Омочен ржаной, празднуй, Рай воспой,
Я так свято верю, что он в Раю,
Я древний тропарь одичало пою,
Стою в соборе меж дивных людей,
Николин праздник, возьми и владей
Моим ты сердцем, в артерьях дорог,
В прожилках веры, вдоль-поперёк,
Никола вечный, крестами хитон
Слепяще-белый – навеки клеймён,
Твоя икона, на леске – под ней –
Сто перстней золотых, пчелиных огней,
Людские дары, тебе исполать,
С пальца сдернуть, на нить нанизать,
Игрушки, сласти, лакомый кус,
Все ближе иду, назад не вернусь,
К тобою наряженной ёлке твоей,
Златая птаха поёт меж ветвей,
Кровавая плаха, повинный мыт,
На нитке страха якорь висит,
Торпедой пробит корабельный бок,
Всяк одинок, и ты одинок,
Ты мой малеванец, смугл, гололоб,
Военный танец, Господень Гроб,
Отец, а похожи с Николой вы,
Такой же лысый шар головы,
Такая ж кудлатая седина,
Такая ж улыбка, моя весна,

Такая ж пустынная смуглота,
А кровь в холстину любовью влита,
Отец, почему ты не стал богомаз,
Ты всех святых малевал бы с нас,
А мы бы шли к тебе, как на парад,
А мы б у мольберта вставали в ряд,
Скуласта натура, глаза горят,
В торосах-крестах ледяной наряд,
Ещё шаг, ну, ближе, ещё, ещё,
Кольца звенят, сквозняк, горячо,
Горячо сердцу, поздно, давно,
Празднуй бессмертье, ведь есть оно.

* * *

Как тяжело глядеть воглубь
И видеть всё насквозь, до косточки, до жилы.
Всё знать, что будет. Ты пророка приголубь,
Пока мы здесь-сейчас, пока мы живы.

Пророк, для чуда он разверзнет рот,
Плодом воспыхнет в мощных Райских кущах.
...пророк во срок, как всё, как все, умрёт,
Провидя грозный праздник свой грядущий.

Как он, глаза я закрываю – и
Пытаюсь зреть иные окоёмы...
Не вижу ничего опричь любви –
Ни во соборе, ни в Содоме.

Как все орут... свиваются в клубки
Змеиной злобы... языки раздвоены,
И жалят, и кусают – от тоски:
Так от тоски вдруг вспыхивают войны.

Как лбами все сшибаются... вопят...
На сто веков вперёд нам ненависти меты...
Пророк, он больше не придёт назад.
Он всё нам спел. Поцеловал планету.

Не разгадаю Времени письмен.
Не обласкаю клинопись перстами.
Не поднимусь с затёкших я колен
Пред образами, что горят над нами.

Дрожу. Слеза разрежет горечь губ.
Пророчий лик все обречённой, ближе.
Мне тяжко, невозможно зреть воглубь.
Но я гляжу. И не скажу, что вижу.

– Богородичен Догматик

Иже Тебе ради Богоотец пророк Давид песненно о Тебе провозгласи величия Тебе Сотворшему: предста Царица одесную Тебе, Тя бо Матерь ходатаищу живота показа, без отца из Тебе вочеловечитися благоволивый Бог, да Свой паки обновит образ истлевший страстьми, и заблуждшее горохищное обрет овча, на рамо восприим, ко Отцу принесет, и Своему хотению, с небесными совокупит силами, и спасет, Богородице, мир, Христос, имеяй велию и богатую милость.

КОЛОКОЛЬНЯ

Предста Царица одесную Тебе!
На смертном одре,
на ярой гульбе,
на пыльных пустынных руинах времён –
торжественный колокольный звон.
То я звоню, баба-звонарь!
Звонарка, знахарка, с нарядами ларь,
живой да крепкий сундук костяной:
открой меня – что там было со мной!
Ох, крышка дубовая тяжела:
то глотки вопль, то плеск весла,
то пламя, где в печи горят тела –
а я выжила, на ветру ветла!
Постыдно нынче в колокол бить.
Презренно нынче друг друга любить.
А только скалиться на дружку друг,
А только не прятать красных рук!
Ладони в крови... опричной войны...
А может, просто от мороза красны!
Схвати же вервие! Раскачай язык
Чугунный! Воздень солнечный лик!
Вон там, внизу, твой бедный народ...
Собрался он вдругорядь в поход!
Последний поход!.. секиры-бердыши...
Да бочка с порохом... не дыши...
Моя колокольня, гляди, высока!
В подбор мукомольный вцепилась рука!
В канат корабельный, в рыбачию сеть,
В тугую кручёнку – казнённым висеть...
Все бью да бью в перекрестье огня,
А ветер с размаху – бьёт в меня!
Звонарка, себе господарка, глас
Пылающий, медный, на миг, на час,
Мимо котла – да прямо в нутро,
Мимо зла – да прямо в добро!
Гуди ты, моё добро, гуди!

Отчаянья-злости ничуть не щади!
Громадной музыкой ложь пробей!
Греми, кричи меж талых людей!
Вопи, ори меж людей-ручьев!
Забьли буквицы Господних слов!
А пусть этот колокол, мой набат,
Ненависть никогда не вернёт назад!
Гуди, мой воздух: по небу круги!
По воде, где сгибли друзья и враги!
По снегу, где мёрзли волки и псы!
По веку, что щурится на часы!
Ах, сколько осталось?! Да чёрт ли в нём,
Во времени тающем, талом моём!
Теки, мой великий звон, плыви!
Народ, не вынесешь моей любви!
Качается колокольня... тяжелый крен...
Летят кирпичи... боль, трава и тлен...
И крохотные – там – фигурки – внизу:
Звонарка! не успеть отереть слезу!
Звони ты! Звони! Лови небо ртом!
Твой ветер вопит! Твоим языком!
Твоим народом твой ветер орёт!
Да мощный звон – он и есть народ!
Крепче, крепче в верёвку вцепись!
Вот так бьёт в колокол вечная жизнь!
Вот так бьёт в колокол утлая смерть –
Плыви, лодчонка, больно глядеть...
И напоследок – от души размахнись!
Яростно ударь! Вокруг оглянись!
Далёко – под тобою – земля твоя:
Озера, реки, выгиб жнивья!
Овины, хлевы... во поле стога...
Моря... пески... заливные луга...
Бегут со знамёнами... ползут во грязи
Малютки, минутки... ты их спаси...
Ты их люби... их ночи и дни...
Ты ими молись... ты по ним звони...
А и что тебе бешено, невнятно кричат?!
Что ты никогда не вернёшься назад?!
Ну и не надо! Заката пожар!
Размах – впотьмах – последний удар!
Последний колокол звонит по судьбе!
...предста Царица одесную Тебе...

– Ирмос канона Богородице «Отверзу уста моя»

Отверзу уста мои, и они исполнятся Духа, и слово изреку Царице Матери, и явлюсь светло торжествующим, и воспою радостно Ее чудеса.

* * *

Праздник, это праздник, пусть на полчаса!
На столах навалена всей земли краса:
Персики пушистые, вина – южный зной,
Вспыхнут перевитою сладкою струей!
Хрустали гранёные! Олово, латунь,
Рюмки, чаши сонные, блинная ладонь!
Чокаемся, хлопаем друг друга по плечам:
Здравия желаем дням ли, ночам!
Это праздник Времени! О!.. догадка жжёт.
Хочу слово выдохнуть, да замолк мой рот.
Глотку перехватывает рыболовный прут,
А вокруг – распятые радостью – поют!
Вносят торт на блюде!.. тесто вдруг косит
Головой отрубленной... виноград висит
Кистию бессильною... звон созвездий чист...
Золотыми листьями... ропотом монист...
Ах, пирог возлюбленный! Где мой острый нож!
Пополам разрубленный, нынче не уйдёшь
От насквозь пирующих, жарко-жадных ртов,
На тебе жирующих, рыбонька-любовь!
Ихтис, первозванная!.. на краю взошла,
Лодкой бездыханною ляжет вдоль стола,
Носом осетровым – с заката – на восход:
Рюмки полны крови – веселись, народ!

О, замри, веселие! Карнавалий, встань!
Грянет Воскресение сквозь оклада скань.
Встаньте все, бокалом пусть задрожит душа:
Бог идет! Окончен Путь! Невесомый шаг...
Бог идет с улыбкою к вашему столу.
Бог подцепит вилкою рыбную стрелу.
Ему – табуреточку: мол, садись, пируй
С нами... ну, со встречею... под свиванье струй...

Тихо! Тихо! Встанет Он под высверки ножей
Над столом безумным, над сгибаньем шей
В ожерельях зрячих и слепых камнях,
Очами, косящими в факелах-огнях!
И замрёт неистовый Валтасаров пир,
И молчанье чистое вытрется до дыр,
И в ночи хохочущей, страшной тишине
Молвит Он тихонечко, ветром по стерне,
Скажет Он раздумчиво, медленно, как снег
Падает под тучами с поднебесных век,
Выдохнет Он песнею, музыкой огня:
– Завтра все воскреснете. Празднуйте – Меня.

Смолкли железяки все. Смолкло всё стекло.
За столом притихшим Время потекло.
И текло пьянее пьяного вина,
Дрожало сильнее, чем острая струна,
Плакало все громче, безутешней вдов,
Плакало огромней, чем в ночи любовь,
Подставляй стаканы, чашки и бокал,
Он пришел так рано, никто и не ждал,
Он пришел внезапно, как и говорил,
Нынче или завтра, с крыльями, без крыл,
И на пир явился, на безумный пир,
И за нас молился, за безумный Мирь,
Пьяное застолье, рыбы-хрустали,
За терпенье боли да за соль земли,
И сидели, смертные, все мы как один,
За судьбу ответные, за пиры годин,
За кусок ржаного, рюмочку накрыть,
За имя святого, что всю жизнь носить,
Да в лицо глядели, счастливы, Ему,
Пока не истлели, не ушли во тьму,
Да шептали песнею на исходе дня:
«Завтра все воскреснете. Помните – Меня».

* * *

Я ночьюми душу жгу мою, живую свечу.
Над людьми душу жгу мою, молюсь да молчу.
Прости мя, кто может.

Вот люди, люди, люди идут предо мной,
Таково медленно, снова бредят войной,
Угрюмо, солдаты, тёмной стеной,
Лишь лики горят вапой золотой.
Прости мя, кого обидела.

Боже, мучим Ты был сильнее мя.
Боже, на Кресте плыл Ты в полымя.
Разразилась гроза на исходе дня.
Прости мя, кого больно ранила.

Люди, люди. Они взирают на мя.
Будет, будет молонья Последнего Дня.
В перекрестье знаков дрожу. Дрожит земля.
Прости мя, кого убила.

Ты прости, младенец убитый мой.
Прости мя, любимый, бесноватый немой.
Ты в дрожанье музыки вернулся: домой.
Твой надгробный камень – за тою горой.
Прости мя, кого забыла.

Люди, люди... Стойте! Хотя б на миг!
Затыкаю ладонию длинный крик.
Вы идёте по мне. Я ваш материк.
Рукописный, пречистый ваш патерик.
Прости мя, кого шла мимо.

Люди, лю... Человек! Столь бедный на вид.
На плече у него птичка сидит.
Со плеча у него птичка – в полёт,
И чирикает, плачет всю ночь напролёт...
Прости мя, кто завтра умрёт...

Ах ты, матинька, птичка, голубка моя!
Я крылами моими повторяю тебя.
Я и клювом, и зобом воркую, теку
Тайной музыкой, что суждена на веку...
Прости мя, кто нынче уходит.

Моя птиченька, нищей согласна я быть.
Птица-радость, согласна в геенне – любить!
Прости мя, кто хочет родиться...

Ты же видишь: я только птица, как ты.
Певчей глоткой киплю у последней черты!
Люди, люди, вы мимо моей маяты...
Мимо птичьих песен шальной красоты...
Я такая ж, как вы... от версты до версты...
Где снега и снега... где кресты и кресты...
Прости и помилуй мя, Боже.

– Стихира «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси»

Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесех, и нас на земли сподоби, чистым сердцем Тебе славити.

* * *

Моя детонька, моя птиченька,
Ты за пазухой все чирикаешь.

Моя душенька, моя пташенька,
Золотинками не украшена...

Ярким суриком не залеплена,
Сердце – пламенем, крылья – трепетом.

Ты поёшь-поёшь, невеликая,
На меня беду не накликаешь,

На меня беду – ой, накликает
Та сова-сова мертволика.

Не щебечет – ухает яростно.
Мне пророчит под ноги ямину.

Заклинает меня лютым пением,
Перечеркивает забвением.

Ах, забвение ты, забвение,
Пустота громадного тления!

Жар костра, где горят пергаменты,
Пляшут буквицы в алом пламени.

А сова бормочет: во гроб я твой
Не воткну свой крик либо плач немой,

Будешь ты лежать, восковущая,
Не поющая, не зовущая!

Твою боль сожгут!
Твою ночь спалят!
Твою песнь исплюют, изрубят стократ!

Прелопатят! Зароют! Запамятуют!
И ни дождичка... и ни замети...

Что ж ты, птиченька моя вещая,
Что ж ты сердцем моим не трепещеши?

Утешай мя, рулады раскидывай
Над позорищем, над обидою,

Надо злобой совьей, безвестною
Свиристи мне трели небесные:

Нет, сова, твоего забвения,
Только птичий хор, Воскресение!

Ах, и яростные, и кроткие –
В небеса поплывут все лодкою,

Во обитель твою, моя царская,
Моя птиченька, моя Райская,

Там под яблоню сядем и так вдвоем
О покинутом Мiре с тобой споем,

О врагах наших – ныне прощаеши,
О грехах – ныне отпускаеши,

Птичка нежная, нежней зяблика,
На ладонь мою скатись яблоком,

А с ладони скатись в траву-изумруд:
Все воскреснут, так пой, когда все умрут.

* * *

Уведи мя мальчик мой милый нежный мой проводник
От земли где пылают могилы где войны Адский лик
Уведи ото лжи заржавленной ты шепни мне: любви
Моё сердце свечою оплавленной так горит над людьми
Крепче крепче в руку вцепляйся тяни всё вперёд
Мой последыш наследник царский синий мой ледоход
Уведи мя от хвори дикой от египетской казни той
Что горит воспалённым ликом давит душу пятой
Ты веди мя веди за собою во смарагдовый дивный Сад
Заживу я жизнью другою меж лисят и волчат
Мандарины собирать в корзинку песню сладкую петь
Забывать про мои поминки разбивать золотую клеть
Жизни очень мало осталось избичуют её дожди
Мальчик мой возымей ко мне жалость от судьбы уведи
Улыбаешься ты бестревожно пот на пухлой губе
И ведёшь мя по бездорожью и ведёшь по судьбе
И оглянешься лишь однажды сквозь кудрей золотую нить
Когда я умирая от жажды слёзы лишь буду пить

– Тропарь Преображению «Преобразился еси на горе, Христе Боже»

*Преобразился еси на горе, Христе Боже, показавый учеником Твоим славу Твою, якоже можаху, да возсияет и нам, грешным, свет Твой при-
сносущный молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе.*

ТРАВА

Зелёный бархат молодой травы.
И шёлк вина, и россыпи халвы,
И праздничным ожогом – поцелуи,
Пожатий плеск, неуловимых рук
Колёса, грозы встреч, дожди разлук,
Пророчьих молний золотые струи.

Я лишь узор цветочный на ковре.
Еси преобразился на горе
Фавор. Узор по вороту хитона

Огнём пылает. Кровью. Халцедон
И яспис, и чужой Армагеддон –
Не град, не гром, не пламя с небосклона.

Ступай по мне. Ромашкой под пятой
Усну. Немного так, вот так постой –
Пусть тайный ветер холстину развеивает.
А обочь – Илия и Моисей,
Атлас зари, и бархат жизни всей,
И тихо так дрожит нога живая,

И давит нежный цвет Твоя стопа...
А смерти нет. От счастья я слепа.
Притиснута к земле, червям, арахнам
Пятой горячей, крепкою Твоей,
А Ты... глядишь на лики всех людей:
Без горечи, без памяти, без страха.

Гвоздика я. Примятая трава.
Иди по мне то тяжело, то едва
Ступай, сладчайшим ветром Елеона,
Айя-Софии медною ладьёй,
Слезамии Лии, Евы ли седой,
Троянской тьмой охотничьего гона,

Рыданьем взрывов, поясом дымов,
На виселицу вновь ведут любовь,
На столб кровавый в виде буквы ТАУ,
На поношение, на позор, на вид,
Ещё Твой лик во бронзе не отлит,
Крылатой фреской не горит со славой,

Ещё на тихой исповеди не
Дрожит епитрахиль в Твоем огне,
Не жжёт костром затылок, скулы, шею,
И люди не клянутся лишь Тобой,
Как днём Последним, Судною трубой,
Лишь о Тебе, единственном, жалея.

Я лишь трава. Примятая полынь.
Ступай по мне! Меня Ты не покинь.
Вомни меня в святой, родной суглинок.
Вот час зачатья вылепил гончар.
Вот час прощанья – выше всех начал,
Всех хороводов, свадеб и поминок.

Кольшусь я, тепла, нежна, мягка...
Иди по мне. Все дни и все века.
Иди ко мне, палящей и зовущей,

В цепях орущей, во любви нагой,
В казнящих пушах попирай ногой
Седой емшан, в веселых Райских куцах.

И здесь, в Раю, колибри обочь нас,
Лазурный махаон, павлиний глаз,
Златые арфы стонут и хохочут...
И только я, примятая трава,
Люблю едва, живу, дышу едва,
Твой дикий шёлк, постель Твоей полночи.

Твой чужестранский, Гефсиманский сад...
Там мандарины, яблоки висят,
Трава бормочет... голос мой все глуше...
Никто в ночи не выйдет на парад.
Никто, Ты знаешь, не придёт назад
Из тех краёв, куда уходят души.

Снимаю я зелёное бельё.
Землей смешаю костевьё, живвьё.
Раздам недужным, немощным и нищим.
И вижу я – сквозь зимнее жнивьё –
Зарей – Преображение Твоё:
Язык свечи, надмирное огнище.

О, подожги траву сухую, мя!
Все плавни, луговины, зеленыя,
В узорочье моем цветочек малый!
И пламя пусть – на небеса – стеной!
Огонь – то путь, и Ты в огне со мной,
И я иной доли не желала.

Пожгут мя?! Ещё гуще отрожусь!
Испепелят?! В подземье отражусь,
В поднебесье, смарагдовом зеркале!
На пальцах, на устах горда, горька,
Солёна, льдяна, иней у виска,
Лишь радужки... слезами... замерцали...

**– Тропарь блаженной Ксении Петербургской «Нищету Христову
возлюбивши»**

*Нищету Христову возлюбив, сейчас ты наслаждаешься Бессмерт-
ной Трапезой, обличив безумие мира своим мнимым безумием, крестным
смирением ты приняла силу Божию.*

* * *

Нищету Христову возлюбивши а туман-бархат
в распадках иззелена-жёлт
Кулик болотный голодный не емши не пимши плясицу мя стережёт
Уж ли бережет-стережет а юбчонка пламенем мечется алый атлас дыряв
Красен плёс боль красна весь в крови ночной ледостав
Как на улицах ледяного Царского града казнящим колесом покачусь
Руки-ноги вверх-вниз от слюны утрись шею не тяни дурень-гусь
Я лишь Ксенья деткам веселье бабкам сплетня снадобье мужикам
В боку колотьё страданье твоё скраду никому не отдам
Нищета тонкой музыкой плещется шепчет струится изарбатом
Густо расшитым перлами да хрустальным крестом
Не!.. я не пьяна просто пришла расплата за прежде сейчас и потом
Не... я диаволу не жена
Мой муж Царю-батке служил вот евонный военный мундир
А муж и жена одна сатана одежонку ево изношу до дыр
Всю жизнёшку ношу люблю не дышу а иногда юбку бабью
пялю шелковый стол
И красным подолом мету подворотню мгу версту собачий
на снегу рыжий клубок
Нищета Христова мое верное слово я всё тише невнятной ево хриплю
А вы всё одно разберете на льду реки на заплоте
на куполе шиле шпиле: ЛЮБЛЮ
Да люблю бархат мой заболочен поверх обочин
а ты ручонки позолотой раскинь
В Мирь да в войну в холщовую тишину в парчового льда полынь
Да во траву упади да милости не жди от людей ой их плеть больно жжёт
А ты рот ширше разевай в толпу песню горбушкой швырай
Пущай песнь ты сироту бережёт-стережёт

– Воскресный тропарь «Разрушил еси Крестом Твоим смерть»

*Разрушил еси Крестом Твоим смерть, отверзл еси разбойнику Рай,
мироносицам плач преложил еси, и апостолом проповедати повелел еси,
яко воскресл еси, Христе Боже, даруяй миру велию милость.*

* * *

Не стало тебя. И мне не посметь
К тебе прикоснуться.
Разрушил еси Крестом Твоим смерть.
Не сможешь вернуться.

Горящий лик. Сияюща длань.
Грудь хрипло дышит.
Когда же глас тебе скажет: восстань!
Восстань, душе, что спиши?

Кого косит горе. Кого борет хворь.
Кто гибнет в пожаре.
Кто, жалкий, один, поет будто хор,
В любовном угаре.

Одна, за столом, под иконой моей,
Шепчу всех безвинных:
Фома, Иван, Петр и Андрей,
И ты, Магдалина,

Михаил, Яков, Валерий, Глеб,
Борис, Вероника,
Кто пред уходом оглох, ослеп,
Кто весь вышел в крике,

Лев, Анна, Марина, Федор, и ты,
Никола Военный,
Что честь отдал у последней черты,
Последней измены,

Тамара, Нина, Валя, Марго,
Мои дорогие,
Как жить на земле без вас нелегко,
Все годы другие,

Реву, идет уж который рассвет,
По небесам колобродит,
Всё врут, что смерти на деле нет,
А вот она, входит,

Сияет окно, золотая клеть,
Слёзная низка...
Разрушил еси Крестом Твоим смерть –
А вот она, близко.

* * *

Сколько нам, мальчик милый, надо ещё пройти?
Сколько дорог постылых на заливке – перенести...
На площадях-сковородках – сколько казней узреть...
Плакать горько и кротко под похоронную медь...
В Рай ты меня ведешь. Только земля – не Ад.
Не поверни, мой Боже, не поверни назад.
Мы лишь вперёд шагаем, пяткой, голой ступнёй.
Мы, опьянены Раем, Аду кричим: долой!
Сколько же нам брести вот так в железной нашей зиме?..
Ни за понюх, ни за пятак – живому сгореть в огне.
В горьком жаре молитвы. В зверьем костре войны.
Пламенем боли палимы, снятся о счастье сны.

Как я устала, мальчонка, Ангельчик мой святой!
Плачу тепло и тонко о жизни полынной, простой...
Сколько нам спотыкаться на сизом озёрном льду?
Тихо... вспомню Святцы... читаю, инда в бреду...
Титлов не зрю и точек... рвётся ткань бытия...
Ты мне скажи, сыночек: долго ли мука сия?
Больно так, крепко руку сжал мне. Тесней оков.
Разве назначено муку втиснути в часослов?
Молча вёл обреченну мя – лишь вперед, вперед.
Земли разымалось лоно. Вставали воинства вод.
Рушились пылью горы, сахарной головой.
Целовал арфу бора ветра голос живой.
Шли в сердцеvine взрыва. Вспышка слепила зрак.
Дух колосился нивой. Веры мерцал маяк.
И так отвечал Ангел-странник мне – через сто веков:
«Радость – печатный пряник: съеден – и был таков.
Горечь – огню приправа, тракта вьюжного вой.
Жизнь – не яд, не отравка, а Солнце над головой.
Только Райское Солнце в царской оправе льда.
Нежной овцою, кротцей, бреди, любовь, в никуда.
А там, за ветхим заплотом, другу молись, врагу,
Там, за поворотом, яблонь, цветуща в снегу.
Снова чудо Господне, Божия благодать.
Больно, горько сегодня – завтра зла не видать.
Воссияют Завета ветхие письмена.
Для объятия Света плоть уже не нужна».
И я глядела: светились на темени – кольца кудрей.
Мой Ангел. На паперти милость. Шёпот Царя Царей.
Мой херувим запечный, горбушка, солью свята,
Холщовый мешок заплечный, паломников красота.
Он вёл меня через страны, курганы, рельсы и сны.
Он вёл меня без обмана на свет полночной Луны.
И я отражалась, плача, идя по судьбе, тоске,
В его затылке ребячьем и в каждом его позвонке.
Крепко сжал мою руку, и я, шагая во тьму,
На радость и на разлуку улыбнулась ему.

КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ. ХОД НА БОГОЯВЛЕНИЕ В ВАСИЛЕ

Иорданския струи Тебе источника прияша, и Утешитель в виде голубине схождаше. Приклоняет верх, Приклонивый небеса. Зовет и вопиет брение Зиждителю: что ми повелеваеши, яже выше мене? Аз требую Твоего крещения. О безгрешный Христе Боже наш, слава Тебе.

Валенки в инее... Сердца все вынем
В тесной, к источнику шествующей толпе.
Вечно, всегда, присно и ныне –
Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе.

Я – со всеми в медленном ходе.
Боль неисходна. Печаль велика.
Прижимаю к тулупчику, при народе,
Бидон старинный для молока.

Лица мимо плывут, загораются,
Вспыхивают, исчезают: мороз
Накрывает их кружевной вялицей,
Ледяным подзором непролитых слёз.

Но нынче... ах, радуются, как все ликуют!
Батюшка машет кропилом в выси.
Водосвятье сельское. Крылами целует
Меня – голубка белая в небеси.

Ах, снежный голубь, ах, нежный ветер!
Господи, как же блаженна я средь вас –
Люди, единственные на свете,
Жарко живущие здесь и сейчас!

Я вам – во служенье. Вы мне – в даренье.
В шали пуховой старуха поёт:
«Иорданския струи...» Богоявление
Светлосияющее, по снегу ход

Невероятного, родного народа,
Каждый в толпе – своей жизни святой,
Крест купели, синие воды,
Небо индиговое, как под пятой

Ангела, будто бы все мы, гурьбою,
Дивно клубяся, морозом дыша,
По небу широкому идём за Тобою,
Ныне крещаемым, и голубка-душа

В дымной лазури парит над нами,
Валит изо ртов пар, из ноздрей,
Словно мы лошади, и везём пламя,
Везём в телегах пьяненьких рыбарей,

Ряженных в радуги коров и козляток,
Диких зверей, прирученных птиц,
Век живой воздушен и краток,
Ангел взирает из-под ресниц

На толпу, что важно течёт рекою
К бьющему середь леса ключу,
Я с бабкиным бидоном, с убитой тоскою,
Сердцем от радости громко кричу,

Вот он и батюшка со щёткой кропила,
Брызги серебряные летят
Мне в лицо, это Божья сила,
Летит тропарей белокрылый ряд,

О, Херувимы, о, Серафимы,
Вы мои вздохи, мои года,
Вы мои сельчане, вы мимо, мимо,
Вы в моем сердце, о, навсегда,

Это сияние, неистленье,
Этот сквозь иней радужный луч,
Праздничный ход на Богоявленье,
Лес кружевной, Супротивный ключ,

Я подставляю сосуд под рокот
Войн, перемирий, счастья, беды,
Я подставляю жизнь под ропот
Синей, холодной, святой воды,

И я во снег встаю на колени
Перед иконой, чья в жемчуге скань –
Здравствуй, Крещение из Крещений,
Радуйся, родимая иордань,

Радуйся, Бог наш, Господь Вседержитель,
Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе,
Только живите, люди, только живите,
Все, кто со мною идёт в толпе,

Кто изморщенный, кто румяный,
В катанках теплых, с кистями платках,
В нежном забвении, в памяти ранах,
Ныне и присно, и там, в веках.

СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Да отверзется дверь небесная днесь: безначальное бо Слово Отчее, начало прим под леты, не отступль Своего Божества, от Девы яко Младенец четыредсятодневен, Материю вольне приносится в церковь законную: и Сего на руки приемлет старец, отпусти зовый раба Владыко: ибо очи мои видеста спасение Твое. Пришедый в мир спасти род человекь, Господи слава Тебе.

Я шла по льду, и на руках ребёнка
Несла я моего, несла, несла –
В безумный Мирь, по заберега кромке,
В виду карбаса, якоря, весла;
Ступала, спотыкалась и шагала,
Летела, крепче тельце ко груди прижав,

Притиснув вопль конца, и лепеты начала,
Венчание на Царство, ночь держав,
Сверкающие в пальцах брачные бокалы,
Стаканы в подворотне, чтоб швырнуть,
Разбить у ног... я лучшей доли не искала,
Она взяла мя в плен и потянула в путь,
И вот бреду и к сердцу прижимаю
Все голода тиски, все дыбы канонад,
В виду иной вражды слепая и немая,
А надо всё вперёд, и никогда назад,
По улицам, где не вздохнуть от смога,
По лязганью всех войн, по ульям всех трущоб,
Шепча себе: не падай, о, ещё немного
Преодолей, забудь и пир, и трон, и гроб,
О, Мати, не рыдай Мене, во гробе сушу,
Так выстонет мне Сын тот выдох мощевой,
Иди по заберегу, мёрзлым тальникам, алмазным кушам,
Пусть лютый колотун дымком над головой
Седой висит, рыбацким табаком, неутолимым нимбом,
Мороз мандорлой, шубой инея обнимет телеса,
Орел белёсыя пурги летает низко,
На дальнем берегу невнятные голоса,
А жмурься, ковыляй, бреди, ещё не вечер,
Младенец твой уснул, в мехах жара, тоска,
Ему твой лоб, щека – отчаянные свечи,
Горящие у тьмы, у неба, у виска,
Иди, прозрачный лёд голубизною тонок,
Он голубем парит, опасен и крылат,
Как сладко дремлет Мирь, твой снег, ребёнок,
Не возвращайся никогда назад,
Там, впереди, метельной мошкаррой толкнутся люди,
Они так ждут тебя, ты песню им пропой,
На ледяном всевидящем, Эдемском блюде
Неси себя, дитя, крик вольный над толпой,
Звонящий систрами, кимвалами и арфой,
Киннором пламенным, и балалайкой, и
Гармошкою, жалейкой и кифарой,
Всем, что взахлёб поёт в рыданьи и любви,
Визг смерти, вопль роженицы, стон битвы,
Неистовое, пьяное «ура!»,
Иди, тебе ни мантии, ни митры,
А только зимний ход, до ночи, до утра,
До прошлой гибели, до будущего века,
До всех богов и после всех людей...
Иди... сегодня обещали много снега...
Ни озера, ни хижин, ни полей
Не видно...

...всё валит, и засыпает тропы,
А я иду, сын дремлет на руках,

Перебрёдаю войны и сугробы,
И воскрешённых во разъятых пеленах,
Всех Лазарей дрожащих мимо, мимо,
И мимо хризантем, Иaira дочерей,
Вдовиц Сарепта обочь, забываю имя,
А помню лишь одно: иди, иди скорей,
До храма донесу, там ждет великий старец,
Древнее только снег, он пышен, чист и бел,
Я распахну тулупа меховые ставни,
Войду в огнистой лавою рыдающий придел,
Ко мне шагнёт старик, из рук ребёнка вынет
И будет так стоять, без слова, без числа,
И буду так молчать, живой тоской навывлет,
Смиренна и светла, я сердце родила
От бессердечья обезумевшему Мiру,
На плечи шаль ползёт, мех валится с плеча,
Чадит в ночи святая плошка с жиром,
И я стою, горю, горчайшая свеча,
Огонь летит и рвётся, догораю,
Превыше всех судеб, прощений и обид,
И пламя вбок и вверх, от края и до края,
И спит ребёнок, о, пока ребёнок спит...
А снег серебром валит, всё гуще, всё сильнее,
Всё полог падает, сияющий в веках,
И я стою одна, и тихо пламенею
Пред зимним стариком с ребёнком на руках.

* * *

Сияющая верба
В стакане на столе.
Любовь моя и вера –
Сегодня на земле.

Сияющая верба
Под небом голубым.
Я знаю: я не вечна.
Растаю, аки дым.

Сияющая верба.
Возьми ее, возьми
И понеси доверчиво
Меж Богом и людьми,

По улицам шумящим,
Во тьму или во свет,
К той жизни настоящей,
Которой больше нет.

– Заупокойная стихира «Плачу и рыдаю»

Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробех лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида. О чудесе! Что сие еже о нас бысть таинство; како предахомся тлению; како сопрягохомся смерти; воистинну Бога повелением, якоже писано есть, подающего преставльшемуся упокоение.

* * *

Я сама себе – что клеть: твёрдая, стальная.
Егда помышляю смерть, плачу и рыдаю.
Худо на душе моей. Тёмно, бессловесно.
Скорбных Ангелов светлей, наклонюсь над бездной.
Я спокойна, я нежна. Что ж так сердце тянет
Гирькой вниз, на тину дна... кто меня вспомянет?
Утомленно пролистну бедные бумаги:
Все сокровища – ко дну, горько, без отваги.
То пергамент... то шелка... то телячья шкура...
Воск медовый... на века, под крыла авгура –
Эти чудо-письмена, эта горе-взятка
Горсткой боли, ох, смешна, сыплется украдкой
Богу в тёплую ладонь, что избичевали...
Демества седой огонь, киноварь печали...

Я спокойна. Я тверда. Я тяжеле камня.
Что ж я плавлюсь, как руда, таю под руками?
Что ж реву я, вот позор, исхожу отчаяньем
И одна воплю, как хор, в церкви под свечами?!
Хор! Я, Боже, просто хор! Мне так легче выплыть
Из пещеры – на простор! Легче сердце вынуть
Из горячечной груди – сумасшедшим маком,
Через молнии-дожди – кинуть на бумагу!

Прочь ты, смерти торжество, панихиды стоны!
Я пою вам демество глоткою спалённой.
Я согласна всё вам петь: Рождества кондаки,
Пасхи солнечную весть, царственные знаки!
Песней разбиваю клеть. Песнею спасаюсь.
Песней побеждаю смерть! И грешу, и каюсь!
Песней плачу и люблю, возжигаю пламя,
И, подобно кораблю, песнь плывёт меж вами!

Мой сияющий ирмос! Мой кондак горящий!
Мой, в росе дрожащих слёз, бедный стих ледащий...
Поднимаюсь, вся в слезах, крик мой над землёю,
Руки ввысь, а тело – прах, Дух, пребудь со мною!
Вдоль подола боли – смех кроветворным кантом.
Подниму ладони вверх мощною Орантой!
Всё уж было на земле у меня в судьбине:
И пожар во детской мгле, и мольба о сыне,
И та гибель – в первый раз! – смертушка-юродка;
На пороге – пробил час – возлежащий кротко

Парень: все ходил-ходил ко вдове-соседке...
Та больница, где без сил, будто птички в клетке,
Пели, крепко обнявшись, древних две старухи...
Сетки панцирные, жизнь, плачущая глухо...
Всё промчалось: и любовь, первая, шальная,
Яд завистливых врагов – беззащитных, знаю,
Клятвы радостных друзей – до поры, до срока,
Где не площадь – Колизей, где так одиноко...
Разве одиноко мне?! Я же хор, ты слышишь!
Я звучу, дышу в огне, я взлетаю выше,
Выше, выше, тонкий глас, регент руку тянет –
Пойте, люди, здесь, сейчас, завтра вас не станет!
Пойте, люди, вы любви золотую славу!
Повторите все мои голоса кровавы!
Бормочите все подряд кличи, вздохи, стоны –
Зрите, ноты как горят зимним небосклоном!
Солнце! Солнце так звучит – свет держу руками!
Солнце! Солнце так звенит – царствами, веками!
Солнце, музыка моя, пляшет-колобродит,
На исходе бытия – песнею восходит!

Вот она, моя стезя! Вот – моё спасенье!
То, о чём и петь нельзя – счастье, откровенье!
Вечный знаменный распев из горячих глоток –
На полмира тот посев, и восходит, кроток!
Мои ноты прорастут! Вмиг заколосятся!
На засовы не запрут! Не запишут в Святцы!
Я стою среди земли, средь лесного храма,
И вблизи, и там, вдали, я пою упрямо –
Именами каждый миг свято называю,
Каждый стон и каждый крик – нотой выпеваю,
Каждый взор и каждый лик – выпиваю счастьем,
Мне младенец ли, старик – дивное Причастье,
Хлебом я пою, вином, страстно, тайно, строго,
Явью я пою, и сном, и путём-дорогой,
Я пою, пою, пою всеми голосами,
Я стою, опять стою под судьбы часами,
Мне до смерти это – петь мимо лжи и лести,
В сажу полночи глядеть, в россыпи созвездий,
В Бога Господа лицо, во лучах, во славе...
...Боже, умирать легко, Ты лишь не остави.

* * *

Долго вёл меня мальчонка
Между облак, между туч.
Завивались кудри тонко.
Вспыхивал забытый луч.

Над расколотою бездной
Крепко за руку держал.

Так мы шли с ним, занебесным,
Вдаль, к началу всех начал.

Вот – порог переступили.
...под ногами, горяча,
Бездна славы, бездна силы,
Шестикрылая парча.

Нежно обернулся, тихо.
Задохнулась во слезах.
Золотая соловыха,
Пой теперь на небесах.

И вздохнула я так глубоко,
Так свободно и легко.
Звёзды снеговою крупкой
Посекали мне лицо.

Молча плача у порога,
Предстояла я в Раю
И протягивала Богу
Песню бедную мою.

ОБЩАЯ МОЛИТВА

Ну, давайте прижмёмся друг к другу в тёплой тьме намолённого храма.
Он широк и безбрежен, как родная земля иль река.
Кто-то в дальней толпе, у притвора, тоненько вскрикнет: «Мама!..»
Это малый ребенок. Жарко ему. И шубейка ему велика.
Это я воскликнула! Это детство маму зовет. Это плачет старуха.
Это каждый из нас, тёплый, страждущий и живой,
То кричит, то смеётся, то рыдает тихо и глухо
В храме сумерек, шевелящихся золотой свечною травой.
О, давайте тесней придвинемся... правда, странно,
Что мы завтра все – о да, все-все-все!.. – умрём...
Что не встанем по грому будильника, затемно, рано,
Чашкам-плошкам молясь пред кухонным алтарём...
О, вся Божия утварь, вся бабья крабья посуда,
Расползается, разбивается на миллионы кусков...
Не собрать, воедино не склеить осколки! О, где ты, чудо?!
Сколько детских могил... сколько юных седых висков...
Миром Господу, о, помолимся! Я так больше молиться не буду.
Хотя буду, буду, конечно, коли Бог даст жизни ещё –
Мне лукошко её протянет, отчистит тусклую её полуду,
И затеплятся губы во мраке свечой, солёно и горячо...
Люди, ближе! Да я сама к вам, милые, больней притиснусь и ближе.
Я сама без вас – просто снулая рыба, отброшенная щепка.
В пряной, нежной тьме храма я лица сквозь радужный ливень вижу,
Через слёзный дождь, от молчаливой вашей любви слепа.

И восстанет Молитва – до небес, столбом пламени, столпника жестом:
Эти вскинуты обе руки – всего народа, навеки и навсегда –
К сини кубовой купола, к золочёной окладовой жести,
К этой радости преблаженной: счастье, скорей сюда!
Мы устали брести сквозь снега и огни! Мы безумно устали!
Мор и глад нас косит... настали последние дни?..
О!.. не верим... мы столько лет шагали людьми из стали,
Были – гвозди крепкие, а теперь... спаси-сохрани!

А теперь мы нежные, мы трепещем неистово осенним ветром,
Жмёмся мы тесней друг к другу во старом храме, нас много так,
Мы – людское море, молчаливое, без берегов, без ответа,
Просто бьющее волнами в каменной смерти кулак!
Просто вместе вот это, единственное, выдыхаем:
О, помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей... –
И колышемся мы Живым в помощи пламенем – от края до края,
От судьбы до судьбы, что все драгоценней, больней и страшней.
Ну, давайте так взмолимся, чтоб Господь нас услышал –
Нас, навек ли, на час дерзко вброшенных в Мирь, вот сюда,
Чтобы мы проросли Богородичной травкой, шептали все тише
О любви... чтоб горели над теменем храма, в полночи звезда...
О, теснее и ближе! Из-за слёз уже ничего не вижу.
Только чувствую жар ладоней, локтей, лбов, щек и сердец,
Только Бог нами всеми, огромной толпою во храме, тихонечко дышит,
И мы – лёгкие лишь Его, от хриплой хвори свободные наконец...
Миромь Господу мы помолимся! А как же еще молиться!
Все заштопаем чёрные дыры пламенем, вечным огнём!
Мы – бесчётные люди, рыбы, звери, змеи, букашки, птицы,
Все к Твоим кровавым ногам в неисходной молитве прильнём!
Да, в молитве этой последней, горячей, слепой, незабвенной,
Зрячей, зрящей всё насквозь, через все пространства и времена,
Посреди родимой, великой, ромашковой, васильковой Вселенной,
Потому что родина, люди, навеки у нас одна,
И одна любовь, хотя вот она вам, растащите, рвите на части, делите,
Я всего лишь один из Христовых хлебов, коими всех Он кормил
Посреди Войны, середь Мира, и рыбы рвали ловчие нити
Средь родильных пелён, в виду изумрудного дёрна свежих могил,
Я стою в толпе посреди моего нерушимого храма,
А быть может, меня-то в нём, срок придёт, отпоют,
И услышу под куполом: в широкой толпе, там, на краю,

кто-то крикнет: «Мама!...» –

И воздрогну: это мой ребенок, а жизнь уместилась лишь в пять минут,
Это мой забытый, мечтаемый, избивенный, на юру казнённый младенец,
Богомаз-мой-умелец, мой геройский меч-кладенец,
Мой Роман Сладкопевец, мой царь Давид, иных времён песнопевец,
Ну давайте всем миром помолимся, это ж ещё не конец,
И прижмёмся теснее, и крепко обнимемся, сестры и братья,
Если так обнимемся, нас не возьмёт никакая беда,
Это общей молитвой к небесам возносится позднее наше объятье,
И оно не закончится, не разомкнётся, люди, уже никогда.

Николай ИВАНОВ

Председатель правления Союза писателей России

СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ – 65 ЛЕТ!

Дорогие друзья.

Нам с вами выпало удивительное время – сопричастности к истории Союза писателей. Великой России. Вечной России! И что не может не вызывать гордости – в этой нашей общей истории нет зигзагов. Ни наши предшественники, ни мы с вами не прогибались, не ловчили, не выгадывали лучшей доли за счёт других или вне истории страны. Да, страна менялась, менялись правительства, но все 65 лет Союз исповедовал единственную идеологию – любовь к Отечеству, которая для нас ни при каких обстоятельствах не подлежит перелицовке.

И сегодня в первую очередь наша благодарность тем, кто создавал Союз, кто руководил его работой прошедшие десятилетия. Кто выработывал стратегию и стиль нашей деятельности, расставлял духовные вешки, чтобы мы не смогли сбиться с пути даже в самые сильные политические метели. Они нам дали установку, чему быть, а чему – не быть никогда. Мы теряли благосклонность власти – но никогда общества. Мы теряли денежные гранты и проекты – но никогда совесть и гордость. Мы теряли попутчиков – но никогда друзей.

Знаем: молния бьет в искривленное или надломленное дерево. Наш Союз в этом плане оказался без червоточин. Не в счёт технические погрешности из числа тех, кто время от времени выскакивает в чисто поле и суматошно токует, слыша только себя, об индивидуальности художника, отвергая при этом любое единение и историческую потребность нашего народа в соборном Вече. Время показывает – они заботятся исключительно о себе. Таким не нужна ни страна, ни народ, ни литература. Такие никогда не впрягутся в общее дело – они видят себя только в роли кучеров или судей.

Но такие не нужны и Союзу, который более любого из подобных глашатаев ценит индивидуальность в творчестве, собственный голос каждого писателя. У нас нет большей радости, чем рождение нового таланта. Нет большей гордости, чем достижения и победы родной страны. Именно потому у Союза блестящая биография из имён и свершений. Именно потому все эти годы рядом с нами находились и находятся те, кто также не ловчил по жизни и не ставил себя выше интересов народа. Благодаря, в том числе, и этой взаимовыручке мы выстояли.

Друзья! У нас с вами нет вторых паспортов, второго дна, второго мнения. Мы не приучены укрываться от ветра за спинами других. У

нас своеобразное державное стояние на Комсомольском, 13 в служении Отечеству и литературе. Все наши региональные отделения – одной крови, у нас одна кровеносная система, и это единство даёт нам нескончаемый потенциал на дальнейшее духовное и творческое развитие. И если кто-то работает над финансовыми освоениями проектов, мы с вами нацелены на дела, каждодневно необходимые России.

Подчеркнём – и на освобожденных территориях тоже, которые для некоторых «творцов», похоже, никогда не станут родными. Мы с вами первыми встретили с хлебом-солью наших братьев-писателей из ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей. Мы едем к ним сами, как к родным людям. Едем к бойцам СВО и сами становимся в армейские ряды. Специальная военная операция высветила позицию каждого: и если мы с вами безоговорочно в одном окопе с нашим солдатом, то другие, кто никогда, собственно, не был связан с Отечеством пуповиной, кто, высосав молоко матери, забыл о ней в тот же миг, когда оно закончилось, – они для нас на теневой стороне Луны, хотя и живут вроде где-то рядом. Кто-то просто не выдержал той ответственности, которую возлагает на человека звание члена СП России и сошел на обочину – не хватило дыхания на длинную дистанцию, непосильными оказались нравственные критерии. Нам же указывает путь свет маяка, который зажгли в декабре 1958 года писатели – патриоты России.

И в эти юбилейные дни можем сказать нашим первым руководителям – фронтовикам Соболеву, Михалкову, Бондареву, историку Ганичеву – мы не уронили знамя, поднятое вами. Время показало, что нашим языком остаётся язык народа. Он для нас тот живой родник, пред которым мы только и становимся на колени, чтобы испытать живительной влаги и вновь обрести силы.

И не забываем: победы рождаются только при умении думать о будущем. Уже завтра нас ждут новые дела, и в их перечне нет второстепенных. Идём к горизонту, который не кончится никогда.

С праздником, дорогие друзья и единомышленники!

ПРАЗДНИК ЕДИНСТВА И ГОРДОСТИ

*Из отчёта о проведении торжественного секретариата,
посвященного 65-летию Союза писателей России*

8 декабря состоялось заседание секретариата, посвящённое юбилею нашего творческого Союза.

Заседание проходило в Белом зале на Комсомольском, 13, который тем не менее не смог вместить всех желающих, приехавших лично участвовать в мероприятии.

В президиум были избраны Председатель высшего творческого совета Владимир Крупин, 1-й секретарь СП России Геннадий Иванов, старейший работник центрального аппарата Марьяна Зубавина и председатель СМЛ Андрей Тимофеев, регионы представлял председатель Воронежского отделения Иван Щёлоков.

Любой праздник – это своеобразное подведение итогов определенного этапа нашей жизни и деятельности. Слава Богу, нам есть кому и за что сказать «Спасибо». Кого-то из наших коллег уже наградили в преддверии юбилея, чьи-то имена прибережены для поощрения на юбилеях региональных писательских организаций. Только в следующем году 90-летия отмечают Союзы писателей Дагестана и Башкортостана, Хабаровская организация и т.д. Какие-то поощрения не подошли к сроку – но подписание ведомственных приказов и Указов Президента зависит не от нас. Но они наверняка будут, и если чьи-то знаковые для литературы имена не прозвучали на вечере, это значит, они в списках на государственные и министерские поощрения.

Слово было предоставлено члену общественного совета по государственным наградам при Президенте Российской Федерации, члену правления СП России Палько Л.Л., который вручил медаль «За труды в культуре и искусстве» (Указ Президента РФ от 3 октября 2023 г.) генеральному директору Союза писателей Василию Дворцову. Присутствующие поздравили председателя нашей Ревизионной комиссии С.П. Куличкина, которому пять дней назад министром обороны был вручен орден Дружбы.

Председательствующий на заседании Н.Ф. Иванов подчеркнул:

– Знаете, чем отличается наш праздник от сборов других литературных собраний? Там никогда не будут люди в форме, а тем более никогда не станут приветствовать участников СВО. А мы отдаем дань уважения защитникам Отечества. И здесь, в этом зале, в том числе проходит водораздел между двумя Россиями. Корневая, глубинная – с нами. А точнее – мы с ней. Я хотел бы пригласить сюда поэтов, офицеров, фронтовиков, специально приехавших на этот праздник, – Сергея Лобанова и Данила Гайфуллина. Свои боевые ордена, свои нашивки за ранения, свои звезды на погоны и свои билеты членов Союза писателей России они получали на войне.

Я приглашаю на эту сцену только что вернувшегося с фронта после ранения секретаря СП России Шорохова Алексея Алексеевича.

И дорогие друзья. Будет единственно верным, если рядом с нашими бойцами станет солдатская мама – Марфунина Лидия Александровна, чей сын-минометчик, поэт сейчас находится на фронте.

И пусть этот ваш выход на эту сцену, наше единство в одном зале – все это останется в истории страны и Союза писателей России. Подобное, и только оно, сохранит Россию для будущего.

Поэтическое слово от бойцов СВО было предоставлено гвардии лейтенанту Сергею Лобанову. Даниле Гайфуллину был вручен билет члена СП России, который он не мог получить целый год из-за нахождения на фронте. Выражена благодарность секретарю СП России Игорю Витюку, который сумел организовать прибытие офицеров на праздник. Удивил и порадовал Алексей Шорохов. К нему, находящемуся на излечении в госпитале, однажды приехала делегация писателей. Среди гостинцев была и фляжка с живительным напитком. Алексей вернул её, наполненную, председателю СП России с пожеланием как можно быстрее

отпраздновать день победы. Лидии Александровне от всех присутствующих были вручены цветы.

Николай Иванов, обращаясь к фронтовикам, подчеркнул:

– В вашем лице мы передаем пожелание солдатской удачи нашим коллегам – Алексею Полуботе, Александру Марфунину, Дмитрию Филиппову, Валерию Киселеву, Михаилу Душину и остальным бойцам-писателям.

Более 10 лет назад у нас зародилось удивительно творческое содружество с С.П. Козубенко, который предложил по итогам года учредить премию «Слово». Сегодня ее вручение было приурочено к юбилею. Премии вручали Сергей Павлович Козубенко, 1-й секретарь Геннадий Викторович Иванов и народный художник Никас Сафронов, который вручал лауреатам календари со своими рисунками.

Премия «Слово-23» вручена:

– **Макаровой-Гриценко Светлане Николаевне**, – поэту, более 20 лет возглавляющей Краснодарскую краевую писательскую организацию.

– **Ерпылеву Ивану Владимировичу** – поэту, руководителю Оренбургской областной писательской организации. Кроме поэтического дарования и высоких организаторских способностей, отдельно хочу отметить его работу по подготовке и регистрации Устава СП России.

Иван Владимирович сейчас в командировке, передает всем привет и разделяет с нами торжественность момента.

– Лауреатами стали сразу два старейших работника центрального аппарата – заведующая протокольным отделом **Перевозванова Ирина Александровна** и секретарь приёмной комиссии **Вьюгина Светлана Васильевна**.

– Премией «Слово-23» награждены представители Крыма – это знаково в честь 10-летия Крымской весны. Дипломы переданы в Севастополь – **Ворониной Татьяне Андреевне**, руководителю Севастопольского отделения и одновременно главному редактору газеты «Литературная газета: новости культуры + Севастополь – Крым». Денежная премия пойдет на издание в газете отдельных полос о деятельности наших Запорожского и Херсонского областных отделений.

Вторая премия – удивительному проекту «Литературный трамвай», который более 10 лет проводит в Евпатории **Сергей Георгиевич Овчаренко**.

– Премия вручена **Бениаминову Андрею Геннадьевичу**, члену правления Псковской писательской организации, за объединительный проект «Словенское поле».

– Ярко заявила о себе в последние годы «Литературная гостиная» Союза писателей «ПАРК КУЛЬТУРЫ» под управлением **Нины Николаевны Дьяковой**. Гостиная не только открывает новые имена, но и объединяет в единое литературное пространство всю Россию – от Камчатки до Калининграда.

– Премия вручена поэту, неистовому волонтеру и участнику многочисленных поездок в зону СВО **Размыслович Светлане Сергеевне** из Великих Лук. Маму приехали поддержать её сыновья-гармонисты, которые представили собравшимся одну из своих композиций.

– С особой гордостью и грустью объявлено о награждении премией «Слово» **Громыко Киры Александровны**, еще вчера бывшей начальником отдела кадров СП России. Премия – это не знак прощания, а знак дальнейшего творческого содружества. Участники секретариата поблагодарили Киру Александровну за ее добросовестное служение Союзу писателей России и каждому писателю в отдельности, потому что, в том числе, практически все билеты при их обмене прошли через ее руки.

В этом году в числе лауреатов – Совет молодых литераторов. Их представил руководитель СМЛ **Андрей Николаевич Тимофеев**. Среди награждённых лучшие руководители СМЛ – **Дашко Александр Александрович (Ульяновск)**, **Харлашкин Юрий Станиславович (Иркутск)**, одни из организаторов фестиваля «Молодой Пушкин» **Савина Ксения Игоревна** и **Филиппова Татьяна Владимировна**.

После приветственных слов С.П. Козубенко и Н.Сафронова церемония награждения была продолжена.

Высшей наградой Союза писателей России – **Почетным знаком СП России «За заслуги в литературе»** награждены:

- **ИВАНОВ Геннадий Викторович**
- **ПОЛЯКОВ Юрий Михайлович**
- **БЕСЕДИН Николай Васильевич**
- **ЧВАНОВ Михаил Андреевич (Уфа)**
- **СОРОКИН Валентин Васильевич**
- **ЛОЩИЦ Юрий Михайлович**

На сцене – управляющий вице-президент Российского Книжного Союза **ПАЛЬКО Леонид Леонидович**. Он зачитал приветствие Президента РКС С.В. Степашина и наградил Почётными знаками Российского книжного союза писателей, которые связаны с издательской деятельностью. Это **Ю. Козлов («Роман-газета»)**, **И. Щелоков (журнал**

«Подъём»), В.Ерофеева (газета «День литературы»), А.Труба (журнал «Александръ»), Ю.Перминов (газета «Омское время»).

Звездой Достоевского награждается военный историк, председатель Ревизионной комиссии СП России Куличкин Сергей Павлович.

Приказом Председателя СП России в состав Совета секретарей введены:

Филиппенко Дмитрий (Кузбасс)
Белоусов Юрий (Шатура Московской области)
Берсенев Сергей (Подмосковье)
Пшеничный Анатолий (Москва)
Дашко Александр (Ульяновск)

При Союзе писателей России утвержден Совет по литературе о спорте, его руководителем назначен писатель, бывший морской пехотинец, боксер Александр Колесников. На днях группа писателей побывала на базе подготовки юных боксеров – юношей и девушек, которые на чемпионате мира в Ереване взяли общекомандное первое место. Александр Колесников вручил грамоты участникам литературного десанта к спортсменам.

Были вручены билеты: Рогозиной Татьяне, Сенча Виктору, Гайфуллину Даниле, Бай Сыхун (Китайская Народная Республика). Было объявлено о приёме в ряды СП России Федоренко Анастасии Сергеевны. Журналист, писатель, она после издания книг готовилась к приёму в Союз писателей России. Однако, находясь в зоне СВО, была схвачена, провела долгие месяцы в застенках СБУ. После обмена прожила некоторое время, но пытки и издевательства сделали свое дело – Анастасия умерла. Тем не менее секретариат принял решение рассмотреть её документы, подготовленные к вступлению в СП России, и принял её в наши ряды. Билет будет вручен отцу героини.

В лице Анастасии Федоренко присутствующие почтили память всех погибших в ходе СВО и защиты Донбасса.

Были объявлены имена тех, кто за свой подвижнический труд награжден **Золотой Пушкинской медалью «За заслуги в развитии литературы»:**

– Крупин Владимир Николаевич
– Козубенко Сергей Павлович
– Янин Игорь Трофимович
– Никольская Наталья Семеновна
– Зубавина Марьяна Васильевна
– Котькало Сергей Иванович
– Баранова-Гонченко Лариса Георгиевна
– Буланичев Виктор Васильевич (Бийск, Алтайский край)
– Силкан Дмитрий Викторович
– Сазонов Геннадий Алексеевич (Вологда)
– Анашкин Эдуард Константинович (Самара)
– Тимофеев Андрей Николаевич
– Фролов Виктор Геннадьевич

- Масалов Владимир Иванович (МИД, поэтическое отделение «От-душина»)
- Попов Андрей Гельевич (Сыктывкар)
- Громов Александр Витальевич (Самара)
- Смолькин Игорь Александрович (Псков)
- Гурьянов Владимир Георгиевич (Саратов)
- Попов Владислав Васильевич (Архангельск)
- Леонов Юрий Николаевич (Москва)
- Заболоцкий Анатолий Дмитриевич (Москва)
- Скворцов Константин Васильевич (Москва)
- Замшев Максим Адольфович (Москва)
- Антипов Сергей Сергеевич (Подмосковье)
- Соловьев Владимир Геннадиевич (Москва, Союз журналистов России)
- Линник Александр Иванович (Москва)
- Глазов Дмитрий Игоревич (Секретарь Художественного совета Министерства обороны РФ)
- Лютов Владимир Владимирович
- Кростынь Сергей Робертович (Москва, Автодор)
- Карлюкевич Александр Николаевич (Минск)
- Чергинец Николай Иванович (Минск).
- Гаврилович Владимир Николаевич (Гомель)
- Спаржина Мария Юрьевна (Москва)
- Федоров Виктор Васильевич (Президент Российской Государственной библиотеки).
- Ефимовская Валентина Валентиновна (Санкт-Петербург)
- Захаров Петр Михайлович (Удмуртия)
- Логинов Александр Александрович (Каргополь)
- Прокопьев Сергей Николаевич
- Чупров Олег Акимович (Санкт-Петербург)
- Сергеева Ирэна Андреевна (Санкт-Петербург)
- Чеченев Константин Васильевич – (Ассоциация книгоиздателей России)
- Филимонов Олег Васильевич – (Ассоциация книгоиздателей России)
- Рудаков Дмитрий Станиславович – Мэр Рыбинска, Литературного города России.
- Васильева Марина Владимировна – Министр культуры Ярославской области.
- Дедюля Светлана Степановна – до 2023 г. – директор научной библиотеки имени Тютчева г. Брянска.
- Барков Михаил Викторович (Москва)
- Коростелёва Валентина Абрамовна (Балашиха)
- Мусинова Наталия Евгеньевна (Кострома)

В канун 65-летия нашего Союза у нас появилась новая знаковая награда. Как нельзя подходящая под нашу работу:

«Сказитель Руси. За заслуги»

Награждаются:

- Ехалов Анатолий Константинович (Вологда)
- Тарковский Михаил Александрович
- Грибанова Татьяна Ивановна (Орел)
- Елфимов Аркадий Григорьевич (Тобольск)
- Бобров Александр Александрович (Москва)
- Степашин Сергей Вадимович (Президент Российского книжного Союза)
- Палько Леонид Леонидович (Генеральный директор издательства «Вече»)
- Дмитриев Сергей Николаевич (главный редактор издательства «Вече»)
- Дорошенко Николай Иванович – главный редактор сайта «Российский писатель»
- Белинский Анатолий Иванович – писатель-фронтовик, Санкт-Петербург.
- Мартышин Владимир Сергеевич (Ярославль)
- Шацков Андрей Владиславович (Москва, гл. редактор альманаха «День поэзии – XXI век»)
- Линник Виктор Алексеевич (главный редактор газеты «Слово»).
- Шорохов Алексей Алексеевич
- Рыжков Александр Михайлович (Рыбинск, Литературный музей города)
- Блехман Григорий Исаакович
- Скарлыгин Геннадий Кузьмич – председатель Томской областной писательской организации
- Ганичева Марина Валерьевна – главный редактор журнала «Роман-журнал 21 век».
- Якушев Владимир Иванович – председатель Пермского регионального отделения СП России (Пермь).
- Терехин Вадим Федорович – (Калуга)
- Куприн Александр Иванович – руководитель Ставропольского отделения СП России
- Самойлова Анна Александровна – председатель Алтайского краевого отделения СП России (Барнаул)
- Полумискова Екатерина Петровна – (Ставрополь)
- Васюнькин Юрий Николаевич (Рязань)
- Семин Александр Николаевич (Екатеринбург)
- Мариан Борис Тихонович (Молдова)
- Рудягина Олеся Геннадьевна (Молдова)
- Илляшевич Владимир Николаевич (Эстония)
- Петрова Татьяна Юрьевна – певица
- Назаров Юрий Владимирович – актер
- Колесникова Надежда Александровна – певица
- Алмазов Александр Валерьевич – художник

– Алмазов Григорий Валерьевич – художник и ряд других писателей.

Одна из самых редких наград СП России – это медаль Станюковича, которая учреждена Союзом писателей совместно с Севастопольским отделением и которая вручается литераторам, связанным с морем. Первыми ее обладателями стали писатели-маринисты Николай Черкашин, Владимир Шигин, участник кругосветного путешествия на паруснике «Крузенштерн» Вадим Арефьев. В этом году секретарь СП России Юрий Шурчков участвовал в экспедиции по Северному морскому пути. Корабль «Михаил Сомов» с участниками экспедиции сел на мель, потребовалась эвакуация. Мы ждем от Юрия книги об этой драматической экспедиции, он же за свой профессионализм награжден **Медалью Станюковича**.

Этой же награды удостоены наши товарищи, капитаны 1 ранга:

– Пахомов-Носов Юрий Николаевич (Москва) и Орлов Борис Александрович (Санкт-Петербург), а также Малышев Александр Константинович (Калининград).

Премия имени А. Платонова «Умное сердце» была вручена Анне Ретеюм и Александру Можаяву.

Самым заметным явлением последних двух лет стали выпуски наших сборников патриотической поэзии, посвященные СВО. Первым оказала финансовое содействие Государственная компания «Автодор».

Дипломом **Меценат русской литературы** награждена Государственная компания «Российские автомобильные дороги» (Автодор) – Председатель правления ПЕТУШЕНКО Вячеслав Петрович.

Этого же диплома удостоен КРИВОНОСОВ Михаил Михайлович.

Ведущий вечера подчеркнул, что в адрес СП России пришло много приветствий – от администрации Президента (Владимир Владимирович Путин в момент проведения торжества как раз объявил в Кремле о своём решении баллотироваться на выборах в Президенты страны), много пожеланий высказали министры культуры ряда регионов, начиная с Ульяновска и Ярославля. Кострома, Крым, Благовещенск, Камчатка, Брянск, Белгород, Черкесск, Махачкала – практически все руководители наших отделений передали самые добрые пожелания своим коллегам в связи с юбилеем.

Почетные грамоты и благодарность председателя СП России получили:

- Чубенко (Капустина) Елена Ивановна (Чита)
- Орлов Юрий Иванович (Иваново)
- Кобзарь (Костенко) Вера Петровна (Белгород)
- Сушенцова Татьяна Ивановна (Казань)
- Жаткин Дмитрий Николаевич (Пенза)
- Карачев Михаил Иванович (Вологда)

- Мещеряков Юрий Альбертович (Тамбов)
- Ширманов Игорь Александрович (Ханты-Мансийск)
- Пиетилияйнен Елена Евгеньевна (Петрозаводск)
- Виноградов Илья Леонидович (Мурманск)
- Долинго Борис Анатольевич (Екатеринбург)
- Сердечная Любовь Сергеевна (Санкт-Петербург)
- Токарева Анна Петровна (Егорьевск Московской области)
- Берзина Любовь Александровна (Москва) и другие.

В завершение вечера Н. Иванов сказал:

– Еще раз поздравляем друг друга с праздником русского слова. С праздником нескгибаемого духа русских писателей. С нашим единением. Ещё раз подчеркну – награждения не закончены.

И впереди у нас много дел. В феврале, в канун 2-й годовщины СВО, мы планируем провести единый по всей стране, с участием каждого отделения СП России – день гордости за участников СВО – презентации, сдача крови, участие во всевозможных акциях, встречах в суворовских училищах и т.д.

В апреле нас приглашает в свою деревню в Тульской области Федор Конюхов, где планируется открыть 300 бюстов – героям, ученым, святым и, конечно же, писателям, поэтам. Есть предложение один памятник – а это 200 тысяч рублей – воздвигнуть от имени СП России – попробуем собрать эту сумму и затем поехать 18 апреля на открытие писательской аллеи. У нас впереди 10-летие Русской весны в Крыму, у нас наши фестивали и литературные премии. У нас с вами новое общение, новые книги и новые друзья. С новым днем и с новым этапом нашей жизни.

И с нашими песнями...

На первой и четвёртой страницах обложки:
«Бийск». Фотографии Сергея Кульгина

Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал издаётся с 2003 года на средства учредителей, издателя и попечением Сергея Козубенко. Выходит 4 раза в год.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, точность приведённых цитат, цифр и другой информации ответственность несут авторы. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за информационные обзоры несут авторы-составители. Редакция допускает авторскую орфографию и пунктуацию материалов. Журнал безгонорарный, издаётся на основе безвозмездных отношений.

«Бийский Вестник»
на сайте: журнальныймир.рф
Электронный адрес: biyavestnik@mail.ru

Журнал «Бийский Вестник»
Главный редактор **В.В. Буланчев**
№2 (82) 2024. Дата выхода в свет: 05.05.2024
Тираж 1200 экз.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25. Распространяется бесплатно.

Отпечатано в РОАК ОООП «Общероссийское литературное сообщество»
Адрес: 659305, Россия. Алтайский край. г. Бийск, пер. Муромцевский, 2, тел/факс (3854) 33-25-50

Адрес редакции: 659300, Россия, Алтайский край, г. Бийск, ул. Ленина, 246-71 (а/я 72). тел. 8 (913) 231-19-89
Издатель: Козубенко С.П. Адрес: 659305, Россия. Алтайский край. г. Бийск, пер. Муромцевский, 2,
тел/факс (3854) 33-25-50

Журнал «Бийский Вестник» зарегистрирован управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю и Республике Алтай, ПИ № ТУ22-00427 от 27 июня 2013 г.
Учредители: Администрация г. Бийска Алтайского края, Алтайская краевая научная и историческая общественная организация «Демидовский фонд», ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова»

Корректурa: **Любовь Дорошенко**
Вёрстка: **Павел Молчанов**

БИЙСКИЙ
ВЕСТНИК

ЖУРНАЛ РОДИНЫ В.М. ШУКШИНА

